174
На ожвет

Лидія Чарская.

Не копировать

Люсина жизнь.

Повѣсть для юношества
въ 3-хъ частяхъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XV-02998
И РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗ

Съ рисунками * * *.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

2007052883

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА — 1915.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мнѣ пришлось гостить этимъ лѣтомъ въ одномъ изъ «медвѣжьихъ угловъ» нашей обширной матушки Россіи. Тамъ, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ моего дяди, у котораго я временно поселилась, въ усадьбѣ его знакомыхъ, я встрѣтила молодую дѣвушку.

Она сразу завладѣла моимъ вниманіемъ, и мы съ нею скоро подружились, несмотря на разницу лѣтъ.

Было что-то родственное въ нашихъ душахъ, сходное въ характерахъ и натурахъ.

Однажды Люся (настоящей фамиліи ея я называть не стану) подала мнѣ небольшую тетрадку, исписанную ея крупнымъ характернымъ почеркомъ.

— Вотъ, дорогая, прочтите это,—сказала она мнѣ,—здѣсь мой дневникъ, мои замѣтки, моя душа, мое сердце, все мое внутреннее «я» безъ доли вымысла и прикрасъ. И вся моя жизнь съ той минуты, когда я начинаю себя помнить, и до восемнадцати лѣтъ. Она проходила у меня до сихъ поръ не совсѣмъ обыкновенно, не такъ, какъ у другихъ дѣтей была богата случаями и приключеніями. Пестрѣла всевозможными типами, далеко не безынтересными тоже. Если бы я была писательница, то составила бы большую интересную книгу обо всемъ этомъ. Но

увы! я не обладаю такимъ даромъ. А между тѣмъ, такъ хочется раскрыть все пережитое мною читателямъ, познакомить ихъ со встрѣтившимися на моемъ пути людьми, могущими заинтересовать такихъ же юныхъ существъ, какимъ является ваша покорная слуга. И вотъ, я прошу васъ замѣнить меня въ этомъ дѣлѣ.

Я передаю вамъ одни только факты, одинъ сырой матерьялъ, одни короткіе наброски.

Выберите изъ нихъ все то, что найдете нужнымъ, обработайте, дополните, расширьте,—однимъ словомъ, сдѣлайте пригодными для печати. И этимъ вы вполнѣ осчастливите вашу Люсю.

Я внимательно прочла синюю тетрадку.

Дѣйствительно, она состояла изъ отрывковъ, набросковъ и замѣтокъ, крайне заинтересовавшихъ меня, настолько заинтересовавшихъ, что я при первой же представившейся мнѣ возможности, взялась за работу. Я обработала этотъ матерьялъ согласно просьбѣ моей пріятельницы, взявъ цѣлый рядъ фактовъ и приключеній изъ жизни Люси, ея дѣтства, отрочества и юности, и, такимъ образомъ, возникла повѣсть «Люсина жизнь», которую я и передаю по желанію самой героини ея моимъ юнымъ друзьямъ-читателямъ.

Лидія Чарская.

Часть первая.

ДѢТСТВО.

I.

Шоколадная утка.

Трехлѣтняя очень худенькая и очень бойкая дѣвочка вьюномъ вьется по небольшой свѣтлой гостиной. Она то подпрыгиваетъ, приближаясь къ столу, на которомъ лежатъ четыре такія соблазнительныя вещи, какъ: большія ножницы, кусокъ воска, иголка съ ниткой, воткнутой въ подрубленный только что нянею носовой платокъ, и маленькая шоколадная утка; то, какъ ни въ чемъ не бывало, удаляется отъ стола и смотритъ съ самымъ невиннымъ видомъ въ окошко.

Маленькая дѣвочка—это я. Меня зовутъ Люсей. У меня есть отецъ и бабушка, такая старенькая, что когда кто-либо спрашиваетъ меня: «скажи, сколько лѣтъ твоей бабушкѣ, Люсинька?» Я сразу отвѣчаю безъ заминки.—«Сто лѣтъ!» Между тѣмъ какъ моей въ ту пору, дѣйствительно, старой бабушкѣ было около семидесяти.

Есть у меня еще няня Феня. Эта Феня очень молоденькая, румяная и такая бойкая, что двухъ минутъ не можетъ спокойно посидѣть на одномъ мѣстѣ. На кухнѣ за эту-то бойкость

мою няню остальная прислуга не очень долюбливала, а кухарка Лукерья, вся насквозь пропитанная кухоннымъ чадомъ и лоснящаяся, какъ только что начищенная кастрюля, та — Ѳеню иначе какъ «вертихвосткой» не называла. Зато я свою няню очень люблю. Кромѣ папы, бабушки и Ѳени, у меня есть еще Филатъ, огромный песъ, про котораго моя молоденькая тетка, папина младшая сестра Муся, говоритъ, что онъ «страшно породистый», а папочка ей на это отвѣчаетъ несомнѣнно: «Что и говорить, чистокровный дворянинъ». Но о Филатѣ пока что распространяться не буду, такъ какъ начала вспоминать про шоколадную утку, къ ней и возвращусь. Шоколадная утка это—подарокъ, полученный мною нынче. Когда мы закупали съ Ѳеней сегодня въ лавкѣ на цѣлую недѣлю сладости: мармеладъ, постилу, изюмъ и орѣхи, приказчикъ съ умиленнымъ видомъ вынулъ изъ большой запыленной банки, крѣпкую какъ камень, шоколадную утку съ отбитымъ носомъ и приподнесъ ее мнѣ съ самой галантной улыбкой.

— Вотъ-съ, извольте-съ, получить маленькая барышня съ нашимъ особеннымъ вамъ почтеніемъ-съ. Кушайте-съ на здоровье и насъ не забывайте-съ. Послѣднія слова относились, кажется, къ Ѳенѣ, потому что она вспыхнула и потупила глазки подъ устремленнымъ на нее взглядомъ приказчика. И тотчасъ же вырвала у меня изъ рукъ утку и положила ее къ себѣ въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и думать не смѣй до обѣда пробовать ее, Люсинька. А то опять затошнитъ, супа кушать не станешь и бѣдной Ѳенѣ влетитъ по первое число, шопотомъ предупредила меня, довольно нелюбезнымъ тономъ моя молоденькая няня.

Вышла я изъ магазина въ самомъ сумрачномъ настроеніи духа и всю дорогу дулась на Ѳеню. Дулась и тогда, когда она, по приходѣ домой, вынувъ изъ кармана шоколадную утку, положила ее на столѣ въ гостиной, а сама усѣлась, какъ ни въ чемъ не бывало, подрублять платокъ и напѣвать въ полголоса пѣсенку про сѣраго козлика.

Что касается меня, то я терпѣть не могу этой пѣсни. И пѣсня глупая и козелъ глупый. Охота же была ему лѣзть прямо на рога къ злымъ волкамъ. Я бы, будь я козликомъ, непремѣнно бы ихъ сама забодала рогами... Такъ бы и не съѣли они меня ни за что. Или козликъ былъ еще маленькій, и у него не выросли еще рога? Надо разспросить объ этомъ хорошенько Ѳеню.

Но мнѣ не приходится сдѣлать этого, потому что моя милая нянечка, покончивъ съ подрубкой платка и обратившись ко мнѣ, еще разъ съ краткимъ, но убѣдительнымъ внушеніемъ ни подъ какимъ видомъ не ѣсть шоколадную утку до обѣда, быстро исчезла за дверью гостиной, шумя накрахмаленными юбками. Да, хорошо ей было

внушать... А каково-то испытывать соблазнъ моему чрезмѣрно-отзывчивому на все сладкое трехлѣтнему сердцу?.. Походивъ вокругъ стола просто шагомъ и побѣгавъ въ припрыжку, я самымъ неожиданнымъ образомъ пришла къ счастливому заключенію, что было бы далеко недурно заняться для препровожденія времени большими ѳенинными ножницами, положенными по сосѣдству съ шоколадной уткой. Не задумываясь ни минуты, я снова подхожу къ столу и беру ихъ двумя пальцами такъ осторожно, какъ будто они сдѣланы не изъ желѣза, а изъ хрусталя, и вотъ-вотъ ежеминутно грозятъ разбиться вдребезги на мелкіе кусочки. Вспоминаются почему-то стихи изъ книжки «Степка-Растрепка» о мальчикѣ, который поминутно сосалъ палецъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не «прибѣжалъ портной съ большими ножницами, злой, и вдругъ не отрѣзалъ пальчики съ обѣихъ рукъ». Вспоминается и соотвѣтствующая этому случаю картинка: злодѣйскаго вида человѣкъ, въ клѣтчатыхъ панталонахъ, ручьи крови, и неистово ревущій мальчишка съ обрубками пальцевъ на рукахъ. Главнымъ же образомъ, вспоминаю ножницы совсѣмъ такія же страшныя, какъ эти. Но такія ли острыя эти, какъ были тѣ, этого я не знаю и, чтобы въ томъ убѣдиться, хватаю со стола подрубленный ѳенею платокъ, такой бѣленькій и аккуратный, ни разу, повидимому, не бывшій въ стиркѣ, и вырѣзаю изъ средины его ножницами кружокъ величиною въ мѣдный пятакъ. Потомъ соображаю мгновенно, что рубецъ на платкѣ далеко не такъ уже хорошо подрубленъ, и что было бы куда лучше замѣнить его зубчиками. Не откладывая дѣла въ долгій

ящикъ, сажусь на полу, тутъ же около стола и, пыхтя и сопя немилосердно, начинаю съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, мять и рѣзать ни въ чемъ неповинный новенькій платокъ. Полюбовавшись съ минуту на свою работу, я вспоминаю, что въ платокъ была воткнута иголка съ ниткой. Сейчасъ же ее здѣсь нѣтъ...

Гдѣ же она? Гдѣ? Куда она могла дѣваться?

Ужасное предположеніе мелькаетъ молніей въ моей младенческой головѣ. Совсѣмъ некстати припоминаются сейчасъ причины, объясняющія запрещеніе старшихъ давать дѣтямъ иголки въ руки: иголку можно проглотить — и тогда послѣдуетъ смерть неотвратимая и ужасная. Иголка можетъ также войти въ мягкую часть тѣла, оттуда потянется дальше, дойдетъ до сердца и тогда... тю-тю прощай, Люсинька!

Воображеніе мое разыгрывается...

Теперь мнѣ кажется уже, что это фактъ совершившійся,—и что я, дѣйствительно, проглотила иголку. Подхожу къ зеркалу и смотрю, не торчитъ ли нитка у меня изо рта. Нѣтъ, и съ этой стороны все обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Нитка не торчитъ. Стало-быть, послѣдняя надежда на возможность извлеченія при ея помощи иголки исчезаетъ безслѣдно. Это обстоятельство, какъ нельзя лучше соображаетъ моя мало умудренная житейскимъ опытомъ трехлѣтняя голова. И я начинаю тихонько хныкать и, поглядывая безпомощными глазами по сторонамъ, жалобно-прежалобно взываю:

— Няня Ѳеня! Няня Ѳеня! Ня-я-не-чка!

И вотъ снова взглядъ мой падаетъ на шоколадную утку. Не есть ли она моя спасительница? Что если я съѣмъ ее? Она защититъ меня отъ злополучной иголки́, облѣпитъ ее своей мягкой клейкой массой, и та не вонзится въ мое тѣло. И я уже не разсуждаю больше. Стремительно вскакиваю съ пола и быстро хватаю соблазнительную приманку. Спрятавшись съ нею въ уголкѣ гостиной между книжнымъ шкапомъ и роялемъ, я ѣмъ ее быстро и жадно, точно никогда не ѣла ничего сладкаго за все мое трехлѣтнее существованіе. Ѣмъ и вмѣстѣ съ этимъ вымазываю себѣ на совѣсть лицо, шею, руки, платье и передничекъ. Шоколадная утка могла бы съ успѣхомъ называться каменной, такъ она неудобо-съѣдобна и крѣпка. Но зато сладости невообразимой!

Прищелкивая языкомъ, глотаю послѣдній кусочекъ и вылѣзаю изъ моей засады. Проходя мимо зеркала, бросаю въ него удовлетворенный взглядъ и вдругъ начинаю ревѣть испуганнымъ страшнымъ ревомъ.

Ужасный маленькій карликъ смотритъ на меня оттуда своей черной ,какъ у негра пятнистой физіономіей. Жуткій маленькій карликъ съ лицомъ вымазаннымъ въ шоколадѣ.

Я реву. Реву тѣмъ заливчатымъ ревомъ, который звономъ отзывается въ ушахъ самого ревущаго.

Вбѣгаетъ испуганная Ѳеня.

— Люсинька? Что такое? Что случилось? Кто обидѣлъ Люсиньку? И тутъ же, увидя мое невозможно-вымазанное лицо, Ѳеня краснѣетъ и сердито топаетъ ногою:

— Безстыдница! Съѣла-таки! Съѣла до обѣда шоколадную утку!

Я знаю по опыту, что вслѣдъ за этимъ неминуемо послѣдуетъ увѣсистый шлепокъ, и считаю, поэтому необходимымъ разжалобить Ѳеню.

— Я проглотила иголку! — взвизгиваю я на весь домъ.

Эффектъ отъ такого признанія получается чрезвычайный.

— Она проглотила иголку!—всплеснувъ руками, вопитъ не менѣе отчаянно моя молоденькая няня. И, схвативъ меня на руки, начинаетъ трясти съ такой силой, точно хочетъ заставить иголку выскочить изъ моихъ внутренностей.

— Какую иголку? Какую? — трагическимъ шопотомъ допытывается она у меня.

— Большую иголку, съ длинной ниткой,— продолжаю я фантазировать, не переставая ревѣть ни на минуту.

Ѳеня въ отчаяніи и плачетъ тоже. Приходитъ бабушка, прибѣгаютъ отецъ и тетя Муся, которая гоститъ у насъ всѣ лѣтніе мѣсяцы, свободные отъ занятій въ институтѣ.—Что такое? Что случилось? Отчего Люсинька плачетъ? Въ чемъ это она выпачкалась? Да говори же, Ѳеня!— кричатъ они наперерывъ всѣ трое и протягиваютъ ко мнѣ руки.

Ѳеня, всхлипывая, объясняетъ въ чемъ дѣло. Она отлучилась только на минутку за молокомъ для Люсиньки, а Люсинька... И тутъ слѣдуетъ длинный перечень моихъ преступленій, существующихъ и несуществующихъ, всѣхъ, кромѣ самаго главнаго, о проглоченной иголкѣ Ѳеня благоразумно умалчиваетъ. Но я не замедляю возстановить истину и ору уже безо всякихъ слезъ, на весь домъ благимъ матомъ:

— Я проглотила иголку! Я проглотила и-го-ол-ку... А-а-а-а!

Весьма легко себѣ представить, какое впечатлѣніе получилось отъ этихъ словъ!

У бабушки подкосились ноги. Мой ненаглядный папочка сталъ такой же бѣлый, какъ только что изуродованный мною и теперь валявшійся на полу носовой платокъ; тетя Муся, всегда розовая и веселая, вдругъ будто слиняла, сразу какъ Фенина ситцевая кофта послѣ стирки.

— Доктора! Доктора! Необходимо сейчасъ же извлечь иголку... дать ей рвотное, заставить ее выпить сырыхъ яицъ и касторки... срывалось съ помертвѣвшихъ губъ бабушки въ то время, какъ папочка хватался за голову, не зная что придумать, что предпринять. Я же переходила съ рукъ на руки, отъ бабушки къ папочкѣ, отъ папочки къ Фенѣ и обратно. Одна только тетя Муся оставалась въ сторонкѣ и что-то усердно искала на коврѣ.

— Ахъ вотъ она!—весело прозвучалъ ея голосъ, и она звонко разсмѣялась на всю комнату.

— Вотъ она, иголка, преблагополучно валяется на полу. Ты ее и не думала глотать, проказница Люся!.. Сережа, мамочка, да успокойтесь вы, ради Господа Бога, живехонько и здоровехонько ваше сокровище ненаглядное... Ну, Люська, маршъ въ свою дѣтскую, нечего арапчонкомъ ходить, безстыдница ты этакая!—обратилась она уже непосредственно ко мнѣ. Затѣмъ, поднеся къ самому моему носу иголку, ту самую злополучную иголку, которая по моему предположенію, должна была давно уже обрѣтаться въ моемъ желудкѣ, спросила, прямо глядя мнѣ въ глаза:

— Эту иголку, ты проглотила, негодница ты маленькая? Да? Говори!

— Эту... Съ длинной ниткой!—помимо моей воли нерѣшительно сорвалось съ моихъ губъ.

— Ха, ха, ха!—раздался вокругъ меня дружный веселый хохотъ. Мгновенно всѣ страхи и ужасы моихъ родныхъ перешли въ самое веселое настроеніе, теперь они отъ души смѣялись.

Смѣялся отецъ, смѣялась бабушка, смѣялась тетя Муся. Одной Фенѣ было не до смѣха. Бабушка очень строго смотрѣла на нее все время пока царило приподнятое настроеніе въ нашей маленькой гостиной. И этотъ строгій взглядъ сулилъ мало хорошаго Ѳенѣ. Когда же веселое настроеніе прошло, бабушка погрозила пальцемъ моей нянюшкѣ и внушительно произнесла:

— Если что-либо повторится подобное, и ты еще хоть разъ оставишь ребенка одного съ опасными вещами въ комнатѣ, то я тотчасъ же разсчитаю тебя, Ѳеня. Поняла?

Русая головка моей молоденькой няни печально поникла при этихъ словахъ старшей хозяйки. Правда ненадолго. Лишь только старшіе ушли, и мы остались снова вдвоемъ съ нею, она бросила сердитый взглядъ на мою жалкую, пристыженную фигурку и не менѣе сердито зашипѣла:

— У-у, негодная дѣвчонка! Лгунья! Иголку, видишь ты, проглотила! Безстыдница! Не такъ бы завопила, кабы по всамомдѣлешнему проглотила! Только добрыхъ людей напугала зря. Ишь ты вымазалась... Платокъ опять же испортила! У-у, срамница. Мѣсто изъ-за тебя, негодницы, терять мнѣ, што ли? Господи Ты Боже мой! Царица Небесная, Владычица, сладу мнѣ нѣтъ съ ребенкомъ этимъ. Погоди, негодница, ужо придетъ онъ—Зеленый, утащитъ тебя въ лѣсъ, отдастъ волкамъ, будешь тогда знать, какъ мучить бѣдныхъ людей! И схвативъ меня за руку, болѣе нежели энергичнымъ движеніемъ, она повлекла меня въ дѣтскую, чтобы смыть съ моего лица и рукъ злополучный шоколадъ.

***

Вечеръ... На окно спущена непроницаемая темная штора. Синевато-желтый огонекъ лампады тихо вздрагиваетъ передъ большимъ образомъ нерукотворнаго Спаса. Я лежу въ своей мягкой тепленькой кроваткѣ и широко раскрытыми глазами смотрю на причудливый букетъ розовыхъ обоевъ, которыми оклеена моя уютная, хорошенькая дѣтская. Происшествіе съ шоколадной уткой исчезло безслѣдно и давно забыто. Вечеромъ бабушка съ папочкой и тетей Мусей, какъ ни въ чемъ не бывало, играли со мною

въ пароходъ и соединенными усиліями укладывали потомъ въ постельку. Даже Ѳеня переложила гнѣвъ на милость и разсказала мнѣ чудесную сказку про маленькую дѣвочку-Дюймовочку,—сказку, вычитанную ею изъ какой-то книжки. Но все же въ сердцѣ у меня осталась какая-то жуть. И не то, чтобы жуть, а какое-то странное ощущеніе тревоги... И причиною этого настроенія являлся онъ—Зеленый...

Нѣсколько разъ уже няня Ѳеня говорила мнѣ о немъ, угрожая мнѣ и шутя и серьезно: «Вотъ де придетъ Зеленый и унесетъ тебя въ лѣсъ и отдастъ волкамъ на съѣденіе». А кто такой Зеленый я и не знала хорошенько по правдѣ сказать. И боялась спрашивать о немъ Ѳеню. А вдругъ что-нибудь страшное, отъ чего мурашки побѣгутъ по тѣлу и подкосятся ноги? Мнѣ этотъ Зеленый представляется почему-то небольшимъ и толстымъ, очень толстымъ, какъ шарикъ, и весь онъ былъ въ зеленыхъ волосахъ, какъ клубокъ нитокъ, обверченъ ими, а глаза у него были маленькіе и злые, какъ у змѣи. И жилъ онъ въ самой чащѣ непроходимаго лѣса. Волки боятся его, а онъ командуетъ ими какъ важный баринъ. Днемъ онъ спитъ, а ночью катается зеленымъ клубочкомъ повсюду, вокругъ тѣхъ домовъ, гдѣ живутъ дурныя, капризныя дѣти. Подкатится къ такому ребенку Зеленый, вытолкнетъ его изъ теплой кроватки, погонитъ его въ лѣсъ, а тамъ тутъ какъ тутъ они,—волки. Гамъ, гамъ! и съѣли и останутся однѣ косточки

отъ дитяти. Зеленому это нипочемъ. Сидитъ онъ себѣ да щелкаетъ зубами—кого бы еще, придумываетъ, волкамъ отдать и снова катитъ клубочкомъ къ кроваткамъ провинившихся за день дѣтокъ, стараясь распознать по лицамъ ихъ, кто больше напроказилъ, кого скорѣе другихъ надо наказать.

Ахъ! Отъ страха я вся сжимаюсь въ комочекъ и начинаю трястись всѣмъ тѣломъ. Еще бы! Я — большая преступница, изрѣзала Ѳенинъ носовой платокъ, съѣла вопреки запрещенію шоколадную утку и напугала весь домъ этой злополучной исторіей съ иголкой. И, навѣрное, Зеленый катается уже вокругъ меня гдѣ-нибудь по близости моей кроватки! Ошалѣвшая отъ страха, я зажмуриваю глаза, чтобы какъ-нибудь не увидѣть его случайно. Но это не помогаетъ, однако... Я слышу и чувствую его... Какъ онъ шелеститъ вокругъ моей кроватки, отлично слышу. Теперь, не выдержавъ больше, я кричу:

— Нянечка! Нянечка! Возьми меня къ себѣ, а то меня унесетъ Зеленый!

Ѳеня вскакиваетъ въ одной рубашкѣ съ большого сундука, замѣняющаго ей ночью постель, заспанная, горячая, съ полураспущенной косою, свѣсившейся черезъ плечо.

— Какой еще тамъ Зеленый? Христосъ съ тобой, Люсенька? Спи, спи спокойно!—тянетъ она тоненькимъ, пѣвучимъ отъ дремоты голоскомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я хочу къ тебѣ! Къ тебѣ въ постельку!—отчаянно протестую я и цѣпко обвиваюсь ручонками вокругъ ея шеи.

Тогда она рѣшительно вынимаетъ меня изъ моей кроватки и уноситъ къ себѣ.

Какъ у нея славно на мягкой перинѣ, наброшенной поверхъ большого кованаго желѣзомъ сундука. И сама она токая тепленькая и ласковая... Милая моя нянечка!

— Теперь я не боюсь тебя, Зеленый; няня Ѳеня не отдастъ меня тебѣ ни за что!—заявляю я неожиданно и вся собираюсь въ клубокъ въ ласковыхъ объятіяхъ Ѳени.

Она несказанно смущена моими словами и тутъ же съ мѣста начинаетъ пояснять мнѣ, что никакого Зеленаго не существуетъ на свѣтѣ, что выдумали Зеленаго глупые люди, чтобы пугать имъ раскапризничавшихъ или расшалившихся не въ мѣру дѣтей. Что бояться Зеленаго, да и вообще не только Зеленаго, но и всего того, что идетъ не отъ Бога, даже грѣшно и преступно. Что Боженька дѣтокъ вотъ какъ любитъ и въ обиду ихъ не дастъ ни за что... И долго еще въ томъ же духѣ ораторствуетъ Ѳеня, а я слушаю ее, какъ балованный котенокъ, прижмуривъ глаза, обвивъ ея шею рукою и прижавшись къ ея щекѣ. Ея пушистые волосы щекочутъ мнѣ лицо, но это такъ пріятно! Милые пушистые волоски! Милая, добрая Ѳеня! Я внезапно преисполняюсь любви къ ней,—любви и раскаянія въ содѣянныхъ мною проступкахъ и мысленно даю себѣ обѣщаніе никогда, никогда больше не ссориться съ нею, не ѣсть безъ спроса никакой шоколадной утки, не вырѣзать рубчиковъ на носовыхъ платкахъ.

А дремота уже подкрадывается ко мнѣ незамѣтно... Золотымъ туманомъ застилаетъ мнѣ шаловливый сонъ усталые глаза. Вздрагиваютъ вѣки, силясь подняться еще разъ... Куда ужъ!.. Нарядная колесница короля сновъ уже прибли-

жается къ моему ложу... Чудесные свитки развертываетъ правившій ею Сонъ Дремовичъ и разбрасываетъ эти свитки кругомъ. Какой-то выпадетъ сонъ въ нынѣшнюю ночь на мою долю?..

И мой сонъ не замедлилъ явиться. Я вижу шоколадную утку, но такую огромную, какой не съѣсть даже цѣлому полку солдатъ. И Зеленаго вижу тоже. Онъ стоитъ передо мною такой маленькій-маленькій и жалкій-прежалкій и повторяетъ, плача: «Меня нѣтъ на свѣтѣ. Нѣтъ на свѣтѣ. Меня выдумали глупые люди. И это очень грустно...» И снова плачетъ навзрыдъ.

II.

ФИЛАТЪ.

Онъ былъ весь черный, какъ сажа, и кудлатый, какъ баранъ. Богъ знаетъ, чего только не находилось въ этой мягкой пушистой шерсти!

И щепочки, и какіе-то обрѣзки лентъ, и тѣла мирно упокоенныхъ, перешедшихъ въ область вѣчнаго молчанія мухи. Разъ даже моя няня Ѳеня нашла въ шерсти Филата огромнаго сердитаго паука. Впрочемъ, сердитый паукъ уже не представлялъ изъ себя ни малѣйшей опасности: онъ былъ мертвый. Но, несмотря на всю

непрезентабельность Филатки, я люблю его послѣ папы, бабушки и няни Ѳени больше всего на свѣтѣ. Даже хорошенькая тетя Муся занимаетъ мѣсто въ моемъ сердцѣ послѣ него.

Я и Филатъ—друзья не на жизнь, а на смерть. Хотя мѣсто Филата, по положенію сторожевого пса, должно быть на дворѣ, но открывая каждое утро заспанные глаза, я вижу милую черную кудлатую голову, которая тычется въ синій переплетъ моей дѣтской кроватки. А горячій, красный языкъ моего четвероногаго друга умудряется въ одинъ мигъ облизать мои щеки, лобъ, носъ и губы. На энергичные крики няни Ѳени: «пошелъ вонъ, на свое мѣсто, Филатка!» мой пріятель наивно воображаетъ, что его мѣсто подъ моей кроваткой и забирается туда на время, пока я, при помощи няни, совершаю свой утренній туалетъ.

Ежедневно на молитвѣ, прося здоровья папѣ, бабушкѣ, тетѣ Мусѣ, нянѣ Ѳенѣ и мнѣ маленькой, я неизмѣнно прибавляю также: «и Филаткѣ».

— Не надо, не надо,—энергично протестуетъ Ѳеня;—развѣ можно наравнѣ съ православными христіанами поганаго пса упоминать?

— А развѣ Филатка поганый? Да онъ лучше и добрѣе всѣхъ,—не менѣе энергично заступаюсь я за своего четвероногаго друга и прибавляю безъ малѣйшаго смущенія, осѣняя себя крестомъ: И дай имъ всѣмъ, добрый Боженька, здоровья и успѣха во всѣхъ ихъ дѣлахъ!

Конечно, къ Филату относилось только первое, такъ какъ его собачьи дѣла не требовали особаго успѣха. Стеречь дворъ, домъ и оглушительно лаять при каждомъ появленіи на дворѣ

чужого человѣка — не Богъ вѣсть еще какое трудное дѣло. Но тѣмъ не менѣе, онъ выполнялъ его очень успѣшно. Стоитъ только появиться кому-либо незнакомому вблизи нашего дома, какъ Филатъ начинаетъ такъ лаять и волноваться, что хоть изъ дому вонъ бѣги.

Папа находитъ это вполнѣ нормальнымъ и даже необходимымъ, но бабушка и тетя Муся, у которыхъ отъ Филаткинаго лая, долгое время звенитъ потомъ въ ушахъ, увѣряютъ, что нашъ ревностный сторожъ и защитникъ—самый невозможный и неблаговоспитанный песъ на земномъ шарѣ.

Я же совсѣмъ, совсѣмъ иного мнѣнія по этому поводу. По-моему, Филатъ и умница, и голубчикъ, и красавчикъ писаный, несмотря на свою свалянную, всклоченную шерсть.

Въ это лѣто мнѣ минуло четыре года, и бабушка послѣ совѣщанія съ папой и тетей Мусей рѣшили, что для такой большой дѣвочки няня Ѳеня съ ея первоначальной методой воспитанія уже не подходитъ, и что необходимо пригласить въ домъ бонну-нѣмку, которая бы обучила меня манерамъ и нѣмецкому языку.

Мы жили въ нашемъ маленькомъ имѣніи Новгородской губерніи, въ «медвѣжьемъ углу», какъ называли его наши столичные знакомые. Папа съ бабушкой долго совѣщались о необходимости пригласить въ домъ пожилую особу, такъ какъ молодая, навѣрное бы скоро соскучилась и уѣхала бы изъ нашего медвѣжьяго угла.

Вотъ этого я уже никакъ не могла понять. Что могло быть въ сущности лучше нашей усадьбы, окруженной тѣнистымъ садомъ, а дальше

лѣсомъ, чудеснымъ мохнатымъ лѣсомъ, гдѣ росли весною цвѣты, лѣтомъ ягоды и осенью грибы. Такіе славные скользкіе съ самыми разнообразными шапочками пахучіе грибочки, которые мы съ Ѳеней постоянно ходили собирать. А купанье лѣтомъ въ студеной милой рѣчкѣ! А посѣщеніе коровника, птичника и конюшни? О, мало ли сколько незамѣнимыхъ удовольствій скрывалось въ нашей славной усадьбѣ! И все это еще лѣтомъ только! А зимою? Зимою ледяная гора въ саду— это разъ, поѣздки съ папой въ саняхъ, запряженныхъ тройкой—это два, и постройки снѣжнаго дворца ловкими руками Ѳени—это три. Богъ знаетъ еще согласится ли новая бонна лѣпить мнѣ изъ снѣга дворецъ и бабу зимою, а лѣтомъ купатъся, держа меня на рукахъ въ нашей узенькой, но глубокой рѣчкѣ, или ходить по ягоды и по грибы. Новая бонна — не Ѳеня, и вкусы у нея далеко не Ѳенины, конечно. И при одной мысли объ этой новой боннѣ сердце мое стучитъ и бьетъ тревогу въ груди, бѣдное маленькое четырехлѣтнее сердце. А тутъ еще разлука съ любимой няней Ѳеней не можетъ не тревожить меня.

Съ горя ли, или по другой какой причинѣ, недоступной моему дѣтскому понятію, но Ѳеня дала слово одному молодому приказчику, который служилъ въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ мы жили раньше, выйти за него замужъ. Тому самому любезному молодому приказчику, у котораго мы постоянно покупали сласти, и который годъ тому назадъ снабдилъ меня шоколадной уткой.

Свадьбу справляли у насъ въ «Миломъ» (такъ называлась наша усадьба) и благословляли мо-

лодыхъ бабушка и папа, а тетя Муся взяла на себя роль главной подружки невѣсты. Ахъ, какая она была хорошенькая, моя милая няня, въ своемъ новенькомъ съ иголочки бѣломъ шерстяномъ платьѣ съ тюлевымъ вуалемъ на головѣ! А приказчикъ мнѣ на этотъ разъ совсѣмъ не понравился. Ужъ слишкомъ сильно напомадилъ онъ себѣ волосы и ужъ очень скрипѣли у него новые сапоги. Мнѣ почему-то было очень грустно въ тотъ вечеръ. Когда молодые, вернувшись отъ вѣнца, ужинали у насъ въ столовой, я убѣжала въ дѣтскую, кинулась на сундукъ, гдѣ еще недавно спала няня и съ котораго теперь была увезена въ городъ на квартиру ея мужа-приказчика ея мягкая перина и подушка, и залилась горькими слезами перваго неподдѣльнаго дѣтскаго горя. Мнѣ было и жаль Ѳеню и досада и обида вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нея клокотали въ моемъ дѣтскомъ сердечишкѣ.

«Вотъ,—думалось мнѣ,—ей и горя мало, что уѣзжаетъ отъ насъ. Всѣхъ тамъ промѣняла на одного противнаго приказчика. А я теперь одна останусь. И сказку про Дюймовочку не услышу больше. Вѣдь бабушка и папа не умѣютъ такъ хорошо разсказывать, какъ Ѳеня. А она и не плачетъ даже, что Люсеньку покидаетъ, что Люсенька теперь безъ нея останется одна».

Слезы мои льются все сильнѣе и сильнѣе. Скоро онѣ переходятъ въ громкія всхлипыванія. Всхлипыванія грозятъ каждую минуту превратиться въ потрясающій душу ревъ. Вдругъ, что-то горячее и шаршавое касается моего лица, трогаетъ мои мокрые глаза щеки, носъ, уши...

Съ ужасомъ откидываюсь я назадъ, испуганно раскрываю залитые слезами глаза и тутъ же

радостно вскрикиваю сквозь слезы:—«Филатка! Милый Филатка! Ты это? Какъ я рада, что ты пришелъ»!

Это, дѣйствительно, онъ, мой четвероногій пріятель. Положилъ обѣ переднія мохнатыя лапы на краешекъ сундука и добросовѣстно лижетъ мое залитое слезами лицо. А его пушистый, хоть и сваленный въ достаточной мѣрѣ хвостъ, рѣзко барабанитъ по полу въ порывѣ самого изступленнаго умиленія. Я нѣжно обнимаю его кудлатую голову, прижимаюсь къ ней лицомъ и обиженнымъ размякшимъ отъ слезъ голосомъ шепчу:

— Филатушка! Филатикъ мой мохнатенькій, мой кудлатенькій, золотенькій мой. Любименькій мой песикъ Филатушка. Ты одинъ у меня остался! Няня Ѳеня бросила меня. Бабушка съ папой бонну пригласили. Злую, нехорошую, Филатушка! А ты не злой! Ты—хорошій! Ты любишь свою Люсеньку и въ обиду ее не дашь! Вѣдь не дашь, Филатушка? А?

Наглядное доказательство того, что онъ, дѣйствительно, не дастъ меня въ обиду, выражается у него въ тихомъ повизгиваніи и усиленномъ постукиваніе объ полъ хвостомъ. Потомъ мы оба неожиданно засыпаемъ: я на жесткомъ лишенномъ подстилки сундукѣ съ невысохшими еще на рѣсницахъ слезами, Филатка у подножія моего жесткаго неудобнаго ложа, свернувшись клубочкомъ, на полу.

Должно-быть, сонъ мой на этотъ разъ довольно крѣпокъ, потому что я совершенно не чувствую какъ молодая новобрачная осторожно входитъ въ комнату, и обливаясь слезами, раздѣваетъ меня «въ послѣдній разъ» и укладываетъ въ постельку. Затѣмъ, стоитъ еще нѣко-

торое время у моего изголовья и любуется мною, точно желая запечатлѣть въ своей памяти черты маленькой капризной дѣвочки, доставлявшей ей столько хлопотъ. Но объ этомъ я узнаю только на другое утро со словъ бабушки и тети Муси, присутствующихъ при послѣднемъ прощаніи со мною моей молоденькой няни. Узнаю я и еще другую менѣе пріятную новость: пріѣхала новая бонна-нѣмка и ожидаетъ моего пробужденія въ столовой.

Ахъ, какъ не понравилась мнѣ она съ первой же минуты ея появленія на порогѣ дѣтской! Какая она старая, некрасивая и, должно-быть, злая! У нея очки на носу, а самый носъ длинный-предлинный. У моей же милой нянечки Фени былъ такой хорошенькій, задорный, вздернутый кверху, какъ у куколки носикъ! Я узнала сразу же, что новую бонну завутъ фрейлейнъ Амалія, и что по-нѣмецки Gutten Morgen означаетъ «доброе утро». Шершавыми руками она (поневолѣ вспоминаются нѣжныя ручки Ѳенечки) натягиваетъ мнѣ чулки на ноги и застегиваетъ сапожки.

— Не надо ихъ смущать обѣихъ. Пусть наединѣ познакомятся хорошенько!—говоритъ тихо бабушка тетѣ Мусѣ, и обѣ онѣ незамѣтно исчезаютъ изъ моей дѣтской.

— Ну, Kindchen (дитятко),—говоритъ мнѣ фрейлейнъ Амалія,—давай умываться, а потомъ я причешу тебѣ головку.

Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія ни мыться ни причесывать головы. Куда было бы

пріятнѣе покапризничать и поскандалить хорошенько. И когда мокрая губка прижимается къ моему лицу, я начинаю неистово ревѣть и мотать головою.

Прибѣгаетъ тетя Муся, беретъ меня съ мокрымъ отъ слезъ и воды лицомъ къ себѣ на колѣни, участливо разспрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и уговариваетъ не плакать. Но я продолжаю ревѣть, не слушая никакихъ уговоровъ, мотать головой и вопить на всю дѣтскую благимъ матомъ.

— Няню Феню хочу... Мою няню Ѳеню, а эту вонъ... вонъ... вонъ!..

Тетя Муся совсѣмъ сконфужена и смотритъ растерянными виноватыми глазами на нѣмку. Но фрейлейнъ Амалія, смущенная не меньше, спѣшитъ ее успокоить: «О, это ничего, это случается... Дитя привыкнетъ понемножку... Съ перваго дня и требовать отъ нея нельзя привязанности къ новому человѣку. Все устроится. Не безпокойтесь, пожалуйста, не безпокойтесь?»

Но мнѣ эти утѣшенія приходятся далеко не по вкусу. Я взглядываю на нее сердитыми глазами исподлобья и весьма недвусмысленно бросаю въ лицо нѣмкѣ.

— Уйди вонъ. Я тебя не хочу!

Тогда наступаетъ очередь разсердиться тетѣ Мусѣ.

— Гадкая, капризная дѣвчонка!—говоритъ она, слегка награждая меня шлепкомъ. — Какъ ты можешь такъ обижать фрейлейнъ Амалію? Она добрая, уже успѣла полюбить тебя и такъ ласкова съ тобою, а ты такъ огорчаешь ее. Не хочу тебя знать послѣ этого. Одѣвай платье и ступай къ папѣ, пусть онъ накажетъ тебя.

И быстрыми руками тетя Муся накидываетъ на меня мое свѣтлое ситцевое платьице и, взявъ за руку, ведетъ въ кабинетъ къ отцу.

Мой папа очень занятой человѣкъ. И сейчасъ у него приказчикъ съ утреннимъ отчетомъ по дѣламъ имѣнія. И настроеніе у него не совсѣмъ хорошее нынче.

— Люся опять капризничаетъ. Приструнь ее хорошенько, Сергѣй, — просовывая свою хорошенькую головку въ дверь кабинета говоритъ тетя Муся. Положительно, папа не въ духѣ сегодня. Какіе-то счета не сходятся, потомъ вчера крестьянскія лошади забрались въ нашъ овесъ и пропала самая хорошая курица изъ птичника. Все это очень непріятно. А тутъ еще мой ревъ. Онъ сбрасываетъ нетерпѣливымъ движеніемъ пенснэ съ носа, смотритъ на меня съ минуту очень строго не говоря ни слова; и, наконецъ, потомъ произноситъ внушительно:

— Ступай въ столовую, выпей молока и возвращайся сюда. Ты будешь до завтрака сидѣть на диванѣ и писать палочки.

Охъ ужъ этотъ диванъ! Я познала его въ самыя тяжелыя минуты жизни. Онъ обтянутъ коричневой клеенкой, кое-гдѣ порванной, кое-гдѣ закапанной чернилами. Въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ жизни, когда я особенно провинюсь, меня сажаютъ на этотъ диванъ, даютъ мнѣ въ руки карандашъ, бумагу и, положивъ мнѣ на колѣни старую папку, заставляютъ выводить палочки, ровныя палочки на большомъ, большомъ листѣ бумаги. Одну строчку палочекъ, другую, третью, до тѣхъ поръ, пока не покроется ими цѣлая страница, и маленькая преступница тогда отпу-

скается съ миромъ. Это удивительно несносное и скучное занятіе—выводить палочки, сидя цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ, и знать, что на дворѣ въ это время ярко свѣтитъ солнышко, что въ саду, въ его тѣнистыхъ аллеяхъ такъ прохладно и хорошо; знать, что неизмѣнный другъ Филатъ уже ждетъ у крыльца свою маленькую хозяйку, заблаговременно приходя въ умиленіе отъ предстоящаго съ нею свиданья и сантиментально помахиваетъ хвостомъ. О, соблазнъ слишкомъ великъ, чтобы маленькая четырехлѣтняя дѣвочка могла не подчиниться его искушенію! И вмѣсто того, чтобы отправиться на злополучный диванъ отбывать положенное наказаніе, я, выпивъ стаканъ молока, поданный мнѣ Лукерьей, и скушавъ не безъ удовольствія очень сдобную и очень вкусную булку, медленно, потихоньку, прокрадываюсь въ садъ.

На мое счастье, тетя Муся занята своей газетой; она вся углубилась въ чтеніе, не замѣчая моего маневра.

Въ саду у крыльца не видно Филата. Должно-быть, кучеръ или садовникъ взялъ его съ собою въ городъ, куда ежедневно наши люди отправляются за покупками и на почту, благо уѣздный городокъ находится отъ «Милаго» всего на разстояніи двухъ верстъ. Тогда въ полномъ одиночествѣ я углубляюсь въ ближайшую аллею... И, о ужасъ! вижу тамъ мелькнувшее сѣрое платье фрейлейнъ Амаліи. Это сѣрое платье ненавистно мнѣ не менѣе самой его обладательницы. Встрѣтиться сейчасъ съ бонной совсѣмъ уже не входитъ въ мои расчеты. Напротивъ того, я страстно хотѣла бы, чтобы она уѣхала отъ насъ и какъ можно скорѣе. А на ея мѣсто пришла

бы снова моя милая няня Ѳенечка. Голова моя нѣсколько минутъ работаетъ надъ возможностью приведенія въ исполненіе такой комбинаціи. Но какъ избавиться отъ присутствія этой чужой и непріятной для меня особы—рѣшительно не могу придумать. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, мой четырехлѣтній мозгъ соображаетъ: если убѣжать куда-нибудь и спрятаться такъ, чтобы меня долго, долго искали и не могли найти, то фрейлейнъ Амалія подумаетъ, пожалуй, что я и совсѣмъ пропала, что меня унесли цыгане или трубочистъ или, по меньшей мѣрѣ, Зеленый, и уѣдетъ спокойно туда, откуда пріѣхала. А я, тѣмъ временемъ, преблагополучно вернусь домой и не увижу тамъ больше ненавистной мнѣ новой бонны. Этотъ нехитрый планъ кажется мнѣ такимъ прекраснымъ и удобнымъ, что, не теряя ни минуты, я рѣшаюсь тотчасъ же приступить къ его выполненію. Прячась за кустами, чтобы не быть замѣченной прогуливающейся по саду фрейлейной Амаліей, я проскальзываю на дворъ и скрываюсь за большимъ зданіемъ конюшни. За конюшней тотчасъ же начинается огородъ. Шмыгаю за гряды и почти ползкомъ достигаю дальняго его конца. Остается миновать нѣсколько разрушенную часть изгороди, и я на свободѣ! Тутъ же начинается небольшая поляна, обильно заросшая кустами брусники, которая такъ заманчиво алѣетъ всегда по осени (теперь еще ягоды ея далеко не созрѣли), а за поляной лѣсъ.

Блестящая мысль осѣняетъ мою голову. Если перейти поляну и скрыться, гдѣ-нибудь на лѣсной опушкѣ за кустами то уже, навѣрное, ни одна душа въ мірѣ меня тамъ не найдетъ.

Меня будутъ кликать, звать, аукать, но я не отзовусь ни за что. «Ни за что не отзовусь, пока не уѣдетъ Амалія», самымъ энергичнымъ образомъ рѣшаю я и пускаюсь въ мое далеко не безопасное для четырехлѣтняго ребенка путешествіе. Я уже благополучно пересѣкаю большую часть поляны, когда, къ полному моему удивленіе и неожиданности, вижу страннаго звѣря, выскочившаго изъ лѣса.

«Волкъ»! приходитъ мнѣ мгновенно въ голову тревожная мысль. Но тутъ же убѣждаюсь что это далеко не волкъ, а только собака (я отлично знакома со внѣшностью волковъ по картинкамъ), хотя и очень странная собака, какой я еще ни разу не встрѣчала за мою короткую до сихъ поръ жизнь. У этой собаки шерсть поднята дыбомъ, морда вымазана въ крови, а глаза... Ой, какіе глаза! Я вижу ихъ издали, какъ они горятъ точно двѣ маленькія свѣчки. Она несется, эта страшная собака, прямо на меня, съ опущеннымъ внизъ хвостомъ и съ такими ужасными, горящими глазами!

Инстинктивно, почуя опасность, я прячусь за ближайшій кустъ, но кустъ едва доходитъ мнѣ до колѣнъ, а разстояніе между мною и страшной собакой все уменьшается и уменьшается съ каждой секундой.

Вотъ она уже ближе, ближе... Теперь я ясно различаю еще одну подробность въ ея странной внѣшности: пѣна падаетъ кусками у нея изо рта. Собака теперь всего въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ меня... Ея страшные глаза смотрятъ на меня такъ, точно она вотъ-вотъ съѣстъ меня сію минуту или же искусаетъ до-полусмерти...

— Ай!—вскрикиваю я неожиданно для самой себя и заливаюсь отчаяннымъ ревомъ.

— Гамъ! Гамъ! Гамъ!—раздается тотчасъ же за моей спиною.

Я быстро оборачиваюсь: «Филатъ»!

Онъ несется стрѣлою прямо навстрѣчу страшной собакѣ... Вотъ промчался ураганомъ мимо меня... Вотъ слышится уже не одинъ, а два собачьихъ голоса... Затѣмъ визгъ, отчаянный, пронзительный, страшный... Отъ ужаса я падаю на траву подлѣ брусничнаго куста и крѣпко прижмуриваю глаза. Трясусь и реву благимъ матомъ. Реву на всю поляну, на всю усадьбу, кажется, на весь лѣсъ...

Собаки грызутся... Грызутся яростно, на смерть... Хрипѣнье, визгъ и дикое рычанье чередуются между собой... Отъ страха я уже ничего не помню и не понимаю... Впечатлѣнія слишкомъ сильны для такой маленькой дѣвочки, и я теряю сознаніе...

Прихожу въ себя и вижу, какъ сквозь сонъ знакомыя, милыя лица: бабушку, папочку, тетю Мусю...

— А гдѣ Филатка?—слабымъ голосомъ освѣдомляюсь у нихъ и снова впадаю въ забытье.

Съ того злополучнаго дня я нѣсколько недѣль лежу въ нервной горячкѣ. Никого не узнаю, брежу то страшной собакой, то фрейлейной Амаліей, то отчаянно съ упорствомъ зову своего друга Филатку. Но мой организмъ, здоровый и крѣпкій, въ концѣ-концовъ, побѣждаетъ болѣзнь. Жизнь и сознаніе мало-по-малу возвращаются ко мнѣ.

Но еще проходитъ немало времени, пока меня худенькую, слабенькую и измѣнившуюся до неузнаваемости, спускаютъ съ кровати и, поддерживая съ двухъ сторонъ, прогуливаютъ по комнатѣ. Я вижу теперь подлѣ себя вымученныя, исхудалыя лица. Бабушка, папочка и тетя Муся, какъ узнаю послѣ, не отходили ни на шагъ отъ моей постели. Они трепетали всѣ за жизнь ихъ проказницы Люси.

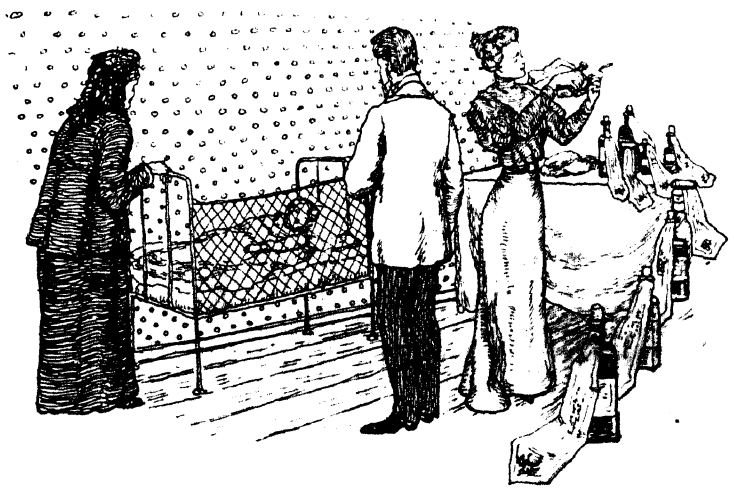
На дворѣ уже осень, когда я впервые чувствую себя вполнѣ здоровой. Деревья, разукрашенныя малиновымъ, пурпурнымъ, желтымъ и оранжевымъ цвѣтомъ, стоятъ еще пышныя и нарядныя, хотя листья уже обильно посыпаютъ дорожки сада. Меня тянетъ туда, въ эти милыя аллейки. По страшному стеченію мыслей, перебрасываюсь отъ желанія побѣгать по саду къ нестерпимому желанію увидѣть моего друга Филата. Уже нѣсколько разъ во время болѣзни я спрашивала о немъ у моихъ домашнихъ. И всегда получала какіе-то неопредѣленные, уклончивые отвѣты.

Зато о фрейлейнъ Амаліи я узнала все очень скоро. Во время моей болѣзни я такъ напугала всѣхъ своимъ горячечнымъ бредомъ и постоян-

нымъ упоминаніемъ имени бонны, что мои домашніе рѣшили, скрѣпя сердце, отказать ни въ чемъ невинной фрейлейнъ Амаліи отъ мѣста.

Итакъ, злополучной фрейлейнъ Амаліи уже не было у насъ въ домѣ, а Филатъ...

— Гдѣ же Филатъ? Я хочу Филата! Позовите мнѣ Филата! Приведите его ко мнѣ! потребовала я, наконецъ, капризно, широко пользуясь своимъ правомъ выздоравливающей.



Тогда со всевозможными предосторожностями папа, взявъ меня на руки и прижимая къ груди, открылъ мнѣ то, что они всѣ такъ тщательно скрывали отъ меня до этой минуты.

Въ тотъ злополучный день на меня, дѣйствительно, готовилась сдѣлать нападеніе «страшная» собака. «Страшная, потому что она была бѣшеная, и Филатъ, подоспѣвшій во-время, сумѣлъ геройски защитить отъ нея свою маленькую госпожу. Когда привлеченные моимъ отчаяннымъ плачемъ и дикимъ рычаньемъ собакъ,

старшіе прибѣжали на поляну, бѣшеная собака лежала насмерть искусанная вѣрнымъ Филатомъ, а самъ Филатъ съ тихимъ визгомъ зализывалъ свои раны.

Увы, эти раны отъ укусовъ бѣшенаго пса привели къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Мой бѣдный, милый Филатка взбѣсился тоже и его, волей-неволей, пришлось застрѣлить.

Все это очень осторожно сообщилъ мнѣ папа, державшійся строгаго правила никогда не обманывать дѣтей.

Боже мой, какъ горько я заплакала, узнавъ эту печальную новость! Филата нѣтъ, Филата не существуетъ больше, Филатъ никогда уже не будетъ встрѣчать моего пробужденія утромъ, не станетъ дожидаться моего появленія у крыльца! Никогда, никогда не увижу я больше моего четвероногаго пріятеля, вѣрнаго товарища моихъ дѣтскихъ игръ!

И вотъ, на основаніи всего пережитаго мнѣ приходитъ въ голову неожиданная мысль: что, если бы я не капризничала въ то утро, не убѣжала бы отъ бонны, не встрѣтила по дорогѣ къ лѣсу страшную бѣшеную собаку, Филату не пришлось бы выручать меня, и онъ остался бы со мною, мой бѣдный другъ!..

Жгучее раскаяніе острымъ уколомъ въ самое сердце, въ маленькое четырехлѣтнее сердце, даетъ знать о себѣ. Мнѣ мучительно жаль Филата, и горько-досадно на себя... О, съ какимъ восторгомъ я бы вернула тотъ печальный день! Пусть бы водворилась снова въ нашемъ домѣ ненавистная мнѣ фрейлейнъ Амалія съ ея очками и длиннымъ носомъ, я бы слушалась каждаго ея слова, я бы была покорной и кроткой, какъ овечка,

лишь бы не погибъ Филатъ, лишь бы мой четвероногій пріятель оставался тоже со мною! И слезы тихія и печальныя, некапризныя, а хорошія слезы, потекли еще обильнѣе по моему осунувшему за долгую болѣзнь лицу.

Съ этого дня наступилъ знаменательный переломъ къ лучшему въ моемъ характерѣ. Капризы исчезли. Исчезло и упрямство и желаніе всегда настоять на своемъ.

Старшіе очень скоро замѣтили эту благую перемѣну въ ихъ любимцѣ и приписали ее общему перерожденію моего организма, вслѣдствіе перенесенной мною серьезной болѣзни. На самомъ же дѣлѣ здѣсь крылась совсѣмъ другая причина.

Лишь только мною овладѣвало снова желаніе покапризничать, вмигъ мелькалъ въ моемъ воображеніи собачій обликъ моего четвероногаго друга, погибшаго вслѣдствіе такого же каприза его маленькой госпожи. Кротко съ мягкимъ укоромъ, смотрѣли на меня его добрые собачьи глаза, и я какъ будто слышала тихое, ласковое повизгиваніе, безъ словъ предохранявшее меня отъ всего дурного. И точно невидимая сила останавливала меня отъ дурныхъ поступковъ. Мой характеръ настолько измѣнился къ лучшему, что, когда много позднѣе въ нашъ домъ пріѣхала новая гувернантка, смѣнившая бѣдную фрейлейнъ Амалію, о которой я разскажу въ одной изъ послѣдующихъ главъ, я встрѣтила ее какъ желанную гостью и старалась доказать на дѣлѣ, что маленькая Люся далеко не дурной человѣкъ.

III.

ЦАРЕВНА МИГУЭЛЬ.

«Далеко, далеко, на самомъ концѣ свѣта находилось большое прекрасное синее озеро, похожее своимъ цвѣтомъ на огромный сапфиръ. Посреди этого озера на зеленомъ изумрудномъ островѣ, среди миртъ и глициній, перевитая зеленымъ плющомъ и гибкими ліанами, стояла высокая скала. На ней красовался мраморный дворецъ, позади котораго былъ разбитъ чудесный садъ, благоухающій ароматомъ. Это былъ совсѣмъ особенный садъ, который можно встрѣтить развѣ въ однихъ только сказкахъ.

Владѣльцемъ острова и прилегавшихъ къ нему земель былъ могущественный царь Оваръ. А у царя росла во дворцѣ дочь, красавица—Мигуэль-царевна»...

Пестрою лентой плыветъ и развертывается сказка. Клубится передъ моимъ духовнымъ взоромъ рядъ красивыхъ, фантастическихъ картинъ. Обычно звонкій голосокъ тети Муси теперь пониженъ до шопота. Таинственно и уютно въ зеленой плющевой бесѣдкѣ. Кружевная тѣнь окружающихъ ее деревьевъ и кустовъ, бросаютъ подвижныя пятна на хорошенькое личико юной разсказчицы. Эта сказка—моя любимая. Со дня ухода отъ насъ моей милой нянечки Ѳени, умѣвшей такъ хорошо разсказывать мнѣ про

дѣвочку Дюймовочку, я слушаю съ удовольствіемъ единственную только сказку о царевнѣ Мигуэль. Я люблю нѣжно мою царевну, несмотря на всю ея жестокость. Развѣ она виновата, эта зеленоглазая, нѣжно-розовая и златокудрая царевна, что при появленіи ея на свѣтъ Божій, феи вмѣсто сердца вложили кусочекъ алмаза въ ея дѣтскую маленькую грудь? И что прямымъ слѣдствіемъ этого было полное отсутствіе жалости въ душѣ царевны. Но зато, какъ она была прекрасна! Прекрасна даже въ тѣ минуты, когда движеніемъ бѣлой крошечной ручки посылала людей на лютую смерть. Тѣхъ людей, которые нечаянно попадали въ таинственный садъ царевны.

Въ томъ саду среди розъ и лилій находились маленькія дѣти. Неподвижные хорошенькіе эльфы прикованные серебрянными цѣпями къ золотымъ колышкамъ, они караулили тотъ садъ, и въ то же время жалобно звенѣли своими голосами-колокольчиками.

— Отпусти насъ на волю! Отпусти, прекрасная царевна Мигуэль! Отпусти насъ!—Ихъ жалобы звучали какъ музыка. И эта музыка пріятно дѣйствовала на царевну, и она частенько смѣялась надъ мольбами своихъ маленькихъ плѣнниковъ.

Зато ихъ жалобные голоса трогали сердца проходившихъ мимо сада людей. И тѣ заглядывали въ таинственный садъ царевны. Ахъ, не на радость появлялись они здѣсь! При каждомъ такомъ появленіи непрошеннаго гостя, стража выбѣгала, хватала посѣтителя и по приказанію царевны сбрасывали его въ озеро со скалы.

А царевна Мигуэль смѣялась только въ отвѣтъ на отчаянные вопли и стоны тонувшихъ...

Я никакъ не могу понять еще и теперь, какимъ образомъ пришла въ голову моей хорошенькой жизнерадостной тетки такая страшная по существу, такая мрачная и тяжелая сказка! Героиня этой сказки—царевна Мигуэль, конечно, была выдумкою милой, немного вѣтреной, но очень добренькой тети Муси. Ахъ, все равно, пусть всѣ думаютъ, что выдумка эта сказка, выдумка и самая царевна Мигуэль, но она, моя дивная царевна, прочно водворилась въ моемъ впечатлительномъ сердцѣ... Существовала она когда-нибудь или нѣтъ, какое мнѣ до этого въ сущности было дѣло, когда я любила ее, мою прекрасную жестокую Мигуэль! Я видѣла ее во снѣ и не однажды, видѣла ея золотистые волосы цвѣта спѣлаго колоса, ея зеленые, какъ лѣсной омутъ, глубокіе глаза.

Въ тотъ годъ мнѣ минуло шесть лѣтъ. Я уже разбирала склады и при помощи тети Муси писала вмѣсто палочекъ корявыя, вкось и вкривь идущія буквы. И я уже понимала красоту. Сказочную красоту природы: солнца, лѣса, цвѣтовъ. И мой взглядъ загорался восторгомъ при видѣ красивой картинки или изящной иллюстраціи на страницѣ журнала.

Тетя Муся, папа и бабушка старались съ моего самаго ранняго возраста развить во мнѣ эстетическій вкусъ, обращая мое вниманіе на то, что для другихъ дѣтей проходило безслѣднымъ.

— Смотри, Люсенька, какой красивый закатъ! Ты видишь, какъ чудесно тонетъ въ пруду багряное солнце! Гляди, гляди, теперь совсѣмъ алой стала вода. И окружающія деревья словно охвачены пожаромъ.

Я смотрю и вся закипаю восторгомъ. Дѣйствительно, алая вода, алыя деревья и алое солнце. Какая красота!

Я помню отлично, это было утромъ. Я еще нѣжилась въ кроваткѣ, не желая вставать. Лукерья только что вернулась съ базара изъ города съ большущей корзиной, наполненной до краевъ самой разнообразной провизіей и зашла въ мою дѣтскую. Особенно демонстративно торчали изъ корзины красная палочка морковки и связанныя для чего-то лапочки битаго пѣтуха. Своей птицы у насъ не ѣли. Бабушка не выносила крови, и наши домашнія куры могли совершенно спокойно разгуливать по птичнику и нести яйца, не опасаясь трагическаго конца.

— Пріѣхали, барыня-матушка, сусѣди-то! Вчерась только и пріѣхали. Самого управителя ихняго на базарѣ повстрѣчала. Артишоковъ и спаржу искалъ. Сказываютъ, самъ-то графъ, окромя зелени да фруктовъ иной пищи и не употребляютъ, потому какъ алтерьянецъ они...

— Ха... ха... ха! алтерьянецъ, вотъ такъ слово!—подбѣгая къ Лукерьѣ и раскатисто смѣясь, вскричала тетя Муся.—Какъ ты языкъ не сломала на немъ! Вегетарьянецъ... понимаешь. Ве-ге-тарь-я-нецъ...—съ тѣмъ же смѣхомъ протянула она.

— А мнѣ-то, што! Мнѣ все едино, што такъ, што этакъ! Пущай хоть по-вашему будетъ,—снова согласилась всегда невозмутимая Лукерья.

До уха моего долетѣли эти новыя и крайне интересовавшія меня слова. И къ тому же, было что-то необычайное въ выраженіи лицъ, съ которымъ сидѣвшая за расходной книгой бабушка и находившаяся тутъ же въ комнатѣ тетя Муся, приняли извѣстіе о пріѣздѣ сосѣдей. Сѣдыя брови бабушки высоко поднялись при этомъ, а свѣтлые глазки тети Муси такъ и заискрились самымъ неподдѣльнымъ оживленіемъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы я живо заинтересовалась таинственнымъ вегетеріанцемъ, для котораго покупались такія дорогія яства, какъ спаржа и артишоки.

— Кто пріѣхалъ? Кто?—мгновенно соскакивая съ кровати, съ которой только въ этомъ году сняли синій переплетъ и дергая Лукерью за передникъ, кричала я.

Тетя Муся взглянула на меня, лукаво прищуривъ глазки.

— Царевна Мигуэль пріѣхала, вотъ кто!—смѣясь проговорила она.

— Царевна Мигуэль?—Въ первую минуту я даже захлебнулась отъ счастья. Не соображая того, что героиня моей любимой сказки ни коимъ образомъ не могла появиться на фонѣ ре-

альной жизни, я, преисполненная самаго дикаго восторга, начинаю хлопать въ ладоши и кричать: «Царевна Мигуэль здѣсь! Моя милая, моя прекрасная, моя чудная царевна, здѣсь! Какъ я счастлива, какъ я счастлива...» Затѣмъ, соскакиваю съ постели и босая, въ одной рубашонкѣ, прыгаю по комнатѣ: «Царевна Мигуэль! Царевна Мигуэль!» словно зачарованная милымъ именемъ повторяю я.

Бабушка старается меня унять. Тетя Муся смѣется. Лукерья, умиленная моими бурными восторгами, смотритъ на меня съ широчайшей улыбкой.

— Будетъ уже тебѣ, Люсенька, будетъ, одѣваться пора, гляди, ужъ солнышко давно встало!— говоритъ бабушка и, такъ какъ я все еще не намѣрена уняться, и прійти въ себя, она насильно водворяетъ меня къ себѣ на колѣни и принимается за мой туалетъ, не переставая въ то же время журить мою молодую тетку: «И не стыдно тебѣ, Муся, голову засаривать ребенку всякимъ вздоромъ. Да и прежде всего непедагогично это восхвалять какую-то неправдоподобную людоѣдку или что-то въ этомъ родѣ,—словомъ поощрять жестокость. Нечего сказать, останется доволенъ графъ, когда узнаетъ, что прототипомъ твоей сказочной людоѣдки ты взяла его Аничку.

— Но, мамочка, чѣмъ я виновата, что маленькая графинюшка совсѣмъ-царевна Мигуэль, насколько я ее помню, по внѣшнему виду, по крайной мѣрѣ,—оправдывается тетя Муся, все еще лукаво поглядывая на меня.

— Что-о-о-о?—Я сразу падаю съ неба на землю.—Такъ моя Мигуэль не царевна вовсе, а

какая-то графинюшка?—и мое приподнятое настроеніе сразу тускнѣетъ. И желаніе заревѣть благимъ матомъ вслѣдствіе наиглубочайшаго въ мірѣ разочарованія и разбитыхъ внезапно иллюзій, непреодолимо захватываетъ меня. Въ эту минуту на порогѣ дѣтской появляется мой отецъ, и я сдерживаюсь поневолѣ.

— Мамаша! Муся! Вы слышали Олегъ Валентиновичъ вернулся со всей своей семьею изъза границы и завтра приглашаетъ насъ всѣхъ обѣдать къ себѣ. Кажется, тамъ какой-то семейный праздникъ. Вотъ и письмо. Понюхай какъ вкусно пахнетъ, Муся. Это по твоей-части.— И помахавъ въ воздухѣ бѣлымъ конвертомъ изъ крѣпкой англійской бумаги, въ углу котораго стояла золотая монограмма подъ графской короной, папа провелъ имъ слегка по кончику вздернутаго Мусина носика.

— Ахъ! Вотъ пріятный сюрпризъ!—вся вспыхнувъ отъ радости, проронила моя молодая тетушка.—Непремѣнно, во чтобы то ни стало, ѣдемъ туда, Сергѣй.

— Ну, а меня старуху ужъ увольте отъ такого путешествія. Ты, Сереженька, отправляйся съ Богомъ. Захвати сестру и дочурку, а я ужъ стара по гостямъ ѣздить. Избавьте,— отказалась бабушка.

— Какъ желаете, мамаша, я не настаиваю. Да и брать ли еще Люсю—подумать надо,—и мой отецъ вопросительно взглянулъ на свою мать.

О, какъ болѣзненно сжалось въ эту минуту мое дѣтское сердчишко! И какъ сильно, сильно забилось оно во мнѣ затѣмъ. Что? они не хотятъ брать меня къ царевнѣ Мигуэль, или къ таин-

ственной графинюшкѣ, такъ странно слившейся съ нею въ одномъ лицѣ? И я готова была разрыдаться съ горя. Вѣроятно, лицо мое краснорѣчивѣе всякихъ словъ выражало охватившее меня отчаяніе, потому что мой отецъ сразу склонился надо мною и пришелъ на помощь моему дѣтскому горю: «Ну, ну... только не плакать мнѣ, смотри, Люсенька. Такъ и быть, прихватимъ съ собою и тебя, хотя въ домѣ графа д'Обернъ тебѣ ничему не приходится учиться; тамъ процвѣтаютъ только, богатство роскошь и непроизводительные расходы, а мы съ тобой, должны быть скромными маленькими людьми. Но ужъ разъ тебѣ эта поѣздка такъ улыбается, что дѣлать—ѣдемъ! Довольна ты?»

Какъ тутъ было не оставаться довольной? И онъ еще спрашиваетъ меня объ этомъ! Въ подтвержденіе моей радости я взвизгиваю на весь домъ и начинаю кружиться волчкомъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока тетя Муся не ловитъ меня за руку и не водворяетъ къ умывальнику съ цѣлью закончить мой туалетъ.

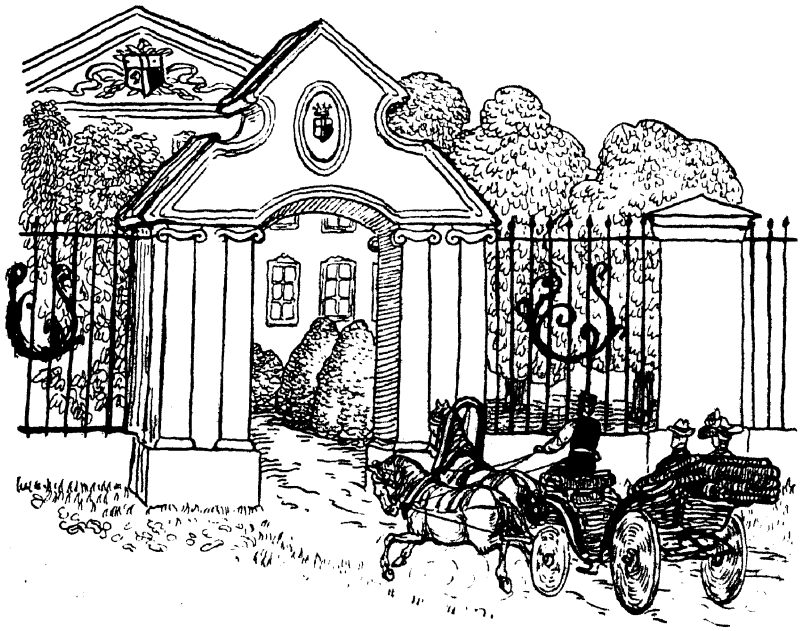
Когда на слѣдующій день мы всѣ трое, папа, тетя Муся и я приближаемся въ нашей деревенской, на дребезжащихъ рессорахъ, коляскѣ, запряженной гнѣдымъ Вѣтромъ и его женой Бурей, къ графской усадьбѣ, мнѣ радостно и какъ-то жутко въ одно и то же время, и кажется что мое маленькое сердце вотъ-вотъ готово разорваться отъ волненія на нѣсколько десятковъ, сотенъ кусковъ.

Бѣдное маленькое сердце! Бѣдная глупенькая дѣвочка Люся! Какъ трепещетъ она вся непреодолимымъ желаніемъ увидѣть поскорѣе свою царевну Мигуэль!

Бабушка нарядила меня въ мое лучшее платье, все въ прошивкахъ, съ малиновыми бантами на плечахъ и съ такимъ же поясомъ. Банты вздрагиваютъ какъ крылышки при малѣйшемъ движеніи, а прикрахмаленное до послѣдней степени платье стоитъ, смѣшно топорщясь вокругъ моей маленькой смѣшной фигурки.

Вотъ наша коляска поравнялась съ чугунной оградой пригородной усадьбы графа д'Обернъ. Отсюда до нашего уѣзднаго города, насчитывалось всего лишь полчаса ходьбы. Когда мнѣ приходилось прежде проходить или проѣзжать съ кѣмъ-нибудь изъ старшихъ мимо этой усадьбы, всегда пустовавшей съ того времени, какъ я начинаю себя помнить, мое дѣтское любопытсво бывало всегда затронуто при видѣ высокой стильной рѣшетки и главныхъ воротъ съ гербомъ д'Обернъ надъ ними подъ графской короной на флагѣ развѣвающемся у входа. Жилъ въ «Аниномъ», какъ называлась графская усадьба, только нѣмецъ управляющій съ женой и малолѣтней дочерью, да старая англичанка-гувернантка и цѣлый штабъ графской прислуги: садовники, конюхи, лакеи и поваръ съ двумя поварятами. Самъ графъ съ семьею находился постоянно за границей, гдѣ лѣчился отъ самыхъ разнообразныхъ недуговъ. Но здѣсь въ «Аниномъ» несмотря на его отсутствіе, царилъ образцовый порядокъ, и все казалось было готово каждую минуту къ пріѣзду графской семьи. Въ конюшняхъ стояли тщательно убранныя сытыя лошади, на садовыхъ куртинахъ, если то было лѣто, цвѣли самыя разнообразныя породы розъ и другихъ пахучихъ цвѣтовъ. Полны ими были и оранжереи графа. Тщательно выполоты и усыпаны гравіемъ дорожки сада. Зимою же

каждая аллейка сада была очищена отъ снѣга. Статуи находившіяся въ саду и сверкавшія въ лѣтнюю пору мраморной бѣлизною, на зиму тщательно прятались въ большіе деревянные футляры, казавшіеся въ ночную пору черными привидѣніями, пугавшими окрестныхъ крестьянъ. Окна дома, не глядя на время года—



зимою, весною, лѣтомъ и осенью, улыбались одинаково чисто вымытыми стеклами искрившимися въ лучахъ солнца. И только опущенный флагъ одинъ говоритъ объ отсутсвіи въ «Аниномъ» хозяевъ. Сейчасъ же онъ былъ поднятъ этотъ флагъ съ вышитымъ на немъ гербомъ д'Обернъ, подъ графской короной.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогіе гости,—говорилъ нѣсколько въ носъ и нараспѣвъ изысканно одѣтый во все свѣтлое

съ пергаментовымъ лицомъ высокій сѣдой старикъ, встрѣчая насъ на террассѣ дома.

Это былъ самъ графъ д'Обернъ, потомокъ и послѣдній отпрыскъ старинной аристократической фамиліи Франціи. Его предки когда-то эмигрировали въ Россію, еще при императорѣ Александрѣ Павловичѣ и были любезно приняты и обласканы государемъ. Имъ дали видныя должности при дворѣ и съ тѣхъ поръ фамилія д'Обернъ окончательно обрусѣла, и потомки французовъ-эмигрантовъ, служа и добиваясь положенія при русскомъ дворѣ, богатѣли отъ его щедротъ.

Сухой, изящный, болѣзненный на видъ хозяинъ «Анина», со своими сдержанными манерами и холодной величавой улыбкой, скорѣе походилъ по виду на англійскаго лорда, нежели на француза по происхожденію.

Двѣ дочери графа, барышни-подростки, и два его маленькихъ сына, окружали отца. Одна изъ юныхъ графинь, бѣлокурая, румяная, съ слегка косящими глазами, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, понравилась мнѣ своей простодушной, мягкой и довѣрчивой улыбкой. Другая шатенка, года на три старше сестры, была точной копіей своего отца. То же надменное выраженіе безцвѣтнаго лица, та же корректно-любезная, словно неживая улыбка, тѣ же сдержанныя, величавыя, какъ у взрослой барышни, манеры. А гладко причесанные волосы и серьезные недѣтскіе глаза дѣлали ее много старше ея лѣтъ. Молодыхъ графинь, какъ я узнала отъ тети Муси, звали Лизъ и Китти. Оба маленькіе графчика были очень милы въ своихъ модныхъ костюмахъ юныхъ денди съ ихъ манерою

держаться, заимствовано, очевидно, у взрослыхъ молодыхъ людей. Одному изъ нихъ, старшему Этьену, то-есть попросту Семену, было на видъ лѣтъ восемь. Другому—Вадѣ, Вадиму, шесть лѣтъ. Они оба, почему-то, напомнили мнѣ тѣхъ маленькихъ обезьянокъ-мартышекъ, которыхъ нищіе болгары водятъ по дворамъ. Молоденькія графини Лизъ и Китти протянули мнѣ руку, а мальчики съ самымъ серьезнымъ образомъ расшаркались передо мною, какъ пе-

редъ вполнѣ взрослой дѣвицей. Подоспѣла ихъ гувернантка, швейцарка m-me Клео со своей маленькой дочкой Лили, приблизительно моего возраста. Лили мнѣ не очень понравилась. Она слишкомъ насмѣшливо и бойко поглядывала на меня живыми черными, какъ два жучка, глазенками, детально разсматривая всю мою пышно разодѣтую особу. Потомъ, свысока кивнула мнѣ своей завитой барашкомъ, темной головкой. Я же вовсе не поздоровалась съ нею, пользуясь тѣмъ, что старшіе не смотрѣли на насъ въ эту минуту, и демонстративно повернула ей спину.

— Пусть дѣти познакомятся внѣ нашего присутствія,—произнесъ старый графъ, обращаясь къ моему отцу и тетѣ Мусѣ, которою уже за-

владѣли юныя графинюшки, величавая Лизъ и косенькая Китти, развлекая ее разговорами.— Пусть мои шалуны покажутъ ей садъ.—Но я не вижу Ани? Гдѣ Ани? Qu'est-elle-donc? гдѣ же она? поворачиваясь въ сторону гувернанки, спросилъ онъ.

Madame Клео что-то быстро-быстро заговорила по-французски, такъ что я, научившаяся всего нѣсколькимъ фразамъ на этомъ языкѣ, ничего не могла понять. Но графъ, очевидно, понялъ, что ему говорила швейцарка.

— Ужъ эта Ани,—произнесъ онъ, морща лобъ,—бѣда мнѣ съ нею,—и что-то еще добавилъ по-французски по адресу моего отца и тети Муси, сопровождая слова свои извиняющейся улыбкой

— Пойдемте съ нами въ садъ, мы покажемъ вамъ дворецъ Ани,—произнесъ старшій изъ мальчиковъ, Этьенъ, подставляя мнѣ колачикомъ руку.

Востроносенькая Лили тихонько фыркнула.

— Il se fait grand, il se faitg rand, ma! (онъ хочетъ казаться взрослымъ, онъ хочетъ казаться взрослымъ, мама)—дергая мать за рукавъ, зашептала маленькая швейцарка.

Этьенъ не обратилъ никакого вниманія на эти слова и съ гордымъ видомъ повелъ меня подъ руку. Вадя, его младшій братъ, надулъ губы. Очевидно, и ему хотѣлось казаться взрослымъ, и онъ завидовалъ Этьену. Съ вытянутыми трубочкой губами онъ поплелся за нами. Лили въ прискочку побѣжала впередъ.

Графскій садъ съ его затѣями въ видѣ искусственныхъ гротовъ, бесѣдокъ, фонтановъ и горокъ, съ цвѣточными клумбами и статуями на

каждомъ шагу, показался мнѣ великолѣпнымъ паркомъ. Прямыя какъ стрѣлы, усыпанныя гравіемъ и обнесенныя дерномъ, аллеи убѣгали далеко въ чащу. Деревья и кусты, ровно подстриженные, ласкали глазъ. Прелестный маленькій прудъ, обнесенный оградой, съ хрустальною прозрачной водою сверкалъ на солнцѣ милліардами разноцвѣтныхъ огней. Изящная пристань красовалась у берега. Маленькая, похожая на игрушку, лодка мѣрно покачивалась на водѣ, прикрѣпленная цѣпью къ одному изъ столбиковъ пристани. По бѣлому фону, золотыми буквами на бортѣ лодки значилось: «Ани».

Посреди пруда находился небольшой островъ. Бѣлый же ажурный въ мавританскомъ стилѣ домикъ помѣщался на немъ. Чѣмъ-то сказочный вѣяло и отъ островка и отъ бесѣдки-домика, похожаго на крошечный дворецъ. И невольное сравненіе его съ дворцомъ Мигуэль пришло мнѣ въ голову. А вокругъ острова росло цѣлый лѣсъ чистыхъ, словно изъ свѣтлаго воска вылѣпленныхъ, цвѣтовъ, царственно раскинувшихся на широкихъ изумрудныхъ листьяхъ.

— Вотъ дворецъ Ани!—указывая рукой на кружевную бѣлую бесѣдку, произнесъ мой маленькій кавалеръ.

— А вотъ и сама Ани и Марія съ нею. Въ тотъ же мигъ зашуршали прибрежные кусты ракиты, и на дорожку выскочили двѣ дѣвочки: одна некрасивая, немного сутуловатая съ безцвѣтными большими близорукими глазами съ длиннымъ, далеко не соотвѣтствующимъ ея дѣтскому лицу, носомъ, другая...

— Царевна Мигуэль!—вырвалось изъ груди моей невольно при видѣ этой другой. Да, это

была она, моя прекрасная, моя чудная царевна! То же гордое, надменное личико, тѣ же зеленовато-прозрачные, какъ воды лѣсного ручья, глаза, тѣ же, цвѣта спѣлой ржи, волосы, золотистыми локонами разбросанные вдоль спины и плечъ. Она была немного выше меня и какъ будто старше годами. Но много стройнѣе. Бѣлое легкое платьице мягкими складками облегало эту изящную фигурку настоящей саксонской куколки.

— Царевна Мигуэль!—вскричала я еще разъ невольно, съ умиленіемъ молитвенно сложивъ руки и глядя съ нескрываемымъ восхищеніемъ на ея очаровательную головку, казавшуюся въ лучахъ солнца совсѣмъ золотой.

— Какая смѣшная маленькая дѣвочка, откуда взялась такая?—безцеремонно, поднявъ ѣъ уровень съ моимъ лицомъ свой бѣлый тоненькій пальчикъ, проговорила Ани.

— Это наша сосѣдка, ее зовутъ Люсей,—забѣгая впередъ объяснила шустрая Лили.

— Тебя такъ зовутъ, правда, дѣвочка?—уже вполнѣ серьезно обратилась ко мнѣ моя царевна,—она же и Ани, младшая дочь графа д'Обернъ. Я замерла. Замерла отъ счастья, услыша ея обращеніе непосредственно ко мнѣ, и выпучивъ глаза и растянувъ ротъ въ самую блаженную улыбку, стояла, не спуская глазъ съ моей воплотившейся, наконецъ, въ реальный образъ мечты. Вѣроятно, лицо мое было въ достаточной мѣрѣ глупо въ эту минуту, потому что Ани громко расхохоталась, безо всякаго стѣсненія указывая снова пальцемъ въ мою сторону.

— Какая смѣшная! Ха, ха, ха, какая смѣшна дѣвочка. Я еще не встрѣчала такихъ.—Смѣхъ

ея, противъ ожиданія, былъ непріятный, слишкомъ рѣзкій и отрывистый; но даже и этотъ непріятный смѣхъ нравился мнѣ, какъ неизбѣжная принадлежность моей царевны.

— Что же ты все молчишь, дѣвочка? Можетъ-быть, ты проглотила языкъ? снова разсмѣялась Ани, прищуривъ глазки.

Бойкая Лили вторила ей, насмѣшливо поблескивая своими карими маленькими глазами. Но мальчики, Этьенъ и Вадя, хранили сосредоточенное молчаніе. Марія Клейнъ, дочь нѣмца-управляющаго, какъ я узнала это потомъ, подняла на меня свои большіе бецвѣтные глаза.

— Маленькая барышня сконфузилась. Это бываетъ,—произнесла, она, особенно отчеканивая слова.

Тутъ Этьенъ заложилъ правую руку за бортъ своего щегольского сюртучка и произнесъ тономъ нравоученія:

— А смѣяться безъ причины не слѣдуетъ, потому что это глупо.

— А тебя объ этомъ не спрашиваютъ,— рѣзко оборвала его сестра.

— Этьенъ всюду съ носомъ,—подхватила Лили.

— Всюду съ носомъ,—вторилъ ей младшій графчикъ.

Ани взглянула на младшаго брата такъ, какъ, по всей вѣроятности, глядѣлъ легендарный крыловскій слонъ на изводившую его лаемъ Моську, затѣмъ подпрыгнула на одномъ мѣстѣ, оборвала какую-то травку на длинномъ стеблѣ и перекусивъ ее хищными острыми, какъ у звѣрка зубками, бросила мнѣ торопливо черезъ плечо.

— А почему ты называешь меня царевной, смѣшная дѣвочка?

Мое сердце забилось сильно, сильно...

Вотъ наступила она, такъ давно ожидаемая мною минута! Моя мечта воплотилась. Моя далекая греза была передо мною. Какъ часто въ моихъ мысляхъ я составляла цѣлые разговоры съ нею, проектировала долгія безконечныя и сладкія бесѣды.

И вотъ, наконецъ, она здѣсь, подлѣ меня... Она спрашиваетъ, я должна ей отвѣтить. Наконецъ-то я могу сказать ей, какъ сильно я ее люблю, такъ сильно люблю, что готова всю жизнь отдать ей, по первому ея слову. Но вмѣсто всего этого я стою со сконфуженнымъ видомъ передъ нею и дико, тупо молчу. Противная, ненужная застѣнчивость сковываетъ мои губы. Но глаза мои, должно-быть, краснорѣчивѣе всякихъ словъ выражаютъ волнующее меня чувство. Слишкомъ краснорѣчиво, очевидно, говорили онѣ въ тотъ мигъ о моей любви къ Ани, потому что царевна Мигуэль, наконецъ, сжалилась надо мной.

Ея маленькая ручка легла на мое плечо а коралловыя губки, почти касаясь моего уха, шепнули:

— Милая, смѣшная дѣвочка! Что ты боишься меня, вѣдь я тебя не обижу и буду дружить съ тобою, если ты дашь мнѣ слово исполнять все, что я захочу. Даешь?

— Даю! — безъ минуты промедленія произнесъ кто-то, помимо меня, моими губами.

— Ну вотъ, за это-то я и подружусь съ тобою, — тономъ настоящей владѣтельной принцессы, произнесла уже вслухъ Ани, надменнымъ жестомъ, откидывая назадъ свою золотую головку.

И уже обращаясь ко всѣмъ остальнымъ, протянула капризно и совсѣмъ по-дѣтски.

— Я хочу на островъ!

— Надо позвать садовника. Онъ отвезетъ насъ. Кстати пригласить и m-me Клео,—разсудительно, копируя манеру говорить взрослаго человѣка, сказалъ Этьенъ.

— Какія глупости! Развѣ Марія не съ нами? Она почти большая Марія, вѣдь ей двѣнадцать лѣтъ. И m-me Клео отпускаетъ меня всегда съ съ нею одну на островъ, — уже нетерпѣливо крикнула Ани.

— Но сама она стоитъ на пристани въ это время,—вмѣшался снова Этьенъ.

— Ахъ, ты все сочиняешь... — засмѣялась моя царевна Мигуэль, своимъ несовсѣмъ непріятнымъ смѣхомъ,—скажи просто, что самъ трусишь воды и поэтому не любишь кататься въ лодкѣ.—Этьенъ замѣтно покраснѣлъ и сконфузился при этихъ словахъ. Очевидно, была некоторая доля правды въ словахъ Ани. Темные глаза мальчика уставились въ землю смущеннымъ взглядомъ.

— Ха, ха, ха!—залилась снова смѣхомъ Ани, съ торжествомъ глядя въ сконфуженное лицо брата.

— Этьенъ—трусъ,—неожиданно заявила быстроглазая Лили.

— Трусъ,—подтвердилъ эхомъ Вадя.

— Если-бы даже это было и такъ,—вдругъ сразу дѣлаясь серьезной, проговорила Ани, взглядомъ уничтожающаго презрѣнія награждая Лили,—то тебѣ объ этомъ говорить не приходится; ты должна всегда помнить, кто ты и кто мы. Красная какъ ракъ Лили юркнула за спины мальчиковъ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Между тѣмъ, Ани съ улыбкой, дѣлавшей ее прелестной, прыгнула въ лодку. Дѣти вскрикнули отъ неожиданности. А Марія Клейнъ стала бѣлѣе своей бѣлой блузки, надѣтой на нее въ этотъ день.

— Тише, ради Бога осторожнѣе, Ани, вы знаете что если случится несчастье съ вами...—Она не договорила и тоже соскочила съ пристани въ лодку.

Странное у нея было лицо въ тѣ минуты, когда она смотрѣла на маленькую графинюшку. Глаза большой дѣвочки въ такія минуты становились глубже и синѣе, а самыя черты дѣлались нѣжнѣе, мягче, и все некрасивое лицо хорошѣло отъ того внутренняго свѣта, который лился изъ ея глазъ. Несмотря на мой юный ребяческій возрастъ, я поняла смыслъ этой метаморфозы въ лицѣ Маріи; я поняла, что послѣдняя любитъ самой преданной и нѣжной привязанностью мою очаровательную царевну Мигуэль. Не торопясь, Марія сѣла на весла; между тѣмъ, Ани, держась за плечо большой дѣвочки, кричали задорно изъ лодки:

— Ну, кто еще ѣдетъ съ нами? Или трусите? Стыдитесь! Въ этомъ пруду курица не утонетъ, глядите же, видно дно!

— Видно дно,—нашелъ нужнымъ повторить поворачиваясь на одной ножкѣ Вадя.

— Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!—кричала Ани, громко смѣясь,—Такъ всегда говоритъ рара!

Не знаю, но какая-то сила толкнула меня впередъ.

— Я съ вами! вырвалось непроизвольно изъ моего рта.

Мнѣ страстно захотѣлось въ эту минуту показаться Ани безстрашной и большой. Хотѣлось доказать моей царевнѣ, что я не изъ тѣхъ, кто боится воды, какъ Этьенъ и ему подобные трусишки.

— Хочешь съ нами?—Зеленыя глазки Ани прищурились на меня. Яркія губки улыбнулись насмѣшливо. Или мнѣ такъ показалось только?

— Только осторожнѣе, не качай лодку,—строго проговорила Марія и, привставъ съ своего мѣста, протянула мнѣ обѣ руки.

И вотъ мы трое, она, моя царевна и я плывемъ къ завѣтному островку. Остальная часть

компаніи осталась ждать нашего возвращенія на пристани. Я вижу издали завистливые взгляды Лили, которой, очевидно, очень хотѣлось отправиться вмѣстѣ съ нами, немного сконфуженное лицо Этьена и добродушно улыбающуюся Вадину толстенькую мордочку.

Марія гребетъ. Я никакъ не ожидала такого умѣнья и ловкости отъ этой неуклюжей на видъ, сутуловатой дѣвочки. Ея черезчуръ длинныя, какъ у обезьяны, руки цѣпко держатъ сильными пальцами, весла, а отъ равномѣрныхъ движеній послѣднихъ, лодка съ каждымъ новымъ взмахомъ быстро подвигается впередъ.

— Мы плывемъ на мой островъ къ моему дворцу,—говоритъ по пути Ани, обращаясь ко мнѣ и держа шнурки руля у таліи,—такъ Марія назвала какъ-то бѣлую бесѣдку на островѣ, съ тѣхъ поръ это такъ и осталось. Однѣхъ насъ туда не пускаютъ... А съ m-me Клео и Марьей можно. Потому что Марія очень благоразумная и разсудительная. Это даже самъ papá говоритъ. Она все знаетъ, все умѣетъ... И грести, и плавать, и на лыжахъ бѣгать. А ты умѣешь бѣгать на лыжахъ? неожиданно огорошиваетъ меня вопросомъ Ани.

Богъ мой, чего бы только я не отдала сейчасъ лишь бы имѣть возмождость сказать «да» этой очаровательный Ани! Но увы! бѣгъ на лыжахъ я знала до сихъ поръ только по картинкамъ, а лгать я не умѣла совсѣмъ. Но, на мое счастье Ани и не требовала теперь отъ меня отвѣта. Она задумалась, наклонившись надъ бортомъ лодки. Черные шнурочки ея бровей почти сдвинулись, сошлись на переносицѣ. Зеленые немного выпуклые глазки сосредоточенно смо-

трѣли въ прудъ. Длинные золотые волосы спустились съ плечъ и повисли надъ водой. Марія, оставивъ на мгновенье грести, любовалась ею.

— Русалка! Вы похожи сейчасъ на маленькую русалочку, Ани, на маленькую такую, славненькую русалочку,—говорила она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Неправда, неправда, — отвѣчала со смѣхомъ Ани,—ты говоришь неправду, Марія,—у русалокъ должны быть длинные до пятъ волосы, а на головкахъ вѣтки изъ ледяныхъ лилій или кувшинокъ... Вотъ такихъ же, какъ тѣ, на пруду. Гляди скорѣе! Вотъ!—Бѣлый, словно сахарный, пальчикъ указываетъ на густой лѣсъ чудесныхъ таинственныхъ царственно-красивыхъ ненюфаръ. Солнце, нарядное лѣтнее солнце, одѣло ихъ въ яркія одежды своими блестящими лучами, а прозрачно-хрустальная вода пруда, искрясь и сверкая подъ ними, словно алмазная корона, окружала бѣлыя плоскія чашечки цвѣтовъ. И капли росы въ ихъ желтыхъ сердцевинкахъ сверкали чистѣйшими брильянтами среди томно разбросанныхъ подъ лѣтнимъ зноемъ восковыхъ лепестковъ.

Бѣлые водяные цвѣты теперь приковали все мое вниманіе. Мелькнула быстрая мысль въ моей взбалмошной головѣ: сорвать ихъ бросить къ ногамъ Ани. А Марія сплететъ изъ нихъ вѣнокъ на золотую головку моей царевны, и царевна Мигуэль станетъ настоящей русалкой въ этомъ бѣломъ сверкающемъ вѣнкѣ.

Мнѣ показалось въ ту минуту такимъ удобоисполнимымъ мое желаніе, такой доступной и простой моя мысль. Вѣдь ненюфары росли такъ близко. Стоило только протянуть руку и ближай-

шій изъ цвѣтовъ очутился бы въ моихъ тоненькихъ пальцахъ. Я взглянула на Ани. Она попрежнему смотрѣла въ воду и, кажется, любовалась своимъ собственнымъ отраженіемъ. Перевела взглядъ на Марію — та попрежнему сильно и сосредоточенно гребла. Ея спокойные не дѣтски серьезные глаза были прикованы къ цвѣтамъ, которые она видѣла, повернувъ голову въ полъ-оборота. До бѣлыхъ цвѣтовъ теперь оставалось всего лишь два-три взмаха веселъ. Лодка скользила. Зеленый островокъ гостепріимно улыбался издали своей прозрачной бесѣдкой и густыми кустами ракитника... И вотъ, у самой лодки, забѣлѣлись восковыя ненюфары на широкихъ бархатистыхъ изумрудныхъ листьяхъ.

Какъ они были хороши! Какъ должны были подчеркнуть своей красотою золотую головку Ани! Эта мысль вихремъ пронеслась въ моемъ мозгу. И я не разсуждала уже больше... Протянула руку и схватила первый попавшійся мнѣ ближайшій цвѣтокъ... Но что это? Крѣпкій стебель упрямо удерживалъ бѣлую головку водяной красавицы... И она не поддается моимъ усиліямъ... Тогда, я разжала пальцы и изо всей силы, налегая всѣмъ тѣломъ на бортъ почти игрушечной лодки, схватила, сосѣдній съ первымъ цвѣтокъ...

— Что ты!.. Что ты! Сиди смирно! Ты опроки...

Увы! Слишкомъ позднимъ явилось это предостереженіе! Я не дослышала конца фразы Маріи, потому что была уже въ водѣ, или вѣрнѣе и, на днѣ пруда, подъ водою, упавъ плашмя на его тинистый въ этомъ мѣстѣ песокъ.

Отвратительная мутная жижа наполнила въ тотъ же мигъ мой ротъ носъ, уши, залѣпляя мнѣ

глаза, все лицо и руки, упиравшіяся во что-то мягкое и скользкое. Мнѣ показалось въ тотъ мигъ, что все уже кончено, что я умираю.

И о, ужасъ, я даже не могла ни крикнуть ни позвать на помощь. Отвратительная каша наполняла мой ротъ, мѣшая дышать, грозя задушить каждое мгновенье. Не могу уяснить себѣ сколько времени длилось это ужасное стояніе, можетъ-быть, полминуты, можетъ-быть, и больше... Прекратилось оно какъ-то сразу... Чьи-то руки изо всей силы сжали мои плечи и приподнявъ меня, поставили на ноги. Затѣмъ, быстрыми движеніями тѣхъ же благодѣтельныхъ рукъ грязь и тина съ моего лица проворно исчезли, и я могла раскрыть освобожденныя отъ нихъ глаза.

Первое, что я увидѣла, былъ этотъ же лѣсъ бѣлыхъ цвѣтовъ, а среди нихъ опрокинутая вверхъ дномъ наша лодка. Передъ мною же по поясъ въ водѣ стояла Ани съ мокрою какъ послѣ купанья головою, а меня самое все еще держала за плечи Марія.

— Безстыдница! Нехорошая дѣвочка! Вотъ видишь, что ты надѣлала? Теперь Ани перепугалась по твоей милости и простудится, навѣрное. Она не привычна къ такой холодной водѣ!

Лицо у Маріи было злое-презлое, пока она говорила все это. Ея большая, такъ несоотвѣтствующая ея двѣнадцати годамъ фигурка тряслась отъ волненія и отъ страха за здоровье Ани. Это волненіе, этотъ страхъ передались тотчасъ же и мнѣ. Что я надѣлала!? Боже! Я перевернула лодку, изъ-за меня упали въ воду Ани и Марія... Правда, утонуть они не могли, здѣсь не глубоко, но... но вотъ же

говоритъ Марія: Ани простудится, Ани заболѣетъ. Какой ужасъ! Какое несчастье! И страхъ за участь Ани сковалъ мою перепуганную душонку.

Я заревѣла.

Читатель помнить изъ предыдущихъ главъ, конечно, какъ умѣла удивительно предаваться этому искусству маленькая Люся. Годы и потрясеніе, пережитое послѣ гибели Филата, хотя и сократили мои капризы, но самый процессъ плача съ того времени не измѣнился ничуть. Мой ревъ оставался такимъ же пронзительнымъ и отчаяннымъ, какимъ былъ и прежде. Стонъ стоялъ отъ этого рева какъ въ ушахъ моихъ подневольныхъ слушателей, такъ и въ моихъ собственныхъ, ушахъ. Не знаю, повидимому, на этотъ разъ я превзошла самое себя, потому что лицо Маріи при первыхъ же звукахъ заданного мною имъ концерта, покрылось густымъ румянцемъ досады и негодованія, а прелестное личико Ани исказилось гримасой отвращенія и брезгливости:

— Не могу! Не могу! Марія... да скажи же ей ради Бога, чтобы она перестала такъ выть,— зажимая пальцами уши, вскричала въ приступѣ отчаянія моя царевна Мигуэль.

Вѣроятно, я была хороша въ эту минуту! Мои слезы, смѣшавшись съ грязью и иломъ, оставили грязные слѣды на моемъ лицѣ. Платье, намокшее и грязное, тоже прилипало теперь къ моему тѣлу, дѣлая удивительно жалкой и смѣшной мою мокрую обхлеттанную со всѣхъ сторонъ фигурку. Я перестала ревѣть только тогда, когда увидѣла приближавшагося къ намъ по водѣ садовника. Покачивая укоризненно го-

ловою и ворча себѣ что-то подъ носъ, старикъ взялъ одною рукой Ани, другой меня и, подхвативъ насъ на руки, понесъ къ пристани. Марія шла за нами тѣмъ же путемъ, водою...

Вѣроятно, я кричала на совѣсть, или же оставшіеся на берегу Этьенъ, Вадя и Лили видѣвшіе катастрофу, созвали на берегъ старшихъ, но перваго, кого я увидѣла, на пристани былъ мой отецъ, за нимъ стояли тетя Муся, madame Клео и обѣ юныя графинюшки.

— Возмутительная дѣвчонка, навѣрное это вышло изъ-за нее!—услышала я негодующій голосъ моей молоденькой тети:—гдѣ Люся тамъ уже готово цѣлое происшествіе.

— А на что же была Марія? Она виновата во всемъ,—сердито поблескивая глазами, крикнула madame Клео, угрожающе взглянувъ на дочь управляющаго.

— Пусть Ани разскажетъ, въ чемъ дѣло!—серьезнымъ тономъ произнесла старшая графинюшка Лизъ, въ то время какъ у младшей толстушки Китти глаза такъ и заискрились самымъ живымъ, ребяческимъ любопытствомъ.

— Какое тамъ разсказывать, надо перемѣнить имъ бѣлье и платье!—со своимъ иностраннымъ акцентомъ, но вполнѣ правильно произнося русскія слова, строго проговорила гувернантка. И тутъ же, встрѣтивъ особенно оживленный взглядъ подвернувшейся ей Лили, послала ее къ горничной съ приказаніемъ приготовить сухое бѣлье и платье.

— Tout de suite, ma! (сейчасъ, мамочка)—крикнула Лили на ходу, исчезая, но мнѣ показалось, что черные маленькіе глазки дѣвочки

бросили на меня взглядъ исполненный торжества и злорадства.

Не позже какъ черезъ часъ мы обѣ, Ани и я, переодѣтыя во все сухое, сидѣли за большимъ столомъ въ столовой. На мнѣ было надѣто нарядное крепъ-де-шинъ платье младшей графинюшки, ея тонкое какъ паутинка батистовое бѣлье и дорогіе шелковые чулки. Въ другое время я была бы несказанно счастлива однимъ уже прикосновеніемъ къ себѣ тѣхъ вещей, которыя принадлежали Ани, но сегодня, о, сегодня маленькая Люся чувствовала себя самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ въ мірѣ существомъ. Какимъ-то чудомъ выплыла наружу настоящая причина свершившейся катастрофы. И старый графъ и его дѣти, а также и моя молоденькая тетка насмѣшливо поглядывали на меня во все время обѣда. Охъ, ужъ этотъ обѣдъ! Я сидѣла во все время его какъ на горячихъ угольяхъ, готовая провалиться сквозь землю. Нечего и говорить о томъ, что, несмотря на всѣ уговоры моей сосѣдки, madame Клео, съ одной стороны, и маленькой графинюшки, съ другой—я не могла проглотить ни кусочка.

А между тѣмъ, это былъ совсѣмъ исключительный достойный вниманія обѣдъ, за которымъ не подавалось ничего ни рыбнаго ни мясного. Одна зелень, яйца, молочныя блюда и фрукты.

И сервированъ онъ былъ роскошно. Самымъ заманчивымъ образомъ рдѣли въ богатыхъ севрскихъ вазахъ тепличные персики и ренглоты золотились сочные ананасы и ранній виноградъ изъ собственныхъ оранжерей графа. А прелестный столовый сервизъ рѣдкій хрусталь и букеты цвѣтовъ, заполнявшіе столъ,—все это было

такъ сверхъобыденно и ново для маленькой дикой провинціалки. Но я не подняла за весь обѣдъ глазъ съ моей тарелкѣ, односложно отвѣчая на всѣ обращенные ко мнѣ вопросы, и вздохнула свободно только тогда, когда старшіе задвигали стульями и хозяева и гости вышли на террасу пить кофе.

За ними, подпрыгивая какъ ни въ чемъ ни бывало, побѣжала и Ани, за нею промелькнула Лили, за Лили—Вадя. Теперь въ столовой оставались только я и прислуга. Но вотъ, кто-то маленькій и тихій подошелъ ко мнѣ и произнесъ чуть слышно:

— Ты не горюй дѣвочка,—со всѣми нами можетъ случиться такое же несчастье. Вѣдь никто же не утонулъ, хотя и перевернулась лодка. И Ани не простудится даже, ты увидишь, ее уже натерли суконками и спиртомъ. Успокойся, все обойдется благополучно. Напрасно ты не кушала только пломбира за обѣдомъ. Очень вкусный былъ у насъ сегодня пломбиръ. Хочешь я тебѣ принесу остатки?

Тихій голосъ, говорившій мнѣ все это, былъ полонъ такого неподдѣльнаго участія, что я невольно рискнула поднять глаза.

Этьенъ!

Да это былъ онъ. Милый мальчикъ, сжалился надъ бѣдной Люсей и, повинуясь порыву добраго сердца, пришелъ утѣшить и успокоить ее. Его серьезное, какъ у взрослаго, личико было сейчасъ полно такой трогательной готовности услужить мнѣ, что не пойти ему навстрѣчу въ этомъ отношеніи было бы просто безсердечно съ моей стороны.

Когда пятью минутами позднѣе мы оба, спрятавшись за буфетомъ, уплетали пломбиръ съ одной тарелки, мнѣ казалось, что я давнымъ давно знаю этого милаго заботливаго Этьена, и съ удовольствіемъ слушала его признаніе о томъ, что онъ терпѣть не можетъ поѣздокъ въ лодкахъ и совсѣмъ не потому что боится, о нѣтъ. Просто ему не улыбается перспектива очутиться въ холодной водѣ, принимать холодную ванну.

— А что тебя назвала Лизъ «рыцаремъ печальнаго образа», такъ ты не обижайся на это, Люся,—заключилъ, внезапно переходя на «ты», милый мальчикъ, — я бы самъ хотѣлъ заслужить прозвище рыцаря. Быть рыцаремъ такъ красиво, — произнесъ онъ безъ тѣни мечтательности своимъ докторальнымъ серьезнымъ недѣтскимъ тономъ. — А я и не слышала и не знала, что прелестная Лизъ назвала меня такъ нынче! Да если бы и услышала, то не поняла бы значеніе этаго прозвища. Я была еще слишкомъ для этого молода...

— Ну, вотъ и нагостились! Первый блинъ комомъ!—смѣясь говорилъ мой отецъ, увозя меня съ тетей Мусей изъ «Анина»,—и ванну взяли несвоевременную и переполохъ надѣлали не-

малый.—Эхъ, Люська, Люська, рано тебѣ еще видно ѣздить по гостямъ,—шутливо ущипнувъ меня за щеку, добавилъ мой папочка.

Но я почти не обратила вниманія на его слова. Не радостно было на душѣ у маленькой Люси. Слишкомъ ярко вставала въ моемъ воображеніи послѣдняя картина передъ нашимъ отъѣздомъ изъ графской усадьбы.

Всѣ вышли на крыльцо провожать насъ, всѣ, кромѣ Ани. Когда я, успѣвъ попрощаться со всѣми, уже сходила со ступенекъ крыльца, ко мнѣ неожиданно подскочила, Богъ знаетъ откуда вынырнувшая, Лили.

— А Ани тебѣ передать велѣла, что знать тебя не хочетъ... — быстро картавя, затараторила дѣвочка,—да, да,—не хочетъ знать,— съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ произносила она. — И не пріѣзжай ты къ намъ больше... Ани не проститъ. Ани сердится... Изъ-за тебя Маріи попало... Ея мать ее выбранила за то, что за тобою не доглядѣла, когда ты лодку опрокинуть изволила. Вотъ! А Ани ее любитъ ужасно... И никогда тебѣ за Марію не проститъ! Послѣднія слова были произнесены совсѣмъ шопотомъ, но тѣмъ не менѣе они достигли по назначенію. Мое сердце екнуло. Душа упала.

«Ани не проститъ... Ани сердится», всю дорогу къ дому преслѣдовала меня неотвязная мысль.

Въ эту ночь я спала плохо, металась и лепетала что-то во снѣ, пугая бабушку, спавшую со мною въ одной комнатѣ.

И когда утромъ раскрыла заспанные глаза и приподняла отяжелѣвшую голову, первой мыслью, промелькнувшей въ ней, было:

«Ани не проститъ... Ани сердится... Не любить меня моя Ани, моя чудная, дивная Ани, моя прекрасная царевна Мигуэль». И эта мысль не давала мнѣ покоя.

IV.

ЗЕЛЕНЫЙ.

— Къ намъ, гости ѣдутъ! Гости! Мамочка, чай готовьте! Да за Сергѣемъ пошлите... Онъ укатилъ съ утра со старостой въ поле,—заливался колокольчикомъ по всему дому веселый звонкій голосокъ тети Муси.

А сама она проворно сдергивала съ себя просторную домашнюю блузу, замѣняя ее бѣлымъ батистовымъ платьемъ и наскоро подправляла растрепавшуюся прическу, въ то же время ужасно суетясь и волнуясь по случаю неожиданнаго пріѣзда гостей.

— Сервизъ новый, подайте... Да свѣжихъ коржиковъ прикажите положить въ сухарницу... Мамаша, да велите вы Лукерьѣ новый передникъ надѣть... Господи! успѣемъ ли...Кабріолетъ уже въ липовую аллею заворачиваетъ... Графъ съ двумя дочерьми къ намъ ѣдетъ.

Я слышу все это прекрасно, притаившись въ зеленой плющевой бесѣдкѣ. Плющевая бесѣдка мое любимое мѣстопребываніе. Здѣсь я играю въ куклы и въ «кухню», здѣсь просиживаю, надъ азбукой и складами съ тетей Мусей, несказанно раздражая ее своей разсѣянностью. Здѣсь же слушаю ея сказку о царевнѣ Мигуэль. Хорошо въ зеленой бесѣдкѣ! Со всѣхъ сторонъ протягиваются зеленыя вѣтви... Кругомъ

тѣни падаютъ на полъ... Причудливые арабески движутся по стѣнамъ. Таинственно и красиво. И тихо. Главное, такъ тихо, что слышенъ полетъ мухи, пискъ комара...

Но вотъ звенитъ колокольчикъ со стороны липовой аллеи, самой стройной и прямой въ нашей усадьбѣ. Она ведетъ отъ большой проѣзжей дороги къ дому вся изъ старыхъ скрипучихъ липъ, разросшихся причудливыми мохнатыми шапками вершинъ... Звенитъ колокольчикъ, а съ нимъ и звонкій голосокъ Муси:

— Гости! Гости!

Мое сердце екаетъ. «Графъ и двѣ дочери»... Которыя? Не все ли равно! Если не «она» даже, то, во всякомъ случаѣ, ея близкіе. Родныя сестры. Родной отецъ... Отецъ и сестры моей царевны...

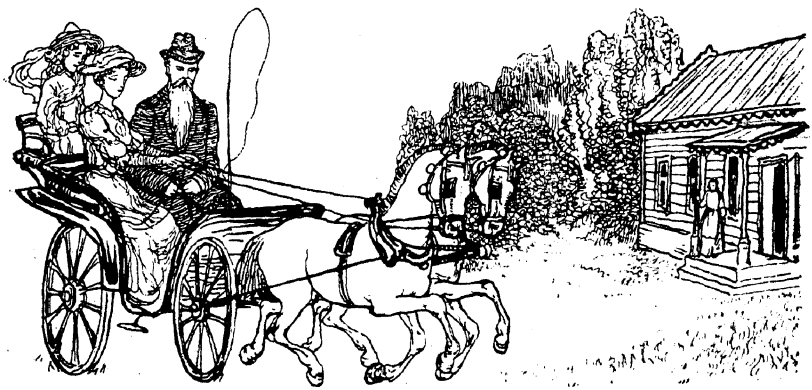
Вотъ уже двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я «осрамилась» въ «Аниномъ»... Оттуда не приходило никакихъ вѣстей до сегодняшняго дня. Бабушка негодовала, тетя Муся сердилась.

— Вѣжливо, нечего сказать. Совсѣмъ по-европейски,—ворчали обѣ,—и гдѣ это они по заграницамъ такихъ обычаевъ набрались, чтобы на визиты не отвѣчать?

— Да вѣдь, помилуйте, мамаша, графы вѣдь это,—поддразнивалъ обѣихъ шутя отецъ,—онъ графъ, а мы простые смертные.

— Вотъ потому-то и надо вдвое вѣжливымъ быть. Чѣмъ выше положеніе человѣка, тѣмъ онъ проще къ низшимъ долженъ относиться и требовательнѣе къ самому себѣ, а этотъ противный графъ цезаремъ себя держитъ, — горячилась тетя Муся.

— Ужъ будто?—лукаво посмѣивался папочка. Но вотъ звенитъ—заливается колокольчикъ... Они ѣдутъ. Они здѣсь. Я знаю, я сердцемъ угадываю и чувствую, что «она» тоже съ ними... Стрѣлой вылетаю изъ бесѣдки и несусь навстрѣчу, но не главной липовой аллеей, а узенькой дорожкой, убѣгающей параллельно главной и чудесно укрытой зарослями смородинныхъ кустовъ. Такъ и есть—«она»!..



Я вижу графа и старшую графинюшку Лизъ, строгую, изящную, холодную, маленькую, но точную копію ея величаваго отца. А позади на высокомъ сидѣньѣ, на мѣстѣ грумма «она»... Дыханіе замираетъ у меня въ груди, и сердце вдругъ перестаетъ биться... И вотъ-вотъ, кажется задохнусь отъ радости, волненія и сладкаго ужаса встрѣчи послѣ «того», послѣ «моего» позора.

Не помня себя, стою въ кустахъ и гляжу. гляжу, не отрываясь. Правитъ страшая графинюшка, сидя подлѣ отца. А та, моя царевна держитъ бичъ въ рукахъ. Бѣлый газовый вуаль вьется за плечами, спадая съ большой широкополой типа «bergere» шляпы, и вся она кажется

какою-то новой и особенно-прекрасной сегодня въ голубоватомъ прозрачномъ платьицѣ съ этимъ вуалемъ, окутывающимъ всю ея изящную фигурку.

Кабріолетъ подкатываетъ къ крыльцу. Я бѣгу за нимъ въ припрыжку, скрытая кустами. Вотъ подъѣхалъ, остановилася. Бабушка и тетя Муся уже на крыльцѣ. До моихъ ушей долетаютъ восклицанія, привѣтствія, оживленные голоса.

И потомъ, громко зовущій меня тетинъ голосъ:

— Люся! Люся! Люся! Ани проѣхала! Ани здѣсь. Что-то толкаетъ меня впередъ, потомъ отбрасываетъ назадъ съ черезвычайной силой, и я несусь на всѣхъ парусахъ обратно въ плющевую бесѣдку. Тамъ, полузадохшаяся отъ волненія, кидаюсь на скамью и жду. Чего жду, сама не знаю... Сердце бьется, мечется, кричитъ...

Кричитъ какъ-то особенно громко: она придетъ, сюда придетъ, сейчасъ, сію минуту..

А сама зажмуриваю глаза и затыкаю уши... Почему? Сама не знаю почему. Вѣроятно, отъ радости и отъ ужаса, что увижу ее послѣ «того» впервые. Послѣ «того», когда я стояла передъ нею грязная, вся облѣпленная тиной, смѣшная... «Рыцаремъ печальнаго образа» словомъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! На минуту разжимаю уши и прислушиваюсь. Такъ и есть... Тамъ въ боковой аллейкѣ, ведущей въ бесѣдку, слышатся шаги... И веселый тетинъ голосъ:

— Люся, ты здѣсь? Вѣчно ты прячешься, проказница?! Смотри-ка, кого я къ тебѣ привела.

Она!

Стою красная съ опущенными рѣсницами и вижу передъ собою желтыя малюсенькіе ботинки... И еще ажурная шелковые чулки рядомъ со свѣтлой юбкой тети Муси...

Выше, выше скользитъ мой смущенный взглядъ.—Царевна Мигуэль!—шепчу чуть слышно.

— Ну, поболтайте, дѣти. Люся, покажи графинюшкѣ твои игрушки, книжки... А я пройду къ гостямъ.

Тетя Муся убѣгаетъ съ быстротою маленькой дѣвочки. И мы остаемся однѣ. Я и моя царевна Мигуэль. Я стою и молчу, красная, какъ піонъ, и мну конецъ фартука. И чувствую, какъ улыбается Ани, осматриваетъ меня съ головы до ногъ, потомъ говоритъ:

— Вотъ я и пріѣхала. Ты рада?

Господи, до чего я глупа сейчасъ, въ этомъ ненужномъ, идіотскомъ смущеніи! Стою и молчу и гляжу на Ани, какъ на высшее чудо міра, съ широко раскрытыми глазами и ртомъ.

Она снова смѣется своимъ рѣзкимъ смѣхомъ и говоритъ:

— Видишь ли, должны были ѣхать къ вамъ Лизъ и Китти, но я отдала Китти свой японскій кушакъ, чтобы она не ѣхала и пустила меня. Вотъ, она и осталась.

Небесная музыка начинаетъ наигрывать райскія мелодіи въ моихъ ушахъ. «Она тебя любитъ, она хотѣла быть у тебя, видѣть тебя... Она не сердится, значитъ, на тебя, глупая ты, глупая маленькая Люся, не сердится, несмотря на то, что ты выкупала ее въ грязной водѣ въ буквальномъ смыслѣ слова. Мое счастье такъ велико въ этотъ мигъ, что дѣлаетъ меня храбрѣе.

Хочется окончательно оправдать себя въ ея глазахъ.

— Ани, — говорю я, впервые рѣшаясь назвать ее ея настоящимъ именемъ. —Ани, вы не думайте, что тогда я плакала отъ страха, когда

меня вытащили изъ пруда. Мнѣ семь лѣтъ скоро будетъ, и я уже большая. А большія не должны ничего бояться. И я ничего не трушу... Ничего не боюсь. Я верхомъ на Вѣтрѣ ѣзжу по двору, когда его Василій распрягаетъ и водитъ... И коровы Рогатки не боюсь, а она бодается—всѣ это знаютъ... И... и въ темную комнату пойду... И въ лѣсъ—одна тоже... Да, да и въ лѣсъ... потому что и Зеленаго не боюсь... Да, не боюсь даже Зеленаго...

— Кого?—Черные шнурочки Аниныхъ бровей поднимаются на бѣломъ лобикѣ дѣвочки.

— Кого?—съ изумленнымъ видомъ спрашиваетъ она еще разъ.

— Ну да, его, самого Зеленаго... То, что живетъ въ лѣсу. Впрочемъ, няня Ѳеня говорила, что его нѣтъ на свѣтѣ. Что Зеленаго выдумали какія-то глупыя бабы... А я его не боюсь,—уже внѣ всякой логики добавляю я. Ани молчитъ и, нахмуривъ лобъ, думаетъ сосредоточенно о чемъ-то.Потомъ, быстро поднимаетъ глаза и говоритъ совсѣмъ серьезно, пощипывая листикъ плющевой вѣточки, довѣрчиво протянувшейся въ окно, бесѣдки.

— А вѣдь это неправда!

— Что неправда?—въ свою очередь удивляюсь я.

— А то неправда, что люди говорятъ будто всѣхъ «ихъ» выдумали. Они есть.

— Кто есть?

— «Они»... Я знаю. А говорятъ, что выдумали, для того, чтобы дѣти же боялись. Я вѣдь знаю, что есть. И Зеленый есть, онъ Лѣшимъ зовется, и домовой есть, и чортъ, и русалки. Да, да, не спорь, знаю. Когда мы жили зиму въ Парижѣ, я

ходила въ школу, подготовительную, гдѣ только дѣти аристократовъ учатся. Тамъ дѣвочка была Маркиса де-Видъ, Леони, такъ та своими глазами разъ ночью чорта видѣла. Честное слово.—Дрожь пробѣгаетъ у меня по тѣлу при этихъ словахъ. Но я хочу казаться храброй-расхраброй въ глазахъ Ани и поэтому роняю съ самымъ безпечнымъ видомъ.

— А все-таки, если «они» и есть, то я ихъ не боюсь нисколичко.

— Неправда, — обрываетъ рѣзко Ани, — боишься...

— А хотите докажу, что нѣтъ?

— Не докажешь,—споритъ она,—да и какъ доказать?

— Въ лѣсъ пойду, — отвѣчаю я рѣшительно.

— Одна?

— И одна пойду, а хотите съ вами... Впрочемъ, лучше одна. Васъ хватиться могутъ и забранятъ, если уйдете со мной.

— Вздоръ, не боюсь, чтобы бранили. И въ лѣсъ не боюсь, хочу съ тобою. Вмѣстѣ посмотримъ, есть ли Зеленый или нѣтъ.

— Нѣтъ его,—говорю я,—и смотрѣть не стоитъ.

— Есть,—упрямо твердитъ свое Ани,—а если говоришь, что нѣтъ, то нарочно, должно-быть, потому, что боишься, и отвильнуть хочешь отъ лѣса. Говорю, хочешь отвильнуть.

— Неправда, — уже волнуюсь я, — неправда, я ничего не боюсь, и сечасъ же пойду, если хотите.

— Хочу. И я съ тобою. Пойдемъ.

Беремся за руки и быстро спускаемся съ крылечка бесѣдки. О томъ, что въ лѣсъ не пу-

стятъ однѣхъ ни слова. И что идемъ не спросясь, тоже ни слова не говоримъ между собой.

Солнце печетъ нестерпимо. Невозможно душнымъ кажется сегодня воздухъ. Низко летаютъ ласточки надъ знойной раскаленной землей. Знакомой дорожкой пробираемся къ полю.

— Вотъ здѣсь на меня бѣшеная собака кинулась,—не безъ доли хвастовства говорю я моей спутницѣ, когда мы проходимъ мимо кустиковъ брусники, подъ которымъ я чуть не сдѣлалась жертвой укусовъ сбѣсившагося пса. Потомъ разсказываю ей о Филатѣ. О томъ, какъ погибъ мой вѣрный товарищъ, защищая меня. Но странно, на графинюшку слова мои не производятъ никакого впечатлѣнія. Или она уже устала, непривычная къ ходьбѣ, или іюльская духота разморила Ани. Торопливо добираемся до опушки. Слава Богу, здѣсь немного прохладнѣе. Развѣсистыя деревья бросаютъ длинную тѣнь. Сворачиваемъ безъ уговору въ ту сторону, гдѣ глуше. Тамъ хорошо, совсѣмъ тѣнисто и нѣтъ этого мучительнаго зноя.

— Хотите побѣжимъ?—предлагаю я своей спутницѣ. Но она только морщится въ отвѣтъ.

— Не могу, туфли узки, ногу жмутъ. Такъ больно,—сознается Ани ноющимъ голосомъ. Сейчасъ только я обращаю вниманіе на то, какъ одѣта моя спутница. Голубое прозрачное все въ газовыхъ оборкахъ платьице совсѣмъ не для лѣса. И изящныя свѣтло-желтыя башмачки съ пряжками—тоже. А газовый вуаль то и дѣло зацѣпляетъ за встрѣчныя вѣтви и сучья, угрожающіе его цѣлости. Но дѣлать нечего. Храбро шагаемъ впередъ. Ани оживляется лишь тогда,

когда говоритъ о русалкахъ, лѣшихъ, чортѣ,—словомъ обо всѣхъ тѣхъ страшныхъ небылицахъ, о которыхъ такъ не рекомендуется разсказывать маленькимъ дѣтямъ взрослыми. Съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ говоритъ объ этомъ Ани. Зрачки глазъ ея при этомъ расширяются, и самые глаза страшно блестятъ. Поминутно вздрагиваютъ ея тоненькіе пальчики, держащіе мою руку.

— Вотъ тамъ,—разсказываетъ Ани,—вотъ надъ тѣмъ болотцемъ, на вѣткахъ того раскидистаго дерева,—это, кажется, ива,—должны водиться русалки. Днемъ онѣ прячутся въ болотѣ, а ночью выплываютъ, качаются при лунномъ свѣтѣ на вѣткахъ дерева, расчесываютъ свои длинные волосы и поютъ. У всѣхъ у нихъ такой свирѣльный сладкій голосъ. Это для приманки, чтобы зачаровать путника. Услышитъ такое пѣніе путникъ и дѣлается, какъ помѣшанный. Мечется безъ толку по лѣсу. Добредетъ до болотца, ступить туда неосторожно и готово—утонулъ. А русалки хохочутъ-хохочутъ...

— А то, хочешь разскажу, какъ Леони видѣла чорта? Наказала наша учительница Леони, посадила въ пустой классъ. Всѣ ушли изъ школы, потому что занятія уже окончились. И дежурная вышла. Леони одна. Смотритъ въ окно. Вечеръ надвигается. Уже темнѣетъ. Вдругъ видитъ: къ стеклу приклеилась какая-то страшная-престрашная рожа. Съ рогами и съ вотъ этакимъ ртищемъ огромнымъ. И гримасничаетъ. Леони закричала не своимъ голосомъ, вскочила на окошко, выходившее въ коридоръ, разбила ногою стекло и выскочила въ окно. А на другой день вся школа узнала, что Леони видѣла чорта...—

закончила таинственно и значительно свой разсказъ Ани.

Она сама, повидимому, очень волновалась, переживая страхи этой невѣдомой мнѣ Леони, потому что личико ея замѣтно поблѣднѣло, а зрачки разлились чуть ли не во всю ширину глазъ.

Мнѣ тоже было какъ-то не по себѣ. Кругомъ насъ зеленѣла лѣсная чаща, таилась тишина и мертвое спокойствіе, если не считать щебета ласточекъ, треска кузнечиковъ и жужжанія пчель. А тамъ, дальше, таинственно нашоптывалъ свою вѣчную сказку лѣсъ. И тамъ же водились русалки и лѣшіе, по словамъ Ани.

— Пойдемъ домой! — неожиданно предложила я.

Все мое семилѣтнее благоразуміе исчезло куда-то. Фантазія заработала, небылицы стали казаться былью.

Самые нелѣпые разсказы, подхваченные мелькомъ, мимоходомъ на кухнѣ и въ людской, сейчасъ непрощенными гостьями заняли мою голову.

— Пойдемъ домой, Ани,—робко повторила я.

— Ахъ, ты, трусиха, — засмѣялась она, — а сама еще хвасталась, что ничего не боишься. Видно, хвастунья ты и трусиха,—уже безапелляціонно рѣшила она.—Ну, а все-таки въ лѣсъ мы пойдемъ. Пойдемъ, чтобы видѣть твоего Зеленаго, хотя бы. Каковъ-то онъ на видъ.—И говоря это, Ани безъ церемоніи тащила меня по тропинкѣ туда, въ чащу, гдѣ такъ жутко и молчаливо сторожила лѣсной покой тишина.

Ани была сильнѣе меня. Въ ту пору ей уже давно стукнуло восемь. Но если бы даже я была

и вдвое слабѣе ее, я бы, все-таки, пошла за нею всюду, даже на край свѣта.

Теперь она не переставала болтать. Она разспрашивала меня съ нескрываемымъ любопытствомъ о томъ, какъ выглянетъ Зеленый, каковъ онъ по внѣшности и видѣла ли я его когда-нибудь.

— Я не могла его видѣть, его не существуетъ, уже значительно слабѣе доказывала я, подчиняясь вполнѣ авторитету моей спутницы, и тутъ же стала описывать его такимъ, какимъ онъ представлялся мнѣ: маленькій, безформенный, шарообразный.

— Ну, нѣтъ,—спорила Ани, — не такой онъ, неправда, — а высокій, худой, костлявый, съ лицомъ и видомъ человѣка, а руки у него длинныя, какъ у обезьяны, а на головѣ рога, обязательно рога... И зовутъ его иногда Лѣшимъ, иногда Зеленымъ. Какъ странно, что ты сама этого не могла понять...

Такъ говорила она, увлекая меня все дальше и дальше по лѣсной дорожкѣ.

Между тѣмъ атмосфера сгустилась еще замѣтнѣе. Теперь уже, положительно, нечѣмъ было дышать. Въ лѣсу потемнѣло. Неожиданно зашумѣлъ онъ зловѣщимъ предгрозовымъ шумомъ. Внезапно поднялся вихрь и закружилъ листьями, мирно покоившимися съ прошлой осени во мху и травѣ. Вдругъ, неожиданно ударилъ, словно изъ огромной гулкой боевой пушки выстрѣлилъ, громъ. Громкимъ раскатомъ прокатился онъ надъ лѣсомъ и, повторенный эхомъ, замеръ вдали. Въ ту же минуту, едва затихъ отдаленный рокотъ, ослѣпительная стрѣла молніи прорѣзала наступившую полутьму.

— Ай, — не своимъ голосомъ взвизгнула Ани, — ай, боюсь грозы, боюсь! Домой! Домой!

Я взглянула на нее и не узнавала теперь въ этой блѣдной безпомощной дѣвочкѣ мою прекрасную царевну Мигуэль. Какое жалкое, перепуганное было у нея сейчасъ личико! И вся ея тонкая фигурка, дрожала, какъ листъ.

— Люся! Люся!—шептала она, судорожно сжимая мои пальцы и увлекая меня назадъ въ ту сторону, гдѣ, по ея мнѣнію, должна была быть лѣсная опушка. — Бѣжимъ же, бѣжимъ обратно скорѣе!

Ея ужасъ передъ грозою заразилъ и меня. Сколько разъ бабушка, отецъ, тетя Муся убѣждали меня не бояться грозы, учили не прятаться подъ деревьями, поясняли причину грозъ и уговаривали не пугаться грома, весь ужасъ котораго заключается только въ звукѣ, не приносящемъ вреда,—все это было забыто мною въ минуту, при видѣ испуганной, суетливой и плачущей Ани.

Страхъ заразителенъ, и я это почувствовала сразу, когда вмѣстѣ съ Ани бросилась бѣжать.

Новый зигзагъ молніи, прорѣзавшей ослѣпительнымъ свѣтомъ чащу, новый оглушительный ударъ грома, и хлынулъ дождь. И не дождь даже, а сильнѣйшій ливень. Страшный ливень, который когда-либо пришлось видѣть мнѣ до сихъ поръ. Цѣлыя рѣки дождя лились теперь сверху, производя своеобразный шумъ, образуя мгновенно быстрый потокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько минутъ до этого находилась сухая лѣсная тропинка. Въ одинъ мигъ мы были мокры до послѣдней нитки, насквозь и я и Ани. Жалко и гру-

стно было смотрѣть сейчасъ на нарядную элегантную еще недавно фигурку моей спутницы. Голубое платье Ани превратилось въ какое-то безцвѣтное тряпье. Тряпье это облѣпило со всѣхъ сторонъ тѣльце Ани, и теперь она странно напоминала мнѣ жалкаго неоперившагося еще птенчика.

Она вся дрожала и плача тянула одно только слово жалобнымъ, размякшимъ голоскомъ:

— До-мой, до-о-мой, до-о-м-о-о-й.

— Домой! Пойдемъ скорѣе домой,—согласилась и я.

Но ливень, лишь только мы вынырнули изъ-подъ дерева, служившаго намъ хоть нѣкоторымъ незначительнымъ прикрытіемъ, такъ безжалостно сталъ хлестать по нашимъ головамъ и плечамъ, что мы снова бросились назадъ, и, прижавшись другъ къ другу, мокрыя, дрожащія, встали снова подъ дерево, безпомощно опустивъ руки.

— Мое платье, мои туфли!—стонала Ани,—ну, какъ я покажусь въ такомъ видѣ на глаза рарà?

Мнѣ ее было смертельно жалко, но помочь дѣлу я ничѣмъ не могла. Дождь лилъ, попрежнему какъ изъ ведра. Зигзаги молній бѣгали по небу, бороздя его огненными змѣями.

Вдругъ, глаза мои замѣтили приближающуюся къ намъ издали фигуру.

Это была маленькаго роста женщина, должно-быть, очень старая, потому что шла она сильно сгорбившись при ходьбѣ. Въ рукѣ она держала небольшой узелокъ. Старушка приблизилась къ дереву, подъ которымъ мы стояли съ Ани, дрожа какъ осиновыя листья. Теперь мы могли ясно

разсмотрѣть ея морщинистое лицо, высматривающее зоркими проницательными глазами изъ-подъ опущеннаго капюшона непромокаемаго плаща.

— Вѣдьма! Смотри, настоящая вѣдьма!—прошептала въ страхѣ Ани, сжимая мои пальцы съ такою силой, что я чуть не вскрикнула отъ боли.

— Но почему ты думаешь?—невольно переходя на «ты», также тихо спросила я мою спутницу.

— Достаточно взглянуть на нее...—продолжала та и остановилась на полуфразѣ. Очевидно, и незнакомая старушка замѣтила насъ, потому что направила свои стопы прямо къ дереву.

— Дѣвоньки, малюточки! Да какъ же вы однѣ сюда въ лѣсъ въ такую непогоду попали?—пропѣла она ласковымъ пѣвучимъ голосомъ, оглядывая насъ съ головы до ногъ своими зоркими, совсѣмъ еще молодыми глазами.—Небось, промокли до нитки. Ишь, и платьица, и волоски, и обувь, все хоть выжми на васъ,—сокрушалась она, покачивая головою.

— Мы до дождя пришли сюда. Погулять пришли. Мы не знали, что такая гроза разразится, — храбро подняла я голосъ, въ то время какъ Ани съ тѣмъ же выраженіемъ страха смотрѣла на старушку большими испуганными глазами.

— Бѣдняжки мои, капельки мои! Эко вѣдь угораздило васъ такъ попасться, пѣла, между тѣмъ, старушка, гладя своей костлявой рукой то мою, то Анину голову. — Пойдемъ со мною, дѣтушки, я васъ у себя обогрѣю да обсушу. Молокомъ напою, кстати, тепленькимъ, чтобы лихоманка-злодѣйка къ вамъ не пристала, чтобъ не заболѣли вы ненарокомъ,

голубочки мои бѣдныя. А тамъ Ванюшка, сынокъ мой, и домой васъ отведетъ... Вы издалече ли? Никакъ изъ «Милова» будете? Одна-то изъ васъ Ордынцева барышня малюточка-то, мнѣ знакома, сразу признала, а другая-то незнакомая, кто будешь?—перебѣгая взглядомъ съ моего лица на Анино и обратно, пѣла старушка своимъ сдобнымъ крестьянскимъ говоркомъ.

— Угадала, бабушка, я Люся Ордынцева, а она,—и я указала на свою спутницу,—маленькая графиня д'Обернъ.

— Графинюшка?—высоко подняла брови старушка.—Да какже графинюшку-то безъ гувернантки въ лѣсъ отпустили?—и она укоризненно закачала головою подъ кожанымъ капюшономъ, изъ-подъ котораго выбивались безпорядочныя космы ея жидкихъ сѣдыхъ волосъ.—Ну, дѣвоньки, неча вамъ подъ дождемъ прохлаждаться, къ намъ въ лѣсную сторожку пожалуйте,—уже инымъ, энергичнымъ голосомъ, заговорила она,—ишь вѣдь погодушка-то разгулялась, въ энтакую-то погодку хорошій хозяинъ пса домашняго, прости Господи, на улицу не выпуститъ. Давайте же рученьки, дѣтки, и идемъ.—Тутъ незнакомка накинула свой узелокъ на руку, повыше кисти, и этой рукой взяла мои мокрые дрожащіе отъ холода пальцы. Другою рукою она схватила руку Ани и подъ проливнымъ дождемъ мы двинулись въ путь. Мои туфли были наполнены водой и издавали хлюпающій звукъ при каждомъ шагѣ. Та же дождевая вода сбѣгала съ моей головы и непріятной холодной струей лилась мнѣ за воротникъ платья. Холодъ и сырость проникали мнѣ до костей. А тутъ еще тяжелое впечатлѣніе увеличивалось страннымъ, непо-

нятнымъ мнѣ явленіемъ, которое я никакъ не могла разгадать.

Узелокъ, привѣшенный съ моей стороны на рукѣ, старухи, шевелился. Да, положительно шевелился, я это замѣтила сразу и изъ него вылеталъ какой-то странный звукъ, не то пискъ, не то какое-то гоготанье, заглушенное, впрочемъ, шумомъ проливного дождя.

Я взглянула на Ани. На ней лица не было. Очевидно, таинственный узелокъ привлекъ и ея вниманіе. Она казалась теперь еще больше испуганной и встревоженной, нежели прежде.

— Это вѣдьма! Увѣряю тебя... Убѣжимъ отъ нея скорѣе!—переглянувшись за спиной старухи, трепещущимъ шопотомъ успѣла шепнуть мнѣ моя маленькая спутница. Но о бѣгствѣ не могло быть теперь и рѣчи. Незнакомка крѣпко-накрѣпко держала насъ за руки своими цѣпкими сильными пальцами и безостановочно шагала вмѣстѣ съ нами, не разбирая дороги, по лужамъ и мокрой травѣ, держась тропинки, убѣгавшей въ глубь лѣса.

Прошло, по всей вѣроятности, около четверти часа упорной, долгой ходьбы, пока мы не очутились передъ покосившимся крылечкомъ небольшой лѣсной избы-сторожки. Со всѣхъ сторонъ ее окружала чаща. Здѣсь, подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ, какъ-то меньше чувствовались непогода и дождь.

При нашемъ появленіи дверь избушки внезапно широко растворилась, и на порогѣ ея показался очень высокій, худой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и костлявыми длинными, какъ у обезьяны, руками. Вѣдь нужно же было такъ подойти обстоятельствамъ, что внѣшній обликъ

этого человѣка, какъ нельзя, вѣрнѣе отвѣчалъ высказанному недавно предположенію Ани о внѣшности «того» Зеленаго. Очевидно, одна и таже мысль молніей мелькнула въ нашихъ головахъ, моей и Аниной, когда мы переглянулись съ нею полными страха и недоумѣнія глазами.

— Зеленый! Самъ Зеленый! — прошептала, чуть замѣтно шевеля губками Ани, мѣняясь отъ страха въ лицѣ.

— Входите, дѣвоньки, гостьями будете!—между тѣмъ отнюдь не подозрѣвавшая о нашемъ волненіи, говорила самымъ радушнымъ тономъ старуха, пропуская насъ въ дверь. Мы вошли въ небольшую, бѣдно обставленную, но чрезвычайно чистую горенку. По стѣнамъ ея шли

лавки, какъ и въ обыкновенной крестьянской избѣ. Стоялъ простой грубо-сколоченный покрытый неказистой, домотканной скатертью столъ. Въ переднемъ углу передъ образами теплилась лампада. Въ противоположномъ углу ярко пылала печь.

— Скидывайте же одеженьку, дѣвоньки, да сапожки тоже. Печка-то топится на славу. Какъ есть обсушитесь. Да къ огню-то поближе садитесь продрогли небось а?—И говоря это, старуха ловкими проворными руками стаскивала съ насъ платье и обувь, едва слѣзавшую отъ сырости съ ногъ. Тутъ она подвинула къ самому огню два табурета и посадила насъ съ Ани прямо передъ дверцею огромной печи. Наше мокрое платье и обувь она развѣсила и разложила тутъ же передъ огнемъ. И только съ чрезвычайной тщательностью исполнивъ все это, она вмѣстѣ съ сыномъ, молчаливо наблюдавшимъ насъ издали, съ порога комнаты, тусклыми, какими-то больными глазами, вышла изъ горницы, сказавъ, что принесетъ намъ изъ кладовки хлѣба и молока.

Лишь только хозяева сторожки скрылись за порогомъ, Ани вскочила съ своего мѣста и бросилась, быстро перебирая босыми ножками къ двери. Тутъ она живо наклонилась ухомъ къ замочной скважинѣ и стала внимательно слушать то, что говорилось въ сѣняхъ, куда прошли только что старуха съ сыномъ.

Ея блѣдное лицо выражало сейчасъ самую отчаянную тревогу. Глаза, исполненные ужаса, косились на меня.

— Подойди сюда, Люся, и слушай тоже,— скорѣ угадала, нежели разслышала я ее взволнованный, прерывающійся шопотъ.

— Чего ты боишься?—также тихо, въ свою очередь, прошептала я.

— Какъ чего? Зеленаго боюсь и его матери — Вѣдьмы.

— Почему же ты думаешь, что они—Зеленый и Вѣдьма?—снова беззвучно проронила я мой вопросъ.

— Неужели тебѣ еще мало доказательствъ? А старухины глаза? Они такъ и бѣгаютъ, такъ и горятъ! И въ узелкѣ у нея что-то копошилось и пищало...

— Что это было? Какъ ты думаешь, Ани? зараженная ея волненіемъ, освѣдомилась я.

— Какъ что? Неужели не догадываешься? Вотъ глупая-то!—Ребенокъ! Конечно, ребенокъ, котораго Вѣдьма унесла отъ родителей крестьянъ изъ деревни для того, чтобы изжарить его и съѣсть.

— Изжарить и съѣсть?

— Ну-да... Чтобы сыну приготовить изъ него хорошій ужинъ. Вѣдь ея сынъ—Зеленый. Ты замѣтила какой онъ страшный и худой, какія у него длинныя обезьяньи руки. Онъ такой потому, что только пьетъ человѣческую кровь и ѣсть человѣческое мясо. А его нелегко достать... И кушать Зеленому приходится поэтому не очень-то часто. Вотъ почему онъ...

— Тише, тише... Слышишь? Они о чемъ-то говорятъ,—схвативъ Ани за руку и замирая у двери, произнесла я, чуть слышно, едва двигая отъ волненія губами.

Дѣйствительно, голоса притихшіе было въ сѣняхъ, заговорили снова. Кажется, первая начала старуха. Ей отвѣчалъ глухой, надтреснутый голосъ. Очевидно, тотъ, кого мы принимали за Зеленаго, былъ не совсѣмъ здоровъ.

— Легче ль тебѣ, Ванюша, нынче?—спрашивала старуха.

— Какъ будто, легче, маменька. Только слабость такая, что и сказать не могу. Съ голоду, што ли... Всѣ животики подвело.

— Еще бы, голубь мой... Трое сутокъ не ѣмши. И духтору показываться не пожелалъ. А животъ-то дѣло такое, что запускать его нельзя, хуже будетъ. Ну, да Слава Тебѣ Господи, боль хошь прошла. А насчетъ ѣды ты не сумлѣвайся. Такой я тебѣ супецъ нынче изготовлю, что пальчики оближешь, Ваничка. Може похлѣбаешь, такъ и совсѣмъ отойдетъ животъ-то, отогрѣется горяченькимъ-то... У тебя ножъ-то отточенъ ли? Жаль ихъ попусту тупымъ-то мучить, тоже чай твари живыя... вострымъ-то рѣзать куда легче...

— Отточилъ, маменька, намедни еще...

— То-то хорошо, сынокъ... Такъ давай ихъ сюда. Зарѣжемъ обѣихъ вразъ поскорѣича. Парныхъ-то не больно ладно варить, да жарить. Пусть потомъ малость полежать. Къ ужину все равно поспѣютъ. А теперь тащи, ножъ-то! А я сейчасъ ихъ обѣихъ доставлю тебѣ...

Затаивъ дыханіе, съ остановившимся сердцемъ, съ помутившимся взоромъ, слушала я этотъ разговоръ, доносившійся до насъ изъ-за плотно закрытой двери. Теперь послѣднія сомнѣнія исчезли съ послѣдними же надеждами. Ани была совершенно права. Зеленый и Вѣдьма приготовились насъ зарѣзать, чтобы сварить изъ насъ супъ на ужинъ наголодавшемуся и прихварывающему Зеленому. Я подняла глаза на Ани. Ея лицо было бѣло, какъ бѣлая извѣсть стѣны. А зрачки отъ ужаса разлились во всю ширину

глазъ. Ротъ пріоткрылся, готовый испустить вопль... И вотъ онъ раздался—этотъ неожиданный дикій и пронзительный вопль, заглушившій, казалось, и свистъ вѣтра и шумъ ливня за окномъ. Съ выпученными глазами и перекошеннымъ отъ страха лицомъ Ани дико кричала отчаяннымъ, пронзительнымъ голосомъ на всю сторожку:

— Спасите! Помогите! Зарѣзать хотятъ... Зарѣзать, помогите, спасите!

Зараженная ея ужасомъ, я вторила ей въ паническомъ страхѣ:

— Спасите! Помогите! А-а-а-а!

Съ шумомъ распахнулась дверь горницы и стремительно, какъ молоденькая, вбѣжала къ намъ старуха. За нею ея сынъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ большой кухонный ножъ, въ другой за лапки головками внизъ двухъ молодыхъ курочекъ, отчаянно кудахтавшихъ и трепещущихъ у него въ рукѣ.

И сразу намъ съ Ани все стало понятнымъ и яснымъ. И ножъ, и плѣнныя курочки, обреченныя на близкую гибель, и побужденія нашихъ случайныхъ хозяевъ... Страхъ, паническій ужасъ и испугъ смѣнились неподдающимся описанію глубочайшимъ смущеніемъ. Не знаю, какъ должна была чувствовать себя Ани, но что касается меня, то жгучій стыдъ охватилъ полымемъ всю мою маленькую душу.

Очевидно, старуха и ея сынъ поняли наши крики и ужасъ совсѣмъ превратно. Имъ казалось, что мы кричали и плакали потому только, что намъ было жаль цыплятъ, которыхъ онѣ хотѣли зарѣзать. И оба стали уговаривать насъ, утѣшая тѣмъ несложнымъ способомъ утѣшенія, который

примѣняютъ, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ старшіе къ дѣтямъ.

— Не плачьте, дѣвоньки, не плачьте, милыя, вѣдь Божья скотинка да птица на то людямъ и посланы Господомъ нашимъ Творцомъ Всемилостивымъ, чтобы питать да кормить насъ собою. Что ихъ жалѣть-то!.. Такъ ужъ имъ отъ судьбы указано... — пѣла своимъ пріятнымъ сдобнымъ голосомъ старуха,—я и сама-то, по правдѣ сказать, до птицы не больно-то охоча; мы по крестьянству больше щами да кашею пробавляемся, да вотъ съ сыномъ-то несчастье стряслось, сколько времени животомъ мается... Вотъ и надумала его побаловать малость куринымъ супцемъ, въ деревню сходила, молодокъ купила, принесла ихъ въ узелкѣ -то, только что рѣзать надумали, а тутъ вы, малюточки мои милыя, и расплакались и расшумѣлись, напугали меня, старуху,—и говоря это, она гладила насъ то по лицу, то по головкѣ, и утирала попутно своимъ клѣтчатымъ передникомъ наши слезы.

Не знаю, какъ это случилось, но черезъ часъ мы были уже друзьями и съ недавней «Вѣдьмой» и съ самимъ лѣсникомъ Иваномъ, ея сыномъ, такъ опрометчиво принятымъ нами за лѣсную нечисть. Наше платье и обувь, между тѣмъ, давно просохли. Теплое молоко же съ чернымъ хлѣбомъ пришлось намъ очень по вкусу, и мы съ большимъ удовольствіемъ уничтожали его.

А еще получасомъ позднѣе лѣсникъ Иванъ взялъ насъ обѣихъ за руки, меня и Ани, и повелъ по направленію къ «Милому» самой кратчайшей дорогой. Его старуха-мать, стоя на крыльцѣ, махала намъ платкомъ, провожая насъ своими зоркими молодыми глазами, пѣвучимъ голо-

сомъ и добрыми пожеланіями. Дождь къ этому времени совсѣмъ пересталъ. Выглянуло солнце.

Милліардами разноцвѣтныхъ искръ заиграли, заискрились дождевыя капли на освѣженной зелено-бархатистой зелени деревьевъ. Грозные раскаты давно затихли въ отдаленіи. А золотыя зигзаги молній замѣнились красивой пестрой радугой, чудеснымъ полукругомъ покрывшей часть неба. Мы недолго шагали по мокрой травѣ. Чтобы не дать намъ промочить ноги, высокій, повидимому, все еще достаточно сильный, несмотря на недавнюю болѣзнь, лѣсникъ Иванъ подхватилъ насъ на руки обѣихъ и понесъ, осторожно прижимая къ себѣ. Теперь онъ не казался намъ уже похожимъ на Зеленаго. Напротивъ того, я не могла не признаться самой себѣ, что не видѣла болѣе добродушнаго и честнаго лица.

Намъ было радостно и хорошо послѣ всѣхъ пережитыхъ нами волненій и успокоенныя, затихшія сидѣли мы на рукахъ мѣрно шагавшаго по лѣсу «добраго великана», какъ я мысленно окрестила теперь лѣсника.

Но, за то, дома насъ ждала куча непріятностей, какъ это и можно было предположить. Хватились насъ, какъ оказывается, очень скоро послѣ нашего исчезновенія. Искали, кликали, заглядывали во всѣ уголки нашей маленькой усадьбы. Кому-то пришло въ голову, что мы пробрались въ «Анино». Помчались туда. И, разумѣется, вернулись ни съ чѣмъ. Бабушка, отецъ, тетя Муся волновались ужасно. Даже графъ вышелъ на этотъ разъ изъ своего олимпійскаго спокойствія.

Зато, когда лѣсникъ доставилъ насъ домой, прямо на терраску, гдѣ въ ожиданіи результа-

товъ поисковъ разосланной за нами прислуги сидѣли обѣ семьи, мнѣ влетѣло не на шутку въ первую же минуту моего здѣсь появленія.

— Гадкая дѣвчонка! Это ты, конечно, сбила съ толку маленькую графинюшку и потащила ее за собою въ лѣсъ!—первая налетѣла на меня, сверкая глазами, тетя Муся.

И строгіе взгляды отца обратились ко мнѣ.

— Люся! Люся! Опять? Опять ты принялась за прежнія шалости?—произнесъ онъ сурово.

Я молчала. Красная, съ опущенными глазами, стояла я на порогѣ веранды въ то время, какъ Аня сидѣла на колѣняхъ своего отца и слушала то, что говорилъ ей долго и пространно старый графъ по-французски.

— Однако, Люся, отвѣчай же! Зачѣмъ ты потащила графинюшку въ такую непогоду въ лѣсъ?—повторилъ еще строже отецъ.

Что я могла ему отвѣтить? Правду? Ни за что на свѣтѣ! Ни за что на свѣтѣ не рѣшилась бы я выдать Ани, теперь, когда душа моя была преисполнена по отношенію къ ней такой новой, такой нѣжной привязанностью, выросшей изъ жалости безконечной! Отъ покорнаго чувства любви и преклоненія передъ царевной Мигуэль теперь въ моемъ впечатлительномъ сердцѣ не оставалось и слѣда. Мигуэль больше не существовала. Мигуэль не было на свѣтѣ. Была только жалкая перепуганная дѣвочка, маленькая трусливая дѣвочка, нуждавшаяся больше, нежели я сама, въ помощи и защитѣ. Такая неразвитая маленькая дѣвочка, боявшаяся видѣть русалокъ, лѣшихъ, Зеленыхъ и домовыхъ. И эта дѣвочка, виновная во всемъ происшедшемъ, боялась при-

знаться въ этомъ, предпочитая, чтобы бранили меня. Чувство незаслуженной обиды обожгло мою душу. Глухо протестовала душа... И все-таки, привычка любить царевну, мою прежнюю дорогую царевну Мигуэль не могла заставить меня отвернуться отъ нея и сейчасъ, въ эти минуты. Я жалѣла ее, то-есть не ее, мою Мигуэль, конечно, а новую дѣвочку, новую Ани, которая ничѣмъ не была ни лучше, ни выше меня. Подъ впечатлѣніемъ этого новаго зародившагося во мнѣ чувства я совершенно спокойно выслушала приговоръ отца:

— Ступай въ свою комнату и ложись въ постель. Чай тебѣ отнесутъ туда. Ты наказана.

Графъ и старшая графинюшка вступились за меня было, стали просить отца простить меня ради нихъ, ссылаясь на мою юность, неопытность...

Но отецъ былъ неумолимъ. Мнѣ пришлось итти. Когда я взглянула на Ани, у нея не хватило гражданскаго мужества отвѣтить мнѣ взглядомъ, и она предпочла спрятать лицо на груди своего отца.

На другой день у насъ въ домѣ происходило совѣщаніе. Говорилъ больше всего отецъ. Бабушка и тетя Муся слушали. И я слушала тоже, сидя какъ къ смерти приговоренная на знаменитомъ клеенчатомъ диванѣ въ кабинетѣ отца, куда меня позвали въ то утро.

— Это уже слишкомъ, это переходитъ всякія границы,—вырвалось у моего взволнованнаго не на шутку папочки,—въ прошлый разъ лодку перевернула, на пруду шалила, вчера въ лѣсъ убѣжала безъ спроса подъ проливнымъ дождемъ. Нѣтъ возможности доглядѣть за нею.

Необходимо пригласить въ домъ бонну или гувернантку. Положительно, необходимо. И не мямлю какую-нибудь, а строгую взыскательную гувернантку, которая бы взяла хорошенечко въ руки Люсю и отучила ее разъ и навсегда отъ ея проказъ.

— Вѣрно, вѣрно, Сергѣй, подхватила и тетя Муся, бросая на меня уничтожающій взглядъ.— Сегодня же напишу въ Петербургъ кой-кому изъ знакомыхъ и пошлю публикаціи въ газеты. Положительно невозможно больше терпѣть такія непріятности. Отъ нея вѣдь смотрѣть на графа стыдно было вчера. Эта Ани такой цвѣтокъ, хрупкій и воздушный, а тутъ наша съ ея манерами и замашками уличнаго мальчугана! Такъ и вовсе можно было напугать графинюшку.

— Ну, положимъ, не очень-то напугаешь твою графинюшку, матушка,—неожиданно вступилась за меня бабушка: — небось,нашей Люсенькѣ нѣсколько очковъ по шалостямъ -то да проказамъ впередъ дастъ. Воля ваша, не нравятся мнѣ она что-то. Дѣтскаго въ ней мало. Ну вотъ, словно кукла французская, такъ вся на пружинахъ и ходитъ. Я увѣрена, что она Люсеньку скорѣе испортитъ, а не Люся ее.

— Все это пустое, мамаша, и дѣло отъ этого не мѣняется, кто портитъ кого, Люся ли Ани или Ани Люсю, намъ трудно разобраться. Люся добрая дѣвочка, но шалунья непозволительная, и гувернантка ей необходима. Гувернантка или бонна—все равно, только я больше дня не позволю бѣгать ей одной на свободѣ! —самымъ рѣшительнымъ образомъ сказалъ отецъ.

Потомъ меня выслали изъ комнаты и дальнѣйшее совѣщаніе продолжалось уже при за-

крытыхъ дверяхъ. О результатѣ его я узнала въ тотъ же день за обѣдомъ.

Рѣшено было пригласить ко мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени новую наставницу. Такъ постановила домашняя конференція и этого рѣшенія бѣдная Люся уже ни коимъ образомъ не могла измѣнить.

Новая гувернатка являлась теперь фактомъ, почти свершившимся.

Бѣдная Люся! Прошла твоя волюшка! Исчезла желанная свобода разъ и навсегда. Мнѣ представлялось почему-то новая гувернантка въ образѣ старой, долго не забытой мною нѣмки Амаліи, прожившей у насъ всего только одинъ день. Ясно и подробно выплывалъ изъ недавняго прошлаго ея непривлекательный образъ, съ длиннымъ носомъ, въ клѣтчатомъ платкѣ съ жиденькой косичкой на головѣ. И бѣдное маленькое сердечко билось, билось...

V.

ГУВЕРНАНТКА.

— Ну, Люся, одѣвайся скорѣе, ѣдемъ встрѣчать новую гувернантку.

Веселая свѣжая, разрумяненная послѣ купанья тетя Муся входитъ ко мнѣ въ дѣтскую съ мокрой простыней, переброшенной черезъ плечо, съ распущенной косой, болтающейся до колѣнъ. Я только что подъ предсѣдательствомъ бабушки докончила выводить карандашомъ пятую строчку прописи въ тщательно разлиневанной кѣмъ-то изъ старшихъ для меня тетрадкѣ и собираюсь начинать шестую.

— Какъ? Уже?—роняю я помимо воли съ кислой гримасой. Передъ моимъ умственнымъ взоромъ снова встаетъ образъ Амаліи, ея лицо, ея носъ, ея жидкая косичка и клѣтчатое платье. Сердце стучитъ. Сердце говоритъ этимъ стукомъ, что новая гувернантка будетъ какъ двѣ капли воды похожа на старую бонну. Хочется зажать уши, зажмурить глаза, броситься на коверъ и заснуть, заснуть, чтобы не просыпаться или ужъ, если проснуться, то услышать: новая гувернантка—чушь, выдумка, ерунда. Новой гувернантки нѣтъ, не было и не будетъ, это сонъ, одинъ сонъ, и только!

Но, увы, дѣйствительность уже слишкомъ очевидна для меня. У подъѣзда фыркаетъ Буря запряженная въ старые дрожки, и кучеръ Васи-

лій ухмыляется моей разочарованной физіономіи, показавшейся въ окнѣ.

— Коли ѣхать, такъ ѣхать, не мѣшкая. Поѣздъ придетъ черезъ четверть часа,—слышу я благоразумное замѣчаніе тети за моей спиною.—Поѣздъ придетъ черезъ четверть часа и привезетъ новую гувернантку,—повторяетъ кто-то съ удивительной ясностью внутри меня. Но дѣлать нечего, надо собираться...

До уѣзднаго нашего города, гдѣ находится станція, всего двѣ-три версты. Стало-быть, къ приходу поѣзда мы, какъ разъ, поспѣемъ. Буря вполнѣ оправдываетъ свое прозвище. Такимъ быстрымъ ходомъ, какъ у нея, обладаетъ далеко не каждая лошадь. Тетя Муся наскоро подкладываетъ косу надѣваетъ шляпу, вынимаетъ изъ комода мой бѣлый батистовый съ оборками капоръ, чудесно защищающій глаза отъ солнца, и мы выходимъ на крыльцо.

Буря бѣжитъ такъ быстро, какъ и подобаетъ бѣжать одной лишь бурѣ. Мы ѣдемъ среди засѣянныхъ рожью и овсомъ полей. Синіе васильки мелькаютъ въ золотомъ морѣ хлѣбовъ. Если бы это происходило въ другое время, непремѣнно выпросила бы разрѣшенія набрать букетъ этихъ милыхъ цвѣтовъ. Но сейчасъ не до того... Слишкомъ важенъ вопросъ о новой наставницѣ, до цвѣтовъ ли сейчасъ?! Сижу тихинькая, какъ мышь, возлѣ тети Муси, когда мы проѣзжаемъ Анино. Мелькомъ, какъ вспугнутый заяцъ, бросаю взглядъ на стильную изгородь графской усадьбы.

Не тамъ ли Ани, не мелькнетъ ли ея бѣлое платьице гдѣ-нибудь среди заросли деревьевъ кустовъ?

Нѣтъ. Тишина и пустота всюду. Нѣтъ нигдѣ Ани. Ни царевны Мигуэль нѣтъ тоже нигдѣ. Недавнія встрѣчи съ ней кажутся мнѣ сномъ въ эти минуты... А чудесный миѳъ о жестокой и прекрасной царевнѣ уже не плѣняетъ, не манитъ меня. Первое разочарованіе маленькой Люси чувствуется скорѣе инстинктивно, но переживается, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно тяжело.

А вотъ и городъ. Станція. Обычная суета, сутолка и шумъ.

— Какъ, поѣздъ уже пришелъ?— удивляется тетя Муся.

— Сейчасъ, только что, опоздали барышня!— говоритъ съ любезной улыбкой нашъ знакомый начальникъ станціи, приподнимая красную фуражку.

Тетя Муся досадливо краснѣетъ. Ахъ, она такъ не любитъ опаздывать! У меня же является вдругъ смутная надежда.—А вдругъ не найдя никого встрѣчающихъ, новая гувернантка обидѣлась, сѣла обратно въ вагонъ и ждетъ только отхода поѣзда, который повезетъ ее обратно.

— Муся, Муся, поѣдемъ домой,—шепчу я въ волненіи, дергая за рукавъ мою молодую тетушку...—ты не видишь развѣ—никого нѣтъ.

Но что это съ нею? Съ протянутой рукой она мчится куда-то впередъ...

— Анна Аѳанасьевна,— кричитъ она издалека,—сюда, сюда! Какъ несносно право, что мы опоздали васъ встрѣтить!

— А-а... здравствуйте, красавица моя! Здравствуйте, дѣточка. Вотъ выросла-то, вотъ похорошѣла-то, невѣста совсѣмъ. А вѣдь думать

надо, недавно еще какъ будто, на рукахъ васъ держала. Покажитесь, умница, покажитесь, красавица моя!

Я слушала и не вѣрила ушамъ, глядѣла на стоящую передъ нами особу женскаго пола и не довѣряла собственнымъ глазамъ. Господи! Да развѣ бываютъ такія гувернантки на свѣтѣ!

Ея голосъ звучалъ на всю платформу подобно громовымъ раскатамъ, а лицо ея... Нѣтъ, никогда не забуду я этого лица! Это были черты мужчины подъ дамской прической и подъ дамской шляпой, съѣхавшей набокъ. Это красное, какъ спѣлый томатъ, лицо такъ и лоснилось отъ жары, такъ и сверкало всѣми своими капельками пота, выступившими на лбу. Колечки пѣгихъ волосъ прилипли къ нему, а толстыя губы съ замѣтными усами надъ верхней улыбались до ушей добродушной улыбкой. Въ одной рукѣ она держала пестрый вышитый ридикюль, въ другой какой-то узелъ и размахивала и узломъ и ридикюлемъ до такой степени, что проходившіе мимо насъ люди съ удивленіемъ поглядывали на нее. Прибавлю ко всему, что незнакомка была огромнаго роста, и широтѣ плечъ ея могъ позавидовать любой чемпіонъ міра.

Подлѣ этой почтенной дамы стояла худенькая, невысокая особа, показавшаяся мнѣ на первый взглядъ дѣвочкой лѣтъ пятнадцати. Ея блѣдное личико носило слѣды недѣтскаго утомленія, а большіе умные голубые глаза уставились на меня внимательнымъ, зоркимъ взглядомъ.

— Вотъ моя Ганя, рекомендую!—произнесла невѣдомая мнѣ Анна Аѳанасьевна своимъ невозможнымъ басомъ, выставляя худенькую особу впереди себя.

Тетя Муся крѣпко сжала руку Гани и проговорила ласково:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать, мы такъ давно васъ ждали.

Чуть-чуть краснѣя всѣмъ своимъ некрасивымъ, но умнымъ и привлекательнымъ ли-

чикомъ,— Ганя отвѣтила не то извиняющимся, не то оправдывающимся тономъ:

— Не могла раньше... Честное слово! Съ конторой своей покончить надо было. Нельзя же было такъ бросить и уѣхать, не сдавъ отчета, не заявивъ никому.

Голосъ у нея, какъ и лицо, былъ удивительно пріятный. И мнѣ она понравилась сразу, въ то время, какъ ея огромная мужчинообразная спутница вселяла мнѣ какую-то непонятную антипатію и страхъ. Вдругъ глаза почтенной Анны Аѳанасьевны увидѣли мою миніатюрную особу. И въ мигъ ея маленькіе заплывшіе отъ жира глазки приняли самое умиленно выраженіе.

— Цы-по-чка!—протянула она и сладчайшая улыбка еще шире растянула ея огромный ротъ.— Да неужто жъ эта и есть будущая воспитанница! Крошка какая. Поцѣлуемся, дѣточка! И двѣ огромныя руки, опустивъ мѣшокъ и узелъ на полъ платформы, протянулись ко мнѣ съ явнымъ намѣреніемъ меня обнять.

«Новая гувернантка! — вихремъ промчалось въ моей головѣ,—такъ вотъ оно что! Сомнѣній быть не можетъ разъ она назвала меня будущей воспитанницей. Новая гувернантка! Какой ужасъ! Какой ужасъ! Я взглянула съ нескрываемымъ страхомъ на басистую великаншу и попятилась, было, назадъ. Но въ тотъ же мигъ двѣ сильныя руки подхватили меня на воздухъ, а что-то влажное, горячее и рыхлое прикоснулось къ моимъ зардѣвшимся щекамъ. Потомъ она поставила меня на доски платформы и забасила снова:

— Очень рада познакомиться, дѣточка... Да и худенькая же какая, Господи Боже мой, да

какъ же вы кормите-то ее, Марья Сергѣевна? Ну, что моя Ганя—лядащая, такъ тому мы не виною. Шутка ли въ душной конторѣ по цѣлымъ днямъ сидѣть... А тутъ на вольномъ-то воздухѣ куда какъ привольно! Толстѣть бы да откармливаться за милую душу, а она Люсинька-то ваша, что твой цыпленочекъ чахлый! Моей Ганѣ какъ есть подъ пару... Ха, ха, ха, и почтенная Анна Аѳанасьевна захохотала такъ неожиданно и громко, что тетя Муся, а за нею и молодая спутница великанши невольно смутились и покраснѣли до ушей.

— Однако... пора ѣхать...—произнесла нерѣшительно тетя Муся.

Огромная гувернантка такъ энергично закачала головой, что ея старомодная шляпа, державшаяся и безъ того какъ говорится, на «честномъ словѣ», теперь окончательно грозила свалиться у нея съ головы.

— Носильщикъ! Носильщикъ!—закричала она такимъ басомъ на всю платформу, что разгуливавшіе тутъ же поблизости какія-то барышни и гимназисты, фыркнувъ, бросились вразсыпную. Появился носильщикъ съ плетеной корзиной въ рукѣ, и, сбѣжавъ съ перрона вокзала, сталъ рядиться съ извозчикомъ.

— Къ Сергѣю Сергѣичу въ «Милое» гувернантку свезти,—безцеремонно кричалъ онъ на всю площадь. Нравы у насъ въ провинціи были самые патріархальные: не только далеко вокругъ нашей усадьбы знали насъ самихъ, но знали и то, что въ домъ моего отца была приглашена новая воспитательница для маленькой Люси, знали это и сосѣди помѣщики и весь нашъ уѣздный городокъ, задолго еще до ея пріѣзда.

Между тѣмъ великанша гувернантка взгромоздилась уже на сидѣніе извозчичьей пролетки и, приказавъ носильщику поудобнѣе пристроить у нея въ ногахъ багажъ, пригласила садиться съ нею рядомъ и ея молодую спутницу.

Мы же съ тетей Мусей прослѣдовали къ нашему собственному экипажу, въ которомъ, на мое счастье, мѣста было только на двоихъ и, такимъ образомъ, новая, гувернантка съ барышней должны были ѣхать отдѣльно. Всю дорогу я чувствовала себя какъ на горячихъ угольяхъ. Безпокойно кружились въ моей маленькой головѣ мысли вокругъ одного и того же—гувернантки.

Нѣтъ, положительно она не нравилась мнѣ, положительно будила во мнѣ какое-то смутное, глухое отвращеніе: все въ ней мнѣ было антипатично; и лоснящееся отъ жира и пота лицо и огромный крикливый ротъ, и полусѣдая гривка волосъ, прилипшая ко лбу подъ ея изумительно комичной старомодной шляпкой. И этотъ ридикюль салопницы, расшитый пестрымъ гарусомъ съ кожаной ручкой!

Ея зычный басъ пугалъ меня, а ея манеры извозчика внушали настоящій ужасъ. Фрейлинъ Амалія казалась ангеломъ случайно слетѣвшимъ съ неба по сравненію съ ея спутницей. Ахъ, теперь я многое бы дала лишь бы вернуть тихую и незлобивую Амалію, съ ея деликатною рѣчью и кроткимъ безцвѣтнымъ нѣмецкимъ лицомъ!.. Я такъ ушла въ мои мысли, что и не замѣтила какъ мы добрались до дома. И только въѣзжая въ липовую аллею, и, обернувшись назадъ, я увидала подпрыгивающую позади насъ на извозчичьей пролеткѣ столь угнетавшую меня огром-

ную фигуру Анны Аѳанасьевны и зашептала обращаясь къ тетѣ Мусѣ, и такъ тихо, чтобы кучеръ Василій не могъ меня услышать:

— А худенькая это—ея дочка?

— Чья дочка?—изумилась моя спутница, очевидно, думавшая тоже въ это время совсѣмъ о другомъ.

— Да, гувернанткина дочка... Ганя... она у насъ тоже останется?

— Останется, останется, конечно!—такъ же разсѣянно отвѣчала опять тетя Муся.

— А ты почему знаешь гувернунтку Анну Аѳанасьевну? не унималась я, съѣдаемая тревогой и любопытствомъ.

Тетя Муся взглянула на меня далекими глазами замечтавшейся дѣвушки и вдругъ вся какъ-прояснилась.

— Ты про кого, Люська, говоришь?

— Про новую гувернантку! Про Анну Аѳанасьевну. Ты и раньше ее знала?

— А!—протянула не то изумленно, не то насмѣшливо моя молоденькая тетка и вдругъ расхохоталась.

— Ну и глупышка же ты, Люська, — лукаво, блеснувъ глазами, протянула она.

Я обидѣлась...

— Будешь глупышкой, когда пригласятъ, такую.

— Ха, ха, ха! — самымъ искреннимъ смѣразомъ снова разсмѣялась тетя Муся.

Я окончательно разсвирѣпѣла отъ этого смѣха.

— Не буду любить такую... Противная она... хуже Амаліи... Амалія не солдатъ, а эта, эта... Откуда выкопали такую?.. Откуда?—со сдержанной злостью твердила я.

Но чѣмъ больше я злилась, тѣмъ веселѣе дѣлался смѣхъ тети Муси. Сквозь непрерываемый хохотъ она давала мнѣ отрывистыя свѣдѣнія о гувернанткѣ. Анну Аѳанасьевну она, Муся, знаетъ давно. Когда еще она была ребенкомъ, Анна Аѳанасьевна приходила въ гости къ бабушкѣ. Потомъ уѣзжала на родину и тамъ обѣднѣла. Теперь далжна поступить на мѣсто. Она, правда, смѣшная, но хорошая и добрая на рѣдкость.

— Не хочу такую хорошую Терпѣть ее не могу,—твердила я.

— Люся! Люся!—мгновенно мѣняя тонъ и переставъ смѣяться, строго осадила меня тетя Муся,—вспомни фрейлейнъ Амалію и Филата... Помнишь?

О роковыя, полныя значенія слова!..

Мгновенно буйный гнѣвъ стихаетъ въ моей душѣ и даетъ мѣсто тихому горю... Это горе положительно лишаетъ меня возможности злиться и бунтовать.

Между тѣмъ, наша пролетка останавливается у крыльца. Я быстро спрыгиваю съ нея и мчусь по направленію плющевой бесѣдки. Эта плющевая бесѣдка — мое пристанище въ минуты дѣтскаго горя и невзгодъ.

Тамъ валюсь на скамейку, затыкаю уши, чтобы не слышать этого убійственнаго баса и лежу безъ мыслей, безъ слезъ, погруженная въ какое-то оцѣпенѣніе съ пустой головой и зажмуренными глазами. Лежу долго, безконечно долго, до тѣхъ поръ, пока кто-то легко и нѣжно касается моей головки и перебираетъ мои волосы.

— Дѣточка, зачѣмъ вы убѣжали? Развѣ вамъ не скучно одной? —слышу я нѣжный тихій голосъ. Открываю глаза. Передо мной тоненькая

Ганя. Глаза ея съ ласковымъ сочувствіемъ устремлены мнѣ въ лицо. Губы улыбаются такой тихой ясной улыбкой, а нѣжные пальчики осторожно перебираютъ мои непокрытые вихры. Въ то же время я слышу доносящійся до плющевой бесѣдки громовой басъ гувернантки, аккомпанируемый звономъ чайной посуды. Понимаю сразу: пьютъ чай на балконѣ и говорятъ обо мнѣ.

— Она тамъ?—спрашиваю Ганю, протягивая палецъ впередъ.

— Кто?

— Новая гувернантка.

Ганя улыбается:

— Тамъ!

— Не хочу ее!—говорю я съ ужасающей ее, Ганю простотою.—Зачѣмъ у васъ такая мама,— прибавляю дерзко и вызывающе гляжу ей въ лицо.

Ганя смущается... И молчитъ съ минуту. Потомъ говоритъ:

— Она добрая, очень добрая... Люсенька, вы еще не знаете ее. У нея только внѣшность такая... энергичная, а на самомъ дѣлѣ, если бы вы знали, что это за ангелъ по добротѣ!

Но я не соглашаюсь...

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Вотъ вы—ангелъ,—говорю я рѣшительно и внезапно обвиваю руками шею Гани и цѣлую ея блѣдныя щечки нѣсколько разъ подъ рядъ. Тутъ же приходитъ въ голову мысль о madame Клео и Лили, живущихъ въ графской усадьбѣ, и говорю ей вслухъ съ затаенной надеждой.

— Вотъ хорошо было бы, чтобы и вы остались у насъ. Съ вами мнѣ было бы пріятнѣе, чѣмъ съ

вашей мамой. Вы молоденькая и, должно-быть, очень, очень добрая... А вы играете въ серсо?

— Играю!

— А вы скоро умѣете въ пятнашки бѣгать?

— Скоро... Да очень скоро, Люсенька.

— Догоните меня!

И не медля ни минуты, я соскакиваю съ дивана, кубаремъ скатываюсь со ступенекъ бесѣдки и мчусь по аллеѣ.

Я впереди. Ганя за мной. Она, дѣйствительно, умѣетъ хорошо бѣгать. Потому что, въ нѣсколько секундъ уже догнала меня, и мы обѣ съ хохотомъ валимся на траву и барахтаемся въ ней обѣ. Потомъ, осѣненная свыше пріятной мыслью, я предлагаю Ганѣ:

— А теперь въ серсо.

— Въ серсо такъ въ серсо! Идетъ!

Еще нѣсколько минутъ, и кольца серсо летаютъ какъ птицы надъ нашими головами. Ганя вскрикиваетъ какъ дѣвочка каждый разъ, что ей удается поймать концомъ палки пестрый обручъ серсо.

Потомъ мы раздобываемъ мячъ и съ серьезными, сосредоточенными лицами играемъ при помощи его «въ классы».

Я не могу не замѣтить одного: Ганя взрослая, но увлекается не менѣе меня, дѣвочки, игрою. Она раскраснѣлась, даже глаза ея блестятъ, и все лицо ея стало отъ того еще болѣе привлекательнымъ.

Теперь я уже не думаю больше о несимпатичной мнѣ гувернанткѣ. Проходитъ еще часъ и я уже по уши влюблена въ Ганю. Не отхожу отъ нея ни на шагъ. Вмѣстѣ обѣгаемъ скотный дворъ, конюшни и птичникъ. Забѣгаемъ въ са-

рай, взлѣзаемъ на сѣновалъ... Карабкаемся на голубятню. Ганя всему радуется. Всѣмъ восторгается съ дѣтскимъ простодушіемъ. А между тѣмъ она почти старуха, ей двадцать семь лѣтъ по ея словамъ.

— Двадцать семь?—восклицаю я съ неподдѣльнымъ огорченіемъ,—а я думала вы молоденькая.

— Это ничего не значитъ,—отвѣчаетъ она,—я люблю дѣтокъ, люблю ихъ веселье и шалости. Ну да, шалости, если онѣ невинны. А бѣгать и прыгать люблю больше, нежели иныя дѣти.

И она на дѣлѣ доказываетъ это.

Боже, гдѣ мы только не побывали въ этотъ вечеръ! Даже успѣли сбѣгать въ лѣсъ къ Ивану лѣснику и къ его матери съ которымъ у меня теперь установились самыя пріятельскія отношенія. Только къ самому ужину вернулись домой.

За столомъ сидѣла среди членовъ моей семьи и новая гувернантка. Но я мало обратила вниманія на нее. Ахъ, мы обѣ такъ устали, и я и моя новая взрослая подруга Ганя. Иначе, какъ подругой и сверстницей, я положительно не могла ее считать. Разгоряченныя, красныя со свѣжими, довольными лицами мы съ завиднѣйшимъ аппетитомъ убирали за ужиномъ къ немалому удовольствію бабушки холодныхъ цыплятъ, колбасы домашняго производства и желтый румяный варенецъ.

— Наши-то дѣвочки, какъ будто и совсѣмъ познакомились въ добрый часъ сказать,—пробасила Анна Аѳанасьевна, умильно поглядывая своими маленькими заплывшими глазками то на меня, то на Ганю.

— Потому что я люблю Ганю,—неожиданно ни къ селу ни къ городу выпаливаю я, добросовѣстно обгладывая лапку цыпленка.

— Вотъ и славно, вотъ и расчудесно, моя цыпочка,—неизвѣстно почему обрадовалась гувернантка и снова раскатилась на всю комнату своимъ хохочущимъ басомъ.

Бабушка, папа и тетя Муся, присутствовавшіе за столомъ, улыбались также.

— Досадно только, что завтра придется уѣзжать! — звучитъ въ моихъ ушахъ минутой позднѣе снова грубый басъ гувернантки.

— Какъ завтра? Ганя уѣдетъ завтра? Уже завтра? Не можетъ быть! Не можетъ быть!— лепечу я съ искреннимъ отчаяніемъ. И сразу теряю аппетитъ.

Мои родные переглядываются съ улыбками:

— Что дѣлать! Такъ надо... Надо жить не такъ какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, милая Люсенька,—говоритъ бабушка. Ганя низко наклоняетъ голову надъ тарелкой. Мнѣ кажется обиднымъ, что она такъ легко можетъ покинуть меня. Безъ тѣни сожалѣнья какъ будто, а между тѣмъ какъ хорошо намъ было съ нею вдвоемъ.

Обиженная ухожу въ дѣтскую послѣ ужина. Горничная Ольга раздѣваетъ меня.

— Позови Ганю...—шепчу я ей тихо, уже лежа въ своей мягкой, уютной кроваткѣ.

— Ладно, постелю постель новой гувернанткѣ, тогда и позову—соглашается Ольга.

— Постель гувернанткѣ? Значитъ, она будетъ спать со мною? — съ отчаяніемъ говорю я.

— Старая барыня такъ приказали!—невозмутимо отвѣчаетъ Ольга.

О, Господи! Этого еще не доставало!

Въ моей маленькой уютненькой дѣсiкой поселится эта огромная, непріятная мнѣ особа съ басистымъ голосомъ, съ шумными манерами и лоснящимся отъ жиру лицомъ. Но вѣдь это же ужасъ. Это... это... Моя мысль отказывается подсказать, что это такое. Я валюсь головой въ подушки, зарываюсь въ нихъ лицомъ поглубже и стараюсь ничего не слышать и не видѣть. Теперь и приходъ самой Гани для меня не милъ. Я разсѣянно и холодно цѣлую ея милое, личико. Что мнѣ пользы теперь въ ней!.. Завтра на зарѣ, пока я еще буду спать, она уѣдетъ. И я никогда не увижу ее больше. Ну и пусть уѣзжаетъ, разъ не желаетъ остаться, несмотря на всѣ мои просьбы, со мною.

И я совсѣмъ равнодушно повидимому отвѣчаю на ея поцѣлуи, въ то время какъ сердце мое замираетъ отъ боли: такъ бы, кажется и вцѣпилась въ ея платье и ни на шагъ не отпустила бы ее отъ себя. Чтобы утѣшить меня, она начинаетъ мнѣ разсказывать исторiю.Хорошую такую жалостную исторiю о молодой дѣвушкѣ сиротѣ, которая чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ принуждена давать уроки и служить въ конторѣ, чтобы содержать старую мать. Подъ ея ровный тихiй голосъ я засыпаю. Засыпаю крѣпко и сладко здоровымъ сномъ набѣгавшагося за день ребенка.

Просыпаюсь, открываю глаза и вспоминаю сразу все происшедшее. Пріѣздъ великанши гувернантки, дружбу и веселое времяпровожденiе съ Ганей и мое съ нею прощанье... Вспоминаю и то, что ее уже нѣтъ... Она уѣхала... Слезы непроизвольно выступаютъ у меня на глазахъ и

текутъ по щекамъ. Я не плачу, не хочу плакать, но слезы текутъ сами собою. Сквозь ихъ пелену бросаю взглядъ въ ту сторону, гдѣ находится постель гувернантки. Въ головѣ мелькаетъ мысль: Сейчасъ, сейчасъ увижу ее — большую, страшенную, красную...

И вотъ слезы останавливаются сами собою.

Въ полумракѣ комнаты, созданномъ опущенной синей шторой, я вижу нѣчто совсѣмъ другое. Что-то маленькое и хрупкое, свернувшись калачикомъ, лежитъ въ постели гувернантки. А съ подушки свѣшивается какой-то странный предметъ. Не то коса, не то черный жгутикъ. Радостное предчувствіе заставляетъ сильно забиться мое неугомонное сердце. Вскакиваю съ постели и, стрѣлой перелетѣвъ комнату, бросилась на чужую кровать.

«Такъ и есть, Ганя! Не уѣхала! Не уѣхала, пожалѣла меня, значитъ. Осталась на день, можетъ-быть, на два, на три на недѣлю...»

И радужная надежда уже плететъ свой душистый пестрый вѣнокъ...

— Ганя! Ганя!—кричу я, вся охваченная радостнымъ волненіемъ, — Ганя, Ганя! Проснитесь скорѣе, я здѣсь, я съ вами!

Дѣвушка вздрагиваетъ отъ неожиданности, открываетъ испуганные глаза, такіе милые, голубые, добрые глазыньки и, узнавъ меня, неожиданно прижимаетъ къ себѣ.

— Ну, вотъ—наконецъ-то догадалась, маленькая Люся!—говоритъ она между поцѣлуями.

— Что догадалась? Что?—дѣлаю я большіе глаза.

Она смотритъ на меня пристально и вдругъ начинаетъ неудержимо смѣяться.

— Да, вѣдь гувернантка то твоя не мама, а я.

— Что-о-о-о? Что вы сказали?—шепчу я—не смѣя еще довѣриться моему слуху.

— Гувернантка — я, — повторяетъ Ганя,—а мама только провожала меня, чтобы устроить у васъ. Она страшно меня любитъ, Люся, и очень безпокоилась, отправляя меня на мѣсто. Сегодня она уѣхала съ первымъ поѣздомъ на зарѣ, обратно въ Петербургъ, въ тотъ домъ, гдѣ служитъ экономкой, я ее проводила, и какъ видишь, улеглась снова въ постель. Ну, что ты рада, маленькая, что я остаюсь съ тобою?

Рада ли я? И она еще могла меня спрашивать объ этомъ, моя милая Ганя!

Молча, безъ словъ, обвила я ручонками ея шею и стала цѣловать безъ конца ея щеки, лобъ, носъ и глаза...

А она съ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ возвращала мнѣ мои ласки, гордая сознаніемъ своей побѣды надъ сердцемъ такой взбалмошной и характерной дѣвочки, какой была въ то время ваша покорная слуга.

Потомъ мы стали одѣваться и умываться взапуски, кто скорѣе. Молились вмѣстѣ Богу передъ большимъ образомъ Нерукотворнаго Спаса. Пили молоко на террасѣ. А тамъ начинался рай. Рай веселыхъ прогулокъ, бесѣдъ и игръ съ Ганей, съ моей добренькой, съ моей тихой скромной Ганей, къ которой я успѣла привязаться, какъ къ родной.

Конецъ I-ой части.

Часть вторая

ЕЯ ОТРОЧЕСТВО.

Пестрый день.

I.

Зима. Славная, снѣжная, студеная, такая мягкая съ ея морозцами и съ бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ, разсыпаннымъ по полямъ. Какъ-то незамѣтно она наступила, какъ-то легко и неслышно подкралась, словно на цыпочкахъ, съ шорохомъ морозца въ лѣсу и въ полѣ съ легкимъ ломкимъ трескомъ рѣчного льда. Люблю зиму. Люблю ея бѣлые невинные сугробы, пощипываніе колючаго студенаго воздуха, и всю ея сѣверную покоряющую глазъ красоту!

Маленькія санки стрѣлой несутся по бѣлой, какъ сахаръ, дорогѣ. Быстро перебрасывая ногами, летитъ Буря. Василій, въ русскомъ желтомъ ямщицкомъ тулупѣ, туго опоясанный краснымъ поясомъ, поворачиваетъ ко мнѣ улыбающееся изъ-подъ круглой шапки лицо.

— Любо ль, такъ-то, барышня Люсенька?

— Еще, еще быстрѣе, Василій, миленькій. Ой, какъ хорошо!—кричу я.

Но темныя брови Гани хмурятся...

— Не такъ скоро, не такъ скоро... Долго ли до грѣха, можемъ упасть... разбиться.

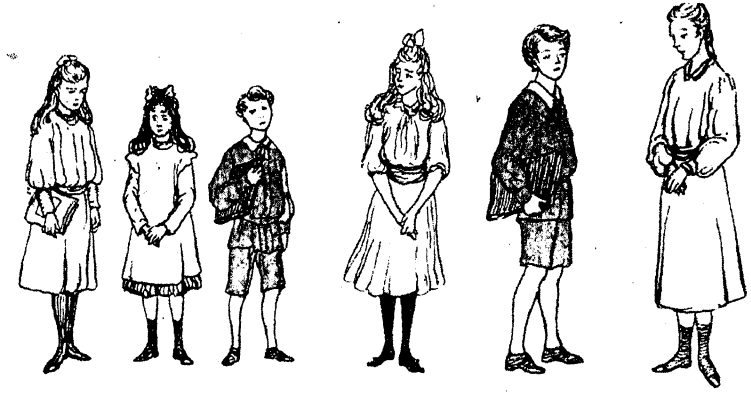
— Нѣтъ, нѣтъ,—звонко возражаю я,—ни за что не упадемъ, ни за что не расшибемся. Ни за что! Василій опытный, онъ знаетъ! Онъ все знаетъ.

И опять несемся... Несемся такъ быстро, что захватываетъ дыханіе въ груди. Безумно радостно, беззавѣтно хорошо мнѣ въ эти минуты!

Эти двѣ-три версты, отдѣляющія «Милое» отъ «Анина», мы минуемъ въ какія-нибудь пятнадцать минутъ. Ужасно короткій срокъ для меня, ненасытной любительницы такой отчаянно быстрой скачки! Вотъ подкатили къ стильной оградѣ графскаго сада. По усыпанной желтымъ пескомъ поверхъ заледнѣлаго снѣга дорожкѣ мы идемъ къ главному входу. Чьи-то смѣющіяся рожицы прилипли со стороны комнатъ къ оконнымъ стекламъ. Забавно сплющены побѣлѣвшіе носы. Сверкаютъ издали бѣлые зубы. Я машу имъ муфтой. Они машутъ руками. Безшумно распахивается передъ нами дверь. Старый почтенный Антонъ впускаетъ насъ въ вестибюль, меня и Ганю. Здѣсь топится каминъ. Съ красныхъ стѣнъ привѣтливо глядятъ оленьи головы стеклянными глазами, вѣтвисто раскинувъ служащіе вѣшалками рога. И мохнатое огромное чучело мишки, бураго медвѣдя, протягиваетъ впередъ серебряное блюдо съ визитными карточками.

Выбѣгаютъ Ани, Этьенъ, Вадя и Лили. За ними степенно выплываетъ Марья Клейнъ, самая большая изъ нашей дѣтской компаніи, а минутой позднѣе живая, подвижная madame Клео встрѣчаетъ насъ, съ озабоченнымъ видомъ спрашивая Ганю, не слишкомъ ли холодно на улицѣ, не хотимъ ли мы выпить чаю съ ромомъ или глинтвейну, прежде нежели отправиться въ классъ.

Мы занимаемся вмѣстѣ вотъ уже скоро будетъ три года, я и дѣти д'Обернъ вмѣстѣ съ ихъ неизмѣнной подругой Маріей Клейнъ. Самъ старый графъ съ двумя старшими дочерьми каждую осень уѣзжаетъ за границу и возвращается оттуда лишь поздней весною. Обѣ старшія графинюшки находятся при немъ безотлучно. Онѣ посѣщаютъ какіе-то курорты за границей, какіе-то санаторіи. Сыновья же и Ани остаются здѣсь.



Графъ д'Обернъ придерживается того мнѣнія, что дѣтей, даже мальчиковъ, до старшихъ классовъ нужно воспитать дома. Дѣвочкамъ же давать исключительно домашнее воспитаніе. И въ этомъ онъ сумѣлъ убѣдить бабушку и отца. На семейномъ совѣтѣ рѣшено было учить меня вмѣстѣ съ обоими графчиками и Ани. Марію Клейнъ, дочь управляющаго, тоже пріобщили къ нашему классу, несмотря на то, что ей уже стукнуло пятнадцать лѣтъ. Но знала она по научнымъ предметамъ не больше насъ, десяти-и двѣнадцатилѣтнихъ малышей.

Изъ уѣзднаго города, гдѣ было реальное училище и частная женская гимназія, къ намъ хо-

дилъ учитель Павелъ Павловичъ Вознесенскій, который преподавалъ намъ русскій языкъ. Другой учитель, господинъ Кукъ—математику, географію, физику и естественную исторію. Ганя проходила съ нами русскую исторію, всеобщую и нѣмецкій языкъ. Батюшка, отецъ Герасимъ, протоіерей городского собора, давалъ уроки Закона Божія. Madame Клео—французскаго языка. Кромѣ того, въ домѣ жила гувернантка англичанка миссъ Гаррисонъ, когда-то выняньчившая покойную графиню и теперь жившая на покоѣ. Съ нею мы занимались англійскимъ языкомъ. Пріѣзжалъ, кромѣ того, изъ города учитель танцевъ и учительница музыки, ужасно вспыльчивая маленькая крикливая особа, когда-то подававшая большія надежды, но вмѣсто страстно желанной ею оперной сцены попавшая, къ ея великому разочарованію—увы!—только въ число преподавательницъ музыки. Madame Клео, недурно рисовавшая, учила насъ еще, помимо французскаго языка, и этому изящному искусству.

Ежедневно ровно въ девять часовъ къ подъѣзду нашего дома въ «Миломъ» лихо подкатывали сани, запряженныя Вѣтромъ или Бурей, и мы съ Ганей, успѣвшія къ этому времени встать и напиться кофе съ домашнимъ печеньемъ, садились въ нихъ и катили на урокъ въ графскую усадьбу.

До часа дня тамъ шли непрерывныя занятія. Въ часъ же мы завтракали. Потомъ гуляли и въ три снова возвращались въ классную. И снова продолжались уроки вплоть до 5 часовъ.

Въ пять пріѣзжалъ за нами Василій. И Буря, пофыркивая отъ удовольствія, проворной рысью мчала насъ къ дому. А тамъ обѣдъ среди родной дружной семьи, около милой Гани, въ

которой я буквально не чаяла души, приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню и уютная теплая постелька въ той же милой дѣтской, озаренной мягкимъ свѣтомъ голубого ночника...

— Люся! Люся! У насъ новость. Кукъ уходитъ. Кука переводятъ въ Петербургъ. А у насъ будетъ новый учитель, тотъ самый, который замѣнилъ Кука уже въ реальномъ и въ женской гимназіи,—громко кричитъ Вадя, просовываясь изъ-за спины Лили въ прихожую, гдѣ мы съ Ганей сбрасываемъ въ это время наше верхнее платье.

За послѣдніе три года Вадя очень мало измѣнился. Такой же упитанный, краснощекій, забавный постоянно повторяющій слова и дѣйствія своего лучшаго друга Лили,—словомъ, та же маленькая обезьянка, очень мало развитая для своихъ десяти лѣтъ. Мы ровесники въ Вадей, но я дружу больше съ его старшимъ братомъ, Этьеномъ. Это настоящій маленькій джентльменъ и рыцарь до кончика ногтей. Рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова, несмотря на свой юный двѣнадцатилѣтній возрастъ. Онъ заступается за слабыхъ, не даетъ никого въ обиду и крайне строгъ и сдержанъ по отношенію къ самому себѣ. Учится онъ прекрасно и всегда очень охотно поясняетъ намъ непонятое нами на урокѣ. Этьенъ—любимецъ старшихъ, нашихъ воспитательницъ и учителей. Зато Лили и Вадя это двое «enfants terribles»[1])... Учатся они изъ рукъ вонъ скверно и шалостями своими возмущаютъ всѣхъ. Частенько и я присоединяюсь къ нимъ, а порой и Ани. Но Марія Клейнъ никогда. Марія благоразумна, какъ взрослая, и практична, какъ настоящая маленькая нѣмка. Но у нея нѣтъ ни-

[1]) Ужасныя дѣти — дословный переводъ.

какихъ способностей къ ученью, и этимъ объясняется то, что она, такая большая дѣвочка, идетъ по части знаній наравнѣ съ нами. Она попрежнему, какъ и три года назадъ, обожаетъ Ани, любитъ ее той неподкупной собачьей привязанностью, которая не умираетъ съ годами. Она видитъ всѣ недостатки Ани и все-таки любитъ ее. Впрочемъ, Ани создана, кажется, для того, чтобы быть любимой всѣми. Она слишкомъ хороша собою и обаятельна, чтобы не привлечь къ себѣ всѣ сердца. И слишкомъ привыкла къ этому поклоненію съ дѣтства. Но странное дѣло... Теперь она не вызываетъ уже во мнѣ той смутной, заоблачной любви, которую я питала къ ней, будучи семилѣтней малюткой. Я любила въ ней мою Мигуэль-царевну, гордую, смѣлую и жуткую... И когда на мѣстѣ нея увидѣла смѣшную, трусливую, жалкую дѣвочку, любовь эта исчезла, умерла въ тотъ же мигъ.

Царевна Мигуэль исчезла. Осталась Ани, одиннадцатилѣтняя дѣвочка Ани, съ ея большими недостатками и маленькими достоинствами. И ея вліяніе на меня давно исчезло.

Дѣти д'Обернъ и Марія были особенно оживлены нынче. Миссъ Гаррисонъ, старая, сѣдая англичанка, замѣняющая хозяйку въ домѣ во время отсутствія графа, величаво выплыла изъ заднихъ комнатъ.

— Здравствуй, дѣвочка,—говоритъ она, обращаясь ко мнѣ, съ замѣтнымъ акцентомъ, какъ-то черезчуръ законченно кругло произнося слова.

Она вся сѣдая и величественная. Длинный носъ, тонкія губы и старушечьи морщинки на скомканномъ отъ времени и многихъ заботъ лицѣ. Я ей цѣлую руку. Мы, дѣти, ей всѣ цѣ-

луемъ руку. Она здѣсь нѣчто въ родѣ бабушки или старой тетушки въ домѣ. Живетъ въ семьѣ д'Обернъ болѣе сорока лѣтъ.

Миссъ Гаррисонъ отвѣчаетъ мнѣ поцѣлуемъ въ голову и сдержанно здоровается съ Ганей. Это сдержанное отношеніе къ молодымъ наставницамъ у нея въ натурѣ. Она не признаетъ авторитета педагогичекъ, которымъ еще не минуло сорока лѣтъ, и на madame Клео и Ганю смотритъ какъ на дѣвочекъ.

Потомъ всѣ идемъ въ классную.

Первый урокъ Вознесенскаго длится съ десяти до одиннадцати. Самъ Вознесенскій очень милый, веселый, и мы всѣ любимъ его. Онъ недавно только окончилъ университетъ и не утерялъ еще вѣры въ будущее и любви къ преподаваемому предмету. Послѣ скучнаго синтактическаго разбора и диктовки заставляетъ насъ декламировать избранныя стихотворенія классиковъ. Марія Клейнъ поражаетъ его своей деревянностью исполненія. Она знаетъ всегда все «на зубокъ», но какъ-то рубитъ, а не читаетъ стихи. Лили и Ани очень лѣнивы по натурѣ и съ грѣхомъ пополамъ знаютъ урокъ. Зато Этьенъ, любимецъ миссъ Гаррисонъ, покоряетъ насъ всѣхъ своей декламаціей.

Сейчасъ онъ читаетъ «Дары Терека»... Весь Лермонтовъ съ его мятежной неспокойной душой истиннаго генія сказывается въ этомъ полномъ прелести поэзіи, мощи и красоты стихотвореніи.

«Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой»...

Съ заалѣвшими щеками, съ блистающими глазами декламируетъ мальчикъ. Какъ онъ хорошъ

въ эти минуты, какимъ неподдѣланнымъ восторгомъ дышитъ каждая черточка его выразительнаго лица... Онъ такъ красиво говоритъ объ «увѣсистыхъ громадахъ», о «рѣчныхъ валунахъ», объ этомъ трупѣ красавицы съ блѣднымъ лицомъ и размытой косой, что невольно видишь мрачныя кавказскія вершины, и бурно плещущій пѣнистый Терекъ, и могучій сѣдой Каспій, Каспійское море, изображенное такъ образно въ лицѣ величаваго старца у поэта,—все это видишь въ своемъ воображеніи, и когда, поднявъ свой нѣжный голосъ, дрогнувшій отъ сознанія всей прелести произносимаго, Этьенъ заканчиваетъ:

«Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви»...

мы молчимъ нѣсколько минутъ, все еще очарованные, притихшіе, и смотримъ на Этьена какъ на какое-то особенное существо. Миссъ Гаррисонъ, присутствующая неизмѣнно на урокахъ, въ то время, какъ Ганя и madame Клео, если онѣ свободны отъ часовъ занятій, работаютъ или читаютъ въ другой комнатѣ, миссъ Гаррисонъ первая нарушаетъ молчаніе, обращаясь къ Этьену:

— Пойди сюда, мой мальчикъ, и поцѣлуй меня!

И когда разрумяненный, взволнованный этой косвенной похвалой, юный графчикъ идетъ къ ней, Павелъ Павловичъ говоритъ, провожая его ласковымъ взглядомъ:

— Очень хорошо. Очень хорошо. Много чувства, много души... Прекрасно, молодой человѣкъ, прекрасно.

— Ничего нѣтъ хорошаго,—шепчетъ Лили, очень завистливая по природѣ.

Ани соглашается съ нею.

— Люся лучше можетъ,—тряхнувъ кудрями, говоритъ она такъ громко, что миссъ Гаррисонъ грозитъ ей пальцемъ, а Павелъ Павловичъ улыбается.—Ну-съ, Люся, очередь за вами, совсѣмъ изъ иного жанра возьмемъ. Басню «Мартышка и очки» прочтете?—обращается онъ ко мнѣ.

Ага! Это я понимаю! Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Басни это—моя стихія, и, нужно мнѣ отдать справедливость, читаю я ихъ хорошо. Я имѣю какую-то исключительную способность перевоплощаться въ изображаемое лицо. Въ одну минуту Люся исчезнетъ. Появляется на ея мѣстѣ забавная мартышка, веселая, глупенькая, смѣшная. Вхожу окончательно въ свою роль нынче и играю лицомъ, чего вовсе не требуется, однако, на урокѣ. Миссъ Гаррисонъ оставляетъ вязанье и стучитъ длинной деревянной спицей по столу.

— Люся, перестань кривляться!—слышу я.

Но даже и не смотрю въ ея сторону.

Вижу едва уловимую улыбку на лицѣ нашего молодого учителя, вижу открыто смѣющіяся личики дѣтей и закусываю удила, какъ говорится, уже гримасничая теперь всѣмъ моимъ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ, имѣющимъ сейчасъ, дѣйствительно, немалое сходство съ мордочкой мартышки, о которой говорится въ баснѣ.

Къ общему неудовольствію, заканчивается урокъ. Черезъ десять минутъ придетъ батюшка, отецъ Герасимъ, и будетъ спрашивать насъ заданную намъ къ нынѣшнему дню библейскую исторію о Содомѣ и Гоморрѣ. Этотъ урокъ я

не успѣла выучить вчера: читала весь вечеръ «Давида Копперфильда» и, когда Ганя спросила меня, выучила ли я про Содомъ и Гоморру, отвѣтила преспокойно: да. Но мой успѣхъ на урокѣ русскаго языка былъ такъ очевиденъ и такъ приподнялъ мнѣ мое настроеніе, что я менѣе всего думаю о гибели Гоморры и о женѣ Лота, съ которой что-то происходитъ во время этой гибели, но что именно—рѣшительно вспомнить не могу.

Ахъ, да не все ли равно въ сущности, когда на душѣ весело и сердце стучитъ задорнымъ, молодымъ стукомъ. Хочется нестерпимо выкинуть что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее, хочется несказанно проявить свое молодечество, удаль. Наклоняюсь къ уху моей сосѣдки Лили и шепчу.

— Передай Вадѣ—пойдемъ къ телефону.

Словно электрическій токъ пробѣгаетъ по ней. Глаза загораются сразу...

— А Ани можно?—спрашиваетъ такимъ же шопотомъ.

— Конечно, и Ани. Только, чтобы Этьенъ не зналъ и Марія. Отговаривать будутъ, терпѣть этого не могу.

Мы едва можемъ дождаться той минуты, когда, пожавъ на прощанье руку, раскланявшись съ нами, миссъ Гаррисонъ и Вознесенскій уходятъ.

Я, Лили, Ани и Вадя бѣжимъ въ залу, большую двусвѣтную бѣлую залу, съ колоннами и хорами, лучшую комнату дома, купленнаго дальнимъ предкомъ графа у предка какого-то русскаго вельможи. Здѣсь мы между уроками играемъ въ мячъ, бѣгаемъ и рѣзвимся. Здѣсь наши воспитательницы оставляютъ насъ однихъ. Отсюда выходъ въ пріемную, изъ пріемной—въ вестибюль.

Этьенъ повторяетъ урокъ для батюшки. Марія лютеранка и занимается Закономъ Божіимъ дома у матери въ тѣ часы, когда къ намъ приходитъ священникъ. Но намъ четверымъ не до повторенія урока. Быстро и незамѣтно проскальзываемъ въ дверь. Еще дверь, и мы въ вестибюлѣ.

Подлѣ мохнатаго мишки съ подносомъ въ лапахъ находится телефонъ.

Плотно заперевъ дверь въ пріемную, мы группируемся подлѣ аппарата.

Едва удерживаясь отъ смѣха, я выступаю впередъ. Нажимаю кнопку. Барышня тотчасъ же отзывается съ главной станціи.

— Allo!

Дѣлаю голосъ сладенькимъ и умильнымъ на рѣдкость.

— Барышня, номеръ 14—25, пожалуйста!

— Готово.

— Слушаю.

— Колбасная, да?

— Что угодно?

— Десять десятковъ сосисокъ пришлите въ усадьбу д'Обернъ.

— Угощеніе рабочимъ?—слышу оттуда.

— Да, да, да!

Мои сообщники давятся отъ смѣха. Ани смотритъ на меня влюбленными глазами и восхищается вслухъ моимъ остроуміемъ. Я подаю имъ знакъ молчанія и снова нажимаю кнопку.

— Барышня (голосъ мой еще слаще въ данную минуту), барышня, дайте пожалуйста 1—33.

— Готово!

— Казенная лавка, — слышу густой басъ у лѣваго уха.

— Да, да... Просимъ немедленно прислать дюжину бутылокъ водки въ Анино, усадьбу графа д'Обернъ.

— Слушаю, ваше сіятельство,—отвѣчаетъ басъ, внезапно смягчая свой голосъ до тенора въ силу своего почтенія, очевидно, передъ сіятельнымъ заказчикомъ.

— Ха-ха-ха, — давятся отъ смѣха Ани, Лили и Вадя. У послѣдняго даже слезы выступили на глазахъ. Мы всѣ въ восторгѣ.

Напряженіе достигаетъ высшаго своего пункта; хочется завизжать отъ восторга и волчкомъ закружиться по комнатѣ.

Вѣшаю трубку и опять хватаю ее...

— Дровяной дворъ, пожалуйста... — говорю я, предварительно нажавъ кнопку.

Но барышня хочетъ болѣе точныхъ свѣдѣній и требуетъ номеръ. Лили лихорадочно перелистываетъ телефонную книгу-списокъ абонентовъ, куда я вчера еще успѣла заглянуть «на всякій слу-

чай» и запомнить нѣкоторые нужные для меня номера.

— Ага, вотъ онъ нужный номеръ. Ура! — приходитъ она снова въ восторгъ неописуемый.

Звоню на станцію, прошу соединить снова съ лѣсной биржей, называю номеръ.

Оттуда отзываются не скоро. Все занято, занято. Теряю терпѣніе. Звоню опять. Наконецъ-то!

— Получите заказъ. Пять саженъ дровъ въ усадьбу д'Обернъ. Привезите поскорѣе!

— Слушаю-съ.

Дальнѣйшее все идетъ какъ по маслу.

Во время урока батюшки въ дверь просовывается встревоженное лицо madame Клео.

— Миссъ Гаррисонъ! Миссъ Гаррисонъ!—зоветъ она.—Тамъ принесли заказъ изъ колбасной. Вы приказывали?

Я тихонько фыркаю, закрывшись рукою. Ани краснѣетъ до ушей и дрожитъ отъ смѣха. Вадя и Лили гримасничаютъ неимовѣрно, чтобы не разразиться самымъ неудержимымъ хохотомъ.

Отецъ Герасимъ замѣчаетъ наше приподнятое настроеніе. Его опытный преподавательскій взоръ сразу находитъ виновную.

— Люся, — обращается онъ ко мнѣ, — разскажите, дѣвочка, что вы знаете о бѣгствѣ Лота и его семьи.

Что я знаю? Ничего не знаю. Кромѣ того развѣ, что сейчасъ вернется Миссъ Гаррисонъ, посидитъ немного и ее вызовутъ снова, чтобы принять дюжину бутылокъ водки, которыя должны быть присланы съ минуты на минуту изъ казенной лавки изъ города. И знаю также, что подъѣдутъ скоро два воза съ дровами. Ха-ха-ха! И вся

трясусь отъ затаеннаго смѣха. А про Лота или семью Лота я ровно ничего не знаю.

Этьенъ, сидѣвшій за столомъ рядомъ со мною, видитъ мой растерянный видъ и спѣшитъ на помощь къ своему безшабашному другу, суфлируя мнѣ по возможности всю исторію гибели Содома и Гоморры и бѣгства оттуда семьи Лота.

Сначала все идетъ прекрасно. Я удачно улавливаю подсказываемыя мнѣ слова до... до этой злосчастной исторіи съ Лотовой женою. Усталъ ли мой благодѣтель, или мой слухъ измѣнилъ мнѣ, но вмѣсто передаваемаго мнѣ шопотомъ: «И когда жена Лота оглянулась вопреки предсказанію Господа, то превратилась въ столбъ.

— И когда жена Лота оглянулась вопреки приказанію Господа,—повторяю я подъ диктовку,—то превратилась въ...

Но во что превратилась эта злосчастная жена, рѣшительно не могу понять... Не слышу.

— Въ столбъ! Въ столбъ!—усиленно суфлируетъ мой благодѣтель Этьенъ.

— Въ столбъ, въ столбъ!—шипятъ какъ змѣи со всѣхъ сторонъ Лили, Ани и Вадя.

Не понимаю... Рѣшительно не могу понять...

А пауза все длится... длится...

Больно наступаю на ногу Этьена...

— Что жъ ты молчишь, молъ, говори!

— Въ столбъ,—вскрикиваетъ чуть не въ голосъ мальчикъ. «Ага, наконецъ-то услышала! Слава Богу!»

— Въ дога!—говорю я, торжествуя отъ возможности пресѣчь, наконецъ, эту несносную паузу.

— Что-о-о-о?—На лицѣ батюшки выражается самый неподдѣльный ужасъ.—Что жъ это такое?

Чувствую, что соврала... И соврала скандально. Но ужъ разъ что свершилось, того вернуть нельзя.

Развязностью еще, пожалуй, можно поправить дѣло.

— Въ дога.. Въ такую собаку, батюшка,— говорю совсѣмъ просто, поднимая на него невинные глаза.

О, это уже слишкомъ!

Ани дрожитъ отъ смѣха, но остальные молчатъ, притихли... Батюшка добрый-предобрый, но вѣдь и у самаго добраго человѣка въ мірѣ можетъ лопнуть терпѣніе, въ концѣ-концовъ.

— Ступайте вонъ изъ классной, Люся, и скажите Гликеріи Николаевнѣ, что я очень недоволенъ вами,—строго говоритъ отецъ Герасимъ, глядя мнѣ прямо въ глаза.

Встаю, какъ къ смерти приговоренная, и направляюсь къ двери.

А въ сосѣдней комнатѣ уже ждетъ новая непріятность. Миссъ Гаррисонъ, моя Ганя и madame Клео стоятъ въ буфетной, прилегающей къ классной комнатѣ, и о чемъ-то совѣщаются.

А на кругломъ столѣ передъ ними лежитъ цѣлая груда сосисокъ, на полу же—огромный ящикъ съ бутылками вина.

Я не успѣваю перешагнуть порога комнаты, какъ на порогѣ противоположной двери появляется Антонъ.

— Миссъ Гаррисонъ, подводы съ дровами съ лѣсной биржи пріѣхали. Вотъ тутъ по счету просятъ сорокъ рублей заплатить.

— О!

Стою красная, уничтоженная, съ опущенными глазами... И уже недавняя забавная продѣлка

не кажется больше забавной и смѣшной. Миссъ Гаррисонъ оборачивается ко мнѣ, смотритъ на меня пронизывающимъ душу окомъ и сразу понимаетъ все.

— Люся, это твои продѣлки, говори?—повидимому, спокойно спрашиваетъ она, въ то время, какъ глаза ея такъ и колютъ меня словно иглы. Какъ тутъ сказать неправду?.. Какъ соврать?

Опускаю взоръ еще ниже и отвѣчаю: «Да».

— Прекрасно. Миссъ Гликерія, вы слышите?

Моя милая Ганя съ тоскою поднимаетъ на меня укоряющій взоръ.

— Не можетъ быть, Люся, — шепчетъ она, совсѣмъ подавленная.

— Однако это такъ, — усмѣхается Миссъ Гаррисонъ, торжествуя, — а сейчасъ, зачѣмъ ты здѣсь?—уже совсѣмъ сурово обращается она ко мнѣ.

— Меня отецъ Герасимъ изъ классной выгналъ!

— Боже мой!—срывается съ неподдѣланнымъ отчаяньемъ съ губъ Гани. — Боже мой, Люся, что случилось съ тобою?

— Какой стыдъ!—вставляетъ, въ свою очередь, madame Клео по-французски.

Миссъ Гаррисонъ съ видомъ разгнѣванной богини кладетъ мнѣ руку на плечо, и строгіе глаза ея еще глубже впиваются мнѣ въ душу.

— Скажи, эта шалость пришла тебѣ въ голову одной?—спрашиваетъ она.

— Одной.

— И никто не былъ свидѣтелемъ твоей продѣлки у телефона?

— Никто,—отвѣчаю я, не сморгнувъ, чтобы не подвести двухъ другихъ виновныхъ.

— Ступай въ карцеръ. Ты испорченная, скверная дѣвочка и портишь своихъ сверстниковъ и сверстницъ,—презрительно бросаетъ мнѣ вслѣдъ старуха. Потомъ, не дожидаясь, когда моя пристыженная особа исчезнетъ за порогомъ, сдержанно, но сурово обращается въ пространной рѣчи къ Ганѣ на тему о томъ, что русскія педагогички не умѣютъ воспитывать дѣтей; что однѣ только англичанки должны браться за это дѣло; что онѣ однѣ только спеціализировались на этомъ дѣлѣ.

Окончанія ея рѣчи я не слышу. Антонъ идетъ впереди меня съ ключомъ въ рукѣ и что-то шамкаетъ беззубымъ ртомъ по дорогѣ. Но я плохо понимаю, что онъ говоритъ.

Въ душѣ моей, какъ это ни странно, смутная радость. Мнѣ пріятно сознаніе того, что я пострадаю одна за всѣхъ. Вѣдь участвовали въ продѣлкѣ и Ани, и Лили, и Вадя, вѣдь всѣ мы четверо, были у телефона и дѣйствовали сообща, а отвѣчаю, между тѣмъ, я одна. Эта несправедливость, оказанная самой судьбою, какъ будто даетъ мнѣ нѣкоторое сознаніе удовлетворенности. Такъ пріятно иногда пострадать невинно за другихъ!

Я увлекаюсь въ моихъ мечтахъ до того, что мнѣ самой моя вина уже не кажется виною... Чувствую себя невинно осужденной. Чувствую себя мученицей.

— Антонъ,—обращаюсь я къ старому слугѣ немного аффектированнымъ тономъ,— передайте моимъ друзьямъ привѣтъ отъ Люси.

— Ладно, ладно,—шамкаетъ слуга,—посидите да подумайте лучше, хорошо ль поступлено... Да и кто за припасы платить будетъ. По-настоя-

щему папенькѣ бы вашему счетъ послать, да вотъ наша мисса (вся прислуга въ графскомъ домѣ иначе, какъ «наша мисса», старуху гувернантку не называетъ) — наша мисса приказали назадъ отослать... Папеньку вашего жалѣютъ.

Не знаю, почему-то, но отъ этихъ простыхъ словъ мнѣ дѣлается стыднѣе нежели, отъ выговора строгой миссъ Гаррисонъ. И вмигъ я снова кажусь себѣ преступницей, настоящей преступницей, заслуживающей самой строгой кары. Между тѣмъ, щелкаетъ ключъ въ замкѣ, и я вхожу въ карцеръ. Это—небольшая полутемная комната, гдѣ стоятъ шкапы, съ гардеробомъ, но имѣющая и другое назначеніе: сюда сажаютъ насъ за особенные, выдающіеся изъ ряда вонъ проступки. Шкапная такъ и извѣстна намъ подъ названіемъ карцера.

Сижу, гляжу въ окно, выходящее на задній дворъ, и вижу: сначала мальчика изъ колбасной, уносящаго весь запасъ сосисокъ съ задняго крыльца, потомъ посланнаго изъ винной лавки, наконецъ, уѣзжающіе со двора возы съ дровами. Смотрю, и продѣлка моя не кажется мнѣ уже больше забавной или смѣшной. Думаю о томъ, что о ней узнаетъ папа, бабушка, всѣ домашніе, и сердце сверлитъ тоска.

Она сверлитъ меня еще и тогда, когда, отбывъ наказаніе, сижу за общимъ завтракомъ въ столовой и давлюсь горячей котлетой. Положительно не могу ѣсть. Тоска грызетъ.

На прогулкѣ молчу. Ани подбѣгаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ со смѣхомъ:

— А ты видѣла изъ оконъ дрова?

— Убирайся!—говорю я ей грубо, чувствуя непонятную ненависть къ ея красивому личику и къ золотымъ волосамъ.

— Мужичка!—презрительно пожимая плечиками, бросаетъ она и отходитъ, не удостоивая меня даже взглядомъ. Лили и Вадя имѣютъ сконфуженный видъ и даже сторонятся меня какъ будто.

— Намъ запрещено играть съ тобою, Люся: миссъ Гаррисонъ говоритъ, что ты насъ портишь,—шепчетъ мнѣ мимоходомъ Этьенъ.— Но это ничего, это только сегодня... Нынче же буду просить ее простить тебя, хорошо?

О, милый мальчикъ! Я готова была расцѣловать его въ эту минуту. Онъ такъ искренно, такъ хорошо пожалѣлъ меня.

Гани не было ни на завтракѣ ни на прогулкѣ. Она ушла въ городъ по порученію миссъ Гаррисонъ. Мнѣ было легче не видѣть ее подольше. Ея печальные глаза живымъ укоромъ стояли передо мной. Боже мой, какъ я ее осрамила, мою бѣдную Ганю!

Въ три часа къ намъ долженъ былъ прійти въ первый разъ новый учитель, замѣнившій ушедшаго Кука — тихаго, розовенькаго, всегда чрезвычайно деликатнаго господина.

Ровно въ три на порогѣ нашей классной онъ появился или, вѣрнѣе, она появилась, потому что, то, что мы увидѣли передъ собою, скорѣе напоминало обезьяну изъ породы гориллъ, нежели человѣка. Василій Васильевичъ Мукомоловъ, нашъ новый преподаватель математики, географіи и естественныхъ наукъ, весь обросъ волосами: волосы густые и черные обильно покрывали его лицо, шею и руки. Только одинъ лобъ оставался чистымъ и такъ странно было видѣть этотъ черный лѣсъ волосъ подъ бѣлымъ алебастровымъ лбомъ.

Маленькіе какъ у мышки быстрые глазки, не имѣя ни минуты покоя, метались среди этого лѣса растительности, а румяныя пухлыя губы улыбались самой добродушной улыбкой.

Мукомоловъ стремительно вошелъ въ классную, потирая отъ холода или отъ смущенія свои мохнатыя руки, а съ нимъ вмѣстѣ вошла струя какого-то специфическаго запаха, не то крѣпкаго дешеваго табака, не то какого-то лѣкарства.

— Ну, дѣти, давайте знакомиться,—произнесъ онъ неожиданно высокимъ голосомъ, такъ мало соотвѣтствующимъ его внѣшности.—Нынче у насъ ариѳметика, великолѣпно-съ! А васъ какъ зовутъ?—обратился онъ вдругъ къ Ани.

— Графиня Ани,—отвѣчала съ достоинствомъ дѣвочка.

— Вотъ какъ-съ, графиня Ани! Отлично-съ! Такъ и запомнимъ,—не переставая потирать руки и улыбаться насмѣшливой улыбкой, какъ мнѣ теперь показалось, говорилъ Мукомоловъ.—Ну, а васъ?—уставился онъ неожиданно этими смѣющимися глазами на меня.

— Люся.

— Графиня Люся?

— Нѣтъ, просто Люся, Люся Ордынцева.

— Очень хорошъ-съ. Великолѣпно-съ. Не графиня, значитъ, а просто Люся,—повторялъ учитель, и мнѣ показалось теперь уже навѣрное, что онъ смѣялся.

— Какой противный!—шепнула Лили.

— Обезьяна и пугало!—произнесла Ани, презрительно оттопыривъ губки.

— А васъ какъ зовутъ?—продолжалъ преподаватель, обращаясь къ Этьену.

Тотъ отвѣтилъ.

— Гмъ! Гмъ! Этьенъ? По-русски, стало-быть, иначе?

— Семенъ по-русски.

— Если разрѣшите Семеномъ, Сеней звать и буду. Не умѣю я по-заграничному. Ну-съ, Сенечка, съ васъ и начну. Что вы знаете по математикѣ?

Этьенъ отвѣчалъ.

— А такую задачу рѣшите?

Тутъ онъ продиктовалъ задачу. Мы ее записали на грифельныхъ доскахъ. Задача оказалась не изъ легкихъ. Но, имѣвшая большія способности къ математикѣ, я рѣшила ее прежде всѣхъ.

— Такъ?—подавая свою доску учителю, спросила я его.

— Молодецъ, барышня, просто Люся, не графиня, отличились,—похвалилъ онъ меня.

Мое самолюбіе было пріятно удовлетворено.

Непріятное настроеніе чуть-чуть развѣялось Послѣ первой я рѣшила нѣсколько еще болѣе сложныхъ задачъ. Мукомоловъ остался доволенъ. Но на душѣ моей все-таки было непріятно.

Учитель ушелъ послѣ двухъ часовъ, проведенныхъ въ классной за урокомъ ариѳметики и физики, слѣдовавшими одинъ за другимъ.

Миссъ Гаррисонъ онъ не понравился. Главнымъ образомъ, за его непринужденность и тотъ сильный специфическій табачный запахъ, остававшійся еще долго послѣ его ухода въ классной комнатѣ. Пробило пять часовъ. Ганя вернулась изъ города. Мы простились и уѣхали. При прощаньи съ миссъ Гаррисонъ я не полу-

чила обычнаго. поцѣлуя въ лобъ. Зато ея тонкія ссохшіяся губы произнесли, обращаясь ко мнѣ, отчеканивая каждое слово:

— Старайся исправиться, Люся. Такая, какъ сейчасъ, ты не можешь доставить радости окружающимъ. Напротивъ, являешься наказаніемъ Божіимъ для семьи.

Эта-то фраза и вертѣлась въ моемъ мозгу, пока мы ѣхали къ воротамъ отъ подъѣзда дома. И мой мозгъ повторялъ ее на всѣ лады до тѣхъ поръ, пока Василій, слегка хлестнувъ Бурю, не пустилъ ее во всю прыть по снѣжной дорогѣ. Тутъ ужъ фраза сразу выскочила изъ моей головы, какъ выскакиваетъ сюрпризъ изъ пасхальнаго яичка.

Снова быстрый бѣгъ Бури... Снова головокружительно скорая ѣзда... Только теперь уже темныя зимнія сумерки пришли на смѣну бѣлому утру, и ласковыя звѣзды одна за другой загорѣлись въ далекихъ небесахъ. Но на душѣ уже нѣтъ радости отъ быстрой ѣзды по ровной скатерти дороги... На душѣ мятежно и нехорошо. Маленькая, тепло закутанная фигура Гани такъ близко сейчасъ отъ меня. И лицо ея близко, повернутое въ мою сторону, съ большими печальными глазами. А говоритъ она со мной, какъ чужая. И такъ больно-больно дѣлается у меня меня въ душѣ отъ ея словъ.

— Стыдись, Люся! Вѣдь ты же большая. Вѣдь десять тебѣ уже минуло... И такія шалости, и такая пошлость! Меня вконецъ осрамила... А вѣдь я гордилась тобой... И вотъ! Дождалась радости! Что думаетъ обо мнѣ миссъ Гаррисонъ, madame Клео, дѣти, наконецъ, прислуга? Они всѣ въ правѣ сказать, что я не умѣю воспитывать

тебя... Ты подумай, какой стыдъ для меня, Люся... Вѣдь я не дѣвочка, не молоденькая, мнѣ тридцать лѣтъ, и я спеціалистка-педагогичка. И вдругъ такой промахъ... Такая ошибка! Моя воспитанница, моя гордость, моя Люся такъ подводитъ меня. Нѣтъ, ужъ безъ меня дѣлай что хочешь, а при мнѣ не смѣй. Или я уѣду, завтра же уѣду отъ тебя,—заканчиваетъ Ганя такимъ увѣреннымъ, не допускающимъ возраженій тономъ, что мое сердце холодѣетъ и словно падаетъ куда-то внизъ въ бездну отчаянія и стыда.

Она уѣдетъ! Она? Ни за что! ни за что въ мірѣ не отпущу я ее отъ себя!

Потерять Ганю для меня равносильно смерти. Ее я полюбила съ перваго взгляда и разстаться съ нею не могу и не хочу. Да неужели же она сама отъ меня уѣдетъ, мой кроткій ангелъ, моя радость?

Смотрю на нее, въ ея тонкое личико, въ ея прекрасные голубые глаза. Смотрю и думаю:

«Безъ Гани нѣтъ счастья, нѣтъ жизни для меня». Сначала только думаю это. Потомъ говорю вслухъ.

Вмигъ двѣ тонкія ручки обвиваютъ мои плечи, и засвѣжѣвшее лицо касается моей щеки.

— Дай мнѣ слово, Люся, что никогда, никогда больше... Такія скверныя шалости не должны повторяться... Ну? Ну же! Да? Люся!

— Даю слово!—говорю я съ добрымъ порывомъ,—даю слово, только не уѣзжайте отъ меня. Ради Бога, не уѣзжайте.

— Дѣтка моя!

О, какъ хорошо опять, какъ легко становится на душѣ... Какъ славно бѣжитъ Буря! Какъ чудесно умѣетъ править лошадьми Василій. И звѣзды такъ ласково и кротко мерцаютъ съ далекаго неба. Они тоже слышутъ мое обѣщаніе, милыя, ласковыя звѣзды, такія же тихія, такія же кроткія и нѣжно блистающія, какъ глаза моей Гани...

Милые, чудные глазки, вы не уйдете отъ бѣдной Люси, вы останетесь съ нею на всю жизнь, на всю жизнь?

II.

Портретная галлерея.

Всю послѣднюю недѣлю вьюжитъ немилосердно. Огромные сугробы снѣга намело по обѣ стороны дороги. Жестокая стужа стоитъ на дворѣ. Бабушка и отецъ боятся отпускать меня ежедневно въ «Анино» по такой погодѣ. Миссъ Гаррисонъ въ короткой записочкѣ на имя папы предлагаетъ привезти меня и оставить у нихъ пока длятся метели и бураны.

Закутать хорошенько и привезти. Они вышлютъ за мною закрытый экипажъ для этой цѣли.

Уже не разъ зимою мнѣ приходилось гостить въ Аниномъ по два, по три дня. И это время я считала самымъ для меня интереснымъ. Мы спали съ Лили и Ани въ одной спальнѣ и болтали до полуночи. А вечеромъ, приготовивъ уроки, играли въ лото на орѣхи или же въ новую нами самими выдуманную игру въ индѣйцевъ. Все это было очень весело и занятно. Гораздо болѣе весело, нежели проводишь долгіе вечера дома, среди взрослыхъ. Отецъ сидѣлъ за своими книгами или провѣрялъ отчеты по имѣнію, моя милая старушка-бабушка больше просиживала въ глубокомъ креслѣ надъ вязаньемъ безконечныхъ шарфовъ. А тетя Муся...

Удивительно измѣнилась за послѣдніе годы моя веселая жизнерадостная тетушка. Вотъ уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она окончила курсъ ученья въ институтѣ и выпорхнула на свободу, веселая и радостная какъ бобочка. Выпорхнула изъ-за тѣсныхъ стѣнъ своей «тюрьмы» съ яркими надеждами и свѣтлыми мечтами о грядущемъ счастье. И изъ тюрьмы попала въ тюрьму же по ея собственному выраженію.

Нашъ глухой, уединенный городокъ не могъ блистать избраннымъ обществомъ, да и веселиться какъ-то не умѣли въ нашей глуши. Въ гости ѣздили другъ къ другу рѣдко, а семьи сосѣднихъ помѣщиковъ и совсѣмъ не посѣщали одна другую. Немудрено, что молодая жизнерадостная, нѣсколько легкомысленная дѣвушка заскучала въ своемъ гнѣздышкѣ. Эта скука отразилась и на характерѣ тети Муси. Она стала раздражительной и капризной. Книги ей надоѣли, хозяйничать же она не любила и не умѣла и съ перваго же дня появленія у насъ Гани взвалила все хозяйство по дому на ея плечи.

— Еще два-три года пройдетъ, и совсѣмъ запишусь въ старыя дѣвки, — брюзжала тетя Муся.—И немудрено: недѣлями голоса человѣческаго не слышишь въ нашей трущобѣ!

Бабушка болѣзненно морщилась отъ этихъ словъ.

— Поѣхала бы въ городъ, Мусечка. Визиты бы сдѣлала полицмейстершѣ, казначейшѣ...

— Очень мнѣ это нужно, мамаша, надувала губки дѣвушка,—удивительно интересны мнѣ ваши казначейши и полицмейстерши.

— Ну такъ въ клубѣ вечеръ будетъ, вотъ и съѣзди съ Сергѣемъ.

— Ужасно нуженъ мнѣ и вашъ клубный вечеръ. Да съ кѣмъ танцовать-то тамъ, сами подумайте, мамочка. Медвѣди какіе-то, а не люди, право! — возмущалась она.

— Ну, ужъ я и ума не приложу въ такомъ случаѣ, чѣмъ занимать тебя, матушка. Книги и ноты ты забросила, не читаешь и не играешь совсѣмъ. О хозяйствѣ и говорить нечего. Гликерія Николаевна его на себя взяла. Эхъ, стара я, стара становлюсь, Мусечка, а то бы и въ гости съ тобой смахала и въ клубъ... Да вотъ горе—ноги болятъ, дѣточка...

Я часто слышу теперь такіе разговоры, и мнѣ становится нестерпимо жаль и старую бабушку и бѣдную скучающую тетю Мусю. Жаль и отца, который дни и ночи измышляетъ способы расширить и упрочить благосостояніе нашей маленькой усадьбы. И тоскливо дѣлается на сердцѣ. Тянетъ куда-то отъ этой тоски, туда, гдѣ звучатъ веселые дѣтскіе голоса, звенитъ юный смѣхъ, переливаясь колокольчиками, носится по всему огромному дому топотъ рѣзвыхъ ножекъ. И нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ графскую усадьбу я готова летѣть, какъ на праздникъ.

Мы съ Ганей уже третій день живемъ въ Аниномъ. А вьюга все мечется, все неистовствуетъ въ полѣ. На большой дорогѣ злобствуетъ метель. Морозъ злится—свирѣпствуетъ въ окрестныхъ лѣсахъ, дубравахъ. Насъ не водятъ гулять всѣ эти дни, мы сидимъ дома. Ходятъ учителя, готовимъ уроки. А по вечерамъ весь домъ перевертывается вверхъ дномъ отъ нашихъ прыжковъ, скачковъ, бѣшенаго крика.

Миссъ Гаррисонъ разрѣшаетъ намъ «бѣситься» вволю. Она находитъ, что въ часы досуга дѣтямъ необходимо посуетиться, пошалить, побѣгать, покричать.

Нынче вечеромъ у насъ урокъ танцевъ. Танцы намъ преподаетъ старый клубный дирижоръ, онъ же преподаватель въ женской гимназіи, Ночъ Пауль, остзеецъ по происхожденію. Онъ самъ играетъ на скрипкѣ и показываетъ одновременно намъ па. Новыхъ модныхъ танцевъ нашъ старикъ не переноситъ. Онъ учитъ насъ только мазуркамъ, вальсамъ, полькамъ, кадрилямъ.

— А прочей ерундѣ сами выучитесь,—говоритъ онъ.

— Траля-ля-ля!—выпиливаетъ его пѣвучая скрипка.

— Траля-ля-ля!—тщательно выворачивая ноги, выдѣлываемъ мы въ тактъ ея музыкѣ самые разнообразные па.

Ани—любимица стараго Пауля. Когда она въ бѣлой коротенькой юбочкѣ порхаетъ съ развѣвающимися локонами по большой двусвѣтной залѣ, старый Пауль, не спускаетъ съ нея восхищенныхъ глазъ и, слѣдуя за нею по пятамъ со своей скрипкой, восторженно шепчетъ: «Ундина! Настоящая Ундина!»

Я танцую съ Этьеномъ, Вадя—съ Лили, Марія Клейнъ—съ Ани. Искусство танцевъ положительно не дается послѣдней. Она тяжеловѣсна и неграціозна до послѣдней степени. Нашъ старый нѣмецъ совсѣмъ игнорируетъ ее.

— Тумба—не барышня... Ни жеста ни граціи... Ничего.

И Ани сердится. Марія постоянно наступаетъ ей на ноги, иногда толкаетъ въ силу своей не-

уклюжести, иногда роняетъ на полъ. Сегодня она особенно неловка, неуклюжа. Старикъ Пауль разсердился вовсе... Его недовольство выражается на игрѣ. Скрипка пиликаетъ пронзительно и немилосердно вальсъ на «Сопкахъ Манчжурскихъ».

Я верчусь подъ звуки его съ Этьеномъ.

Будемъ играть въ индѣйцы,—говорю я моему кавалеру, дѣлая чуть ли не десятый туръ.

— Хорошо. Но при условіи, мы съ тобой будемъ бѣлыми. Я капитанъ Фрей, ты Магда. А всѣ они краснокожими. Да?

— Ну, понятно. Ты капитанъ Грей. Я—Магда, твоя невѣста. Какъ всегда.

— Какъ всегда, —вторитъ Этьенъ.

Мы любимъ наши уроки танцевъ, но сегодня не до нихъ. Сегодня предстоитъ заманчивая игра въ индѣйцевъ. Скорѣе бы кончился урокъ и старый Пауль уѣзжалъ со своей скрипкой. Наконецъ-то! Скрипка уложена въ футляръ, и мы бѣжимъ провожать ея владѣльца до передней. А оттуда съ разрѣшенія миссъ Гаррисонъ въ картинную, вѣрнѣе, портретную, галлерею. Здѣсь, въ этой длинной узкой комнатѣ, прилегающей къ пустынной бильярдной всегда холодно, пустынно и немного жутко. Здѣсь царство мертвыхъ. Царство предковъ семьи д'Обернъ, ихъ портреты вывезены сюда давно-давно изъ далекой Фран-

ціи. Здѣсь на большихъ полотнахъ въ потемнѣвшихъ отъ времени рамахъ висятъ изображенія рыцарей въ латахъ, со шлемами и вѣющими перьями, и пудреныхъ маркизовъ съ лорнетами въ рукахъ и мушками на лицахъ и нарядныхъ красавицъ въ широчайшихъ фижмахъ съ традиціонными розами на груди. Потомъ идутъ ближайшіе предки—прабабки и бабки, дѣдушка и отецъ нашего графа. Эти уже не имѣютъ ничего французскаго въ своемъ типѣ. Они обрусѣли. И вотъ, наконецъ, «она». Покойная графиня, мать Ани, Этьена и Вади, мать старшихъ графинь. Она умерла, производя на свѣтъ послѣдняго сына—Вадима. Этьенъ ее помнитъ смутно и любитъ какой-то болѣзненной нереальной любовью, Ани же не помнитъ совсѣмъ. Графиню д' Обернъ тоже звали Анною, Ани. Въ честь ея такъ прозвана и усадьба, и бѣлая лодка, и павильонъ въ саду. Она—красавица съ золотыми волосами и зелеными глазами, какъ у младшей дочери. Но черты лица ея добрѣе, мягче и отпечатокъ грусти лежитъ на нихъ. А рядомъ съ графиней виситъ ея бабушка. О, какое лицо! Крючковатый носъ, злые глаза, жидкія косицы на ушахъ. Вѣдьма, совсѣмъ вѣдьма, да и только. Саркастическая усмѣшка не сходитъ съ губъ. А злые глаза точно слѣдятъ за нами.

Этотъ портретъ мы не любимъ и боимся. И часто пугаемъ имъ другъ друга по вечерамъ, говоря, что въ одинъ прекрасный часъ страшная старуха выйдетъ изъ рамы и очутится въ нашемъ обществѣ.

Но сейчасъ намъ не до нея.

Мы прибѣжали сюда въ портретную галлерею, чтобы играть въ индѣйцевъ. Это—очень

забавная игра, захватывающая насъ всецѣло. Нѣсколько бархатныхъ выцвѣтшихъ отъ времени дивановъ безъ спинокъ, чинно разставленныхъ по стѣнамъ, выдвигаются теперь на середину портретной. Это нашъ корабль, на которомъ плыветъ капитанъ Грей и его невѣста Магда, то-есть Этьенъ и я. Судно терпитъ крушеніе. Насъ выбрасываетъ на берегъ, полуживыхъ, измученныхъ, истерзанныхъ волнами. А тамъ уже ждутъ индѣйцы... Гремучій Змѣй, Длинная Рука, Орлиный Взглядъ и Тигровый Коготь... Насъ связываютъ. Бросаютъ въ насъ топориками, предварительно привязавъ къ дереву... Потомъ, появляется жрецъ, онъ же и вождь племени Длинная Рука, онъ же и Марія Клейнъ. Жрецъ испрашиваетъ языческаго бога, какъ поступить съ нами, изжарить насъ на кострѣ или съѣсть въ сыромъ видѣ. Марія такъ и говоритъ: «Сырьемъ» и этимъ, по правдѣ сказать, нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе. Однако Великій Духъ велитъ отпустить насъ на волю, но... только одного изъ насъ. Другой долженъ умереть. Тутъ капитанъ Грей является во всемъ блескѣ своего великодушія. Онъ хочетъ спасти свою Магду и умереть за нее. Зоветъ жреца и вручаетъ ему судьбу Магды, прося покровительствовать ей. Это такъ трогаетъ индѣйцевъ, что они рѣшаютъ пощадить обоихъ плѣнниковъ. Тутъ-то и начинается самая интересная часть игры, то-есть праздникъ у вигвама. Мы начинаемъ кружиться, орать во все горло и топать ногами такъ отчаянно и неистово, что тѣни предковъ, я думаю, вселяющіяся, по нашему глубокому убѣжденію, въ свои портреты на ночное время, предпочитаютъ унестись отсюда за тысячи верстъ.

Скачутъ индѣйцы, скачутъ бѣлые и даже прыгаетъ жрецъ, сохраняя свое постоянное сосредоточенно-серьезное выраженіе на блѣдномъ, недѣтскомъ лицѣ.

Вдругъ во время самой отчаянной скачки мы слышимъ дикій, пронзительный крикъ:

— Ай-ай, глаза! Посмотрите, глаза! Посмотрите! Они движутся.

Вмигъ пляска прекращается. Мы всѣ сбѣгаемся въ кучку съ испуганными встревоженными лицами и смотримъ другъ на друга.

— Кто кричалъ? Про какіе это глаза?—спрашиваемъ безтолково всѣ вмѣстѣ.

— Старухины глаза! Глядите, глядите! Они движутся!

— Ай!—новый пронзительный визгъ оглашаетъ комнату, и Ани съ закатившимися зрачками падаетъ на полъ. Теперь она бьется на холодномъ паркетѣ и пронзительно дико визжитъ. Прибѣгаетъ миссъ Гаррисонъ, madame Клео, Ганя...

— Дѣти, что вы? Какъ можно такъ пугать!

И тотчасъ же смолкаютъ при видѣ валящейся въ припадкѣ Ани.

— Дитя! Дитя! Что съ тобою?

Но въ отвѣтъ несется только новый крикъ отчаянный, полный ужаса.

Madame Клео поднимаетъ Ани и уноситъ изъ портретной. За нею бѣжитъ испуганная Марія. Миссъ Гаррисонъ съ мѣста начинаетъ производить дознаніе.

— Кто кричалъ? Что такое?

Но тутъ выступаетъ Лили, блѣдная какъ смерть.

— Кричала я,—говоритъ дѣвочка,—потому что испугалась. Я видѣла, какъ у нея двигались

глаза.—И она, протянувъ руку, указываетъ на портретъ старухи.

— Какія глупости!—говоритъ сердито миссъ Гаррисонъ.—Глаза не могутъ двигаться... Напугала только Ани и взбудоражила весь домъ. Если еще что-либо подобное повторится, я посажу тебя въ карцеръ. А теперь, маршъ пить молоко и спать!

Въ этотъ вечеръ мы шепчемся до полуночи. Ани, успокоенная сахарной водой и валеріановыми каплями, давно уже спитъ. Но я и Лили, мы бодрствуемъ. Лежимъ обѣ въ постеляхъ, Лили на своей, я на кушеткѣ, гдѣ мнѣ устраиваютъ ложе на ночь, и тихо сообщаемся по поводу происшедшаго.

— Зачѣмъ ты кричала? Что ты видѣла?—спрашиваю я.

— Глаза, понимаешь? Живые глаза у этой старухи. Они двигались, — съ экспансивнымъ жестомъ шепчетъ маленькая швейцарка.

— Ты врешь, Лили, какъ могли двигаться глаза на портретѣ!—усомнилась я.

— Mais je te jure, cherie (но я клянусь тебѣ, душечка), что старуха моргала ими... Ахъ, это было такъ страшно! Если бы ты могла только видѣть это сама!

Неожиданно странное и жуткое чувство пронизываетъ меня всю насквозь, все мое существо. Мнѣ хочется видѣть самой живые глаза на портретѣ. Меня всегда тянетъ разузнать все невѣдомое, таинственное, особенное. Я не признаю ничего непонятнаго. Слишкомъ у меня здоровая для этого душа. И сейчасъ хочу постичь во что бы то ни стало непостижимое. Въ домѣ тишина, всѣ спятъ. Только я и Лили, двое бодр-

ствующія въ этомъ сонномъ царствѣ. Въ обычное время мы не долюбливаемъ другъ друга, ссоримся и вздоримъ съ Лили. Но нынче мы друзья, нынче мы сообщницы, я и маленькая швейцарка.

— Идемъ,—говорю я,—идемъ, Лили, и узнаемъ, въ чемъ дѣло.

— Въ портретную?—со страхомъ спрашиваетъ дѣвочка.

— Ну да. Надо же убѣдиться, двигаются «они» или нѣтъ.

— А ты не боишься?

— Ну, вотъ еще глупости,—говорю я безпечно, въ то время, какъ душа моя полна жуткой тревоги.

— Только чуръ, никому не говорить!—И съ этими словами Лили соскакиваетъ съ постели. Я слѣдую ея примѣру. Босыя, дрожащія отъ холода, въ однѣхъ рубашонкахъ, мы пробираемся рядомъ неосвѣщенныхъ комнатъ. Прошли столовую, миновали бѣлый залъ, буфетную, бильярдную и очутились у порога портретной. Не знаю, какъ себя чувствовала Лили въ ту минуту, когда мы входили въ длинную, холодную узкую комнату, но мое сердце, каюсь, трепетало какъ бабочка крыльями. Щелкнулъ выключатель, и маленькая круглая лампа-шаръ, привинченная къ потолку, зажглась на самой серединѣ галлереи. Теперь они всѣ были снова передъ нашими глазами... И рыцари въ латахъ, и маркизы въ парикахъ съ косами, и пудреныя красавицы въ фижмахъ и въ болѣе современныхъ костюмахъ и позднѣйшихъ временъ. Вотъ и портретъ молодой графини... А тамъ рядомъ съ нею страшная старуха съ ея живыми, какъ будто двигающимися глазами.

— Смотритъ! Гляди, смотритъ,—шепчетъ Лили, до боли сжимая мои похолодѣвшіе пальцы.

Я отхожу немного въ сторону, чтобы провѣрить себя: дѣйствительно ли смотрятъ глаза старухи. Да, Лили не ошиблась, они глядятъ, глядятъ... Тогда еще разъ отхожу отъ портрета, смотрю на него уже съ противоположной стороны и вижу ясно, отчетливо, что таинственные глаза, какъ будто поворачиваются слѣдомъ за мною.

Ужасъ сковываетъ мою душу. Я вплотную приближаюсь къ портрету и въ упоръ смотрю на него. А страшные глаза все глядятъ и какъ будто грозятъ и какъ будто предостерегаютъ. Такъ длится съ минуту. И вдругъ исчезаетъ все. Электричество тухнетъ мгновенно, и мы съ Лили остаемся теперь въ абсолютной темнотѣ. Что-то точно тисками сжимаетъ мнѣ горло. Это отчаяніе, ужасъ и болѣзненный страхъ.

— Лили!—выкрикиваю я и съ протянутыми руками бросаюсь впередъ.

Мои дрожащіе пальцы ударяются обо что-то холодное. Вмигъ скользитъ это холодное подъ моей рукою. А откуда-то сверху падаетъ почти, падаетъ прямо на мою помутившуюся отъ ужаса голову. Ударъ ошеломляетъ меня, я лечу со стономъ на полъ и уже не слышу и не вижу больше ничего...

Дѣло не въ томъ, конечно, что въ ту злополучную ночь насъ нашли съ Лили обѣихъ, босыхъ и раздѣтыхъ, въ портретной галлереѣ, а также и не въ томъ, что въ ту же ночь «шалило» электричество, погасшее случайно какъ разъ въ

ту минуту, когда наши нервы достигли высшей точки напряженія. И не въ томъ, разумѣется, что я въ темнотѣ среди паники толкнула нечаянно страшный портретъ, вслѣдствіе чего гвоздь не выдержалъ и тяжелая рама упала на меня, сильно ушибивъ мнѣ голову. Все это было вздоръ и пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что случилось послѣ. Миссъ Гаррисонъ, пока я лежала съ огромнымъ синякомъ на лбу въ спальнѣ дѣвочекъ, долго и пространно выговаривала моей милой Ганѣ на излюбленную ею тему о неумѣніи русскими педагогичками воспитывать дѣтей.

Ганя плакала. И эти слезы моей любимицы тяжелымъ камнемъ падали мнѣ на сердце. Потомъ голоса за стѣной прекратились. Послышались шаги, и я увидѣла блѣдное заплаканное Ганино лицо, ея покраснѣвшія вѣки надъ мокрыми кроткими глазами. Съ громкимъ крикомъ, не давая ей произнести ни слова, я рванулась съ постели Ани, на которую меня положили, и бросилась въ ея объятія.

— Я не виновата! Я не виновата!—лепетала я, дрожа и волнуясь какъ никогда.—Я не хотѣла этого, не хотѣла, я только хотѣла узнать... Я должна была узнать, во что бы то ни стало... Глаза вѣдь смотрѣли, я должна была это провѣрить... Да... Простите Бога ради, простите, не уѣзжайте только! Я умру безъ васъ, я умру безъ васъ!

Должно-быть, отчаяніе мое было велико, потому что слезы Гани высохли мгновенно. И лицо ея приняло совсѣмъ другое выраженіе, и ея маленькія руки охватили меня и прижали къ худенькой груди.

— Успокойся, успокойся, моя дѣточка,—шептала она,—я никуда не уѣду. Развѣ я могу добровольно уѣхать отъ моей Люси. А насчетъ портрета я тебѣ сейчасъ все объясню. Есть художники, Люся, портретисты, которые такъ удачно воспроизводятъ человѣческія лица на полотнѣ, что глаза на этихъ лицахъ, кажутся намъ движущимися. Въ какую бы сторону мы ни отошли, глаза слѣдятъ за нами. Эта высшая художественная красота, важная побѣда искусства! И долго еще говорила мнѣ на эту тему моя милая добрая наставница.

На другое же утро вся эта исторія была предана забвенію. Только уши Лили были почему-то чрезвычайно красны, да madame Клео что-то очень сердито поглядывала то на меня, то на дочь.

Цѣлый день прошелъ безъ всякихъ приключеній, но когда мы послѣ приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню толкнулись было въ дверь портретной, чтобы поиграть въ индѣйцевъ, послѣдняя оказалась запертой на ключъ.

III.

„МОНАШКА“.

Въ домѣ д'Обернъ есть кладовая. Тамъ стоитъ огромный сундукъ со всякой всячиной, вѣрнѣе съ ненужной рухлядью, которую не выбрасываютъ въ мусорную яму только исключительно изъ уваженія къ старинѣ. Старый Антонъ иногда, захвативъ ключъ съ собою, приглашаетъ насъ въ кладовую. Тамъ надъ раскрытымъ сундукомъ мы проводимъ едва ли не лучшіе часы нашей жизни. Чего-чего только нѣтъ въ этомъ сундукѣ! Когда-то очень давно и самъ Антонъ и его отецъ были крѣпостными людьми у отца нынѣшняго графа. Тогда Антонъ, по его словамъ, былъ еще совсѣмъ молодымъ мальчишкой и ходилъ при старомъ баринѣ «въ казачкахъ». А сундукъ этотъ принадлежалъ покойной графской нянѣ, матери Антона, и она передала его сыну. Въ этомъ сундукѣ хранились только «господскія» вещи, жалованныя господами нянѣ или выкинутыя за ненадобностью, но поднятыя ею же и тщательно припрятанныя въ этотъ сундукъ. Были здѣсь и поломанные старинные часы съ фарфоровыми пастухомъ и пастушкой, которые, когда отбивали удары (со словъ того же Антона), то пастухи и пастушки цѣловались, а изъ искусно сдѣланнаго надъ ними окошечка выскакивалъ чортикъ и въ тактъ бою укоризненно покачивалъ черной, какъ сажа, головой.

Была здѣсь и чудесная старинная ваза, вѣрнѣе, двѣ трети вазы, такъ какъ послѣдняя ея треть отсутствовала. Была огромная фарфоровая кружка для пива, съ рельефнымъ изображеніемъ какой-то подгулявшей компаніи. И еще длинный-предлинный прадѣдовскій чубукъ. Потомъ сло-

манный рѣзной вѣеръ изъ слоновой кости... Потомъ цѣлый ворохъ какихъ-то разноцвѣтныхъ тряпокъ и, наконецъ, «монашки».

Вотъ эти-то монашки и заняли больше всего прочаго мое горячее воображеніе. Ихъ было ровно шесть счетомъ. Онѣ были черненькія, гладенькія и употреблялись для того, чтобы освѣжать воздухъ. Ихъ зажигали въ былыя времена въ старинныхъ помѣщичьихъ домахъ передъ пріѣздомъ гостей или въ комнатѣ больного,

и по мѣрѣ сгоранія такой монашки запахъ ладана носился по комнатѣ, пріятно щекоча обоняніе нашихъ предковъ.

— Очень хорошо пахнетъ? Очень?—приставали мы къ старому Антону, разглядывая «монашекъ» со всѣхъ сторонъ.

— Очень хорошо, господа молодые, вѣрьте на слово,—шамкалъ старикъ.

Дѣйствительно, приходилось вѣрить на слово, потому что зажигать «монашки», хотя бы одну изъ нихъ, старикъ положительно не находилъ возможнымъ. Каждую такую «монашку» онъ считалъ драгоцѣнною реликвіей и разстаться съ нею, а особенно ради пустой забавы маленькихъ господъ, ни за что бы никогда не согласился. А меня если и притягивало что-либо въ этомъ старомъ сундукѣ, пережившемъ два поколѣнія, то только однѣ «монашки». Одинъ уже видъ этихъ крохотныхъ черныхъ пирамидальныхъ фигурокъ будилъ мою фантазію. Точь въ точь настоящія монашки,—монашки ростомъ съ дѣвочку-Дюймовочку изъ няниной сказки. А если ихъ зажечь, то запахнетъ ладаномъ, и иллюзія будетъ полной. Я сказала какъ-то объ этомъ Лили.

— Знаешь что,—оживилась дѣвочка,—мы возьмемъ незамѣтно одну изъ монашекъ и зажжемъ. Ха-ха-ха... Мы зажжемъ ее на урокѣ Мукомолова. Вѣдь отъ него такъ пахнетъ дурнымъ скверным табакомъ, а тутъ, по крайней мѣрѣ, будетъ пріятный запахъ.

— Что ты, безъ спроса-то?—поколебалась я.

— Подумаешь тоже! Безъ спроса!.. Да вѣдь если спросить, такъ не дадутъ... Антонъ, сама знаешь, трясется надъ своими сокровищами.

А такъ взять никто и не замѣтитъ. Было шесть, стало пять, важность какая!

Этотъ разговоръ происходилъ какъ разъ наканунѣ того вечера, когда по нашей просьбѣ Антонъ снова показывалъ намъ чудесный сундукъ съ его сокровищами. Помню, что Лили какъ-то особенно оживленно вертѣлась около Антона, заглядывала ему въ глаза и постоянно обращала на себя его вниманіе. Я помню также, что коробочку съ «монашками» она какъ-то исключительно долго не выпускала изъ рукъ. И когда поставила ее на мѣсто, то лицо у нея было какое-то странное, отчасти задорное, отчасти виноватое какъ будто.

На слѣдующій, день на прогулкѣ въ саду, куда насъ вывели послѣ продолжительнаго сидѣнья дома изъ-за стужи и метели, свирѣпствовавшихъ всѣ послѣдніи дни, Лили отвела меня въ сторонку.

— А вѣдь она у меня!—прищелкивая языкомъ, съ разбитною удалью произнесла дѣвочка.

— Кто?

— «Монашка» у меня!

— Ты ее стащила?—непроизвольно вырвалось у меня..

— Что значитъ стащила?—обидѣлась Лили.— Стащить можно только вещь, принадлежащую кому-нибудь, и оставить у себя. А вѣдь «монашку» я у себя не оставлю. Вѣдь она сгоритъ...

Такое своеобразное объясненіе присвоенія чужой собственности вполнѣ удовлетворило меня. Ужъ очень мнѣ хотѣлось самой посмотрѣть, какъ будетъ горѣть «монашка». Вся вторая половина прогулки прошла для меня неестественно долгимъ ожиданіемъ близкаго будущаго, того неиз-

бѣжнаго и пріятнаго, что должно было случиться въ ближайшій урокъ.

Въ нашей классной, большой свѣтлой комнатѣ съ длиннымъ столомъ посрединѣ, за которымъ мы занимались, стоитъ еще шкапъ съ учебными книгами и маленькій отдѣльный столикъ, гдѣ всегда находится рабочая корзинка миссъ Гаррисонъ. Сама же она всегда сидитъ за этимъ столомъ во время нашихъ уроковъ въ удобномъ и мягкомъ креслѣ. Есть еще въ классной и небольшая этажерка, на верхней полкѣ которой находится большой круглый глобусъ. За этимъ-то глобусомъ мы и рѣшили съ Лили поставить добытую монашку. Такимъ образомъ, ея не будетъ видно ни учителю ни миссъ Гаррисонъ, сидѣвшимъ во время урока какъ разъ напротивъ этажерки.

Господинъ Мукомоловъ самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ являлся на урокъ въ назначенное время. Едва только успѣла Лили незамѣтнымъ образомъ зажечь «монашку» (я въ это время занимала всю честную компанію неправдоподобнымъ разсказомъ о волкахъ, стаей напавшихъ на цѣлую деревню), какъ дверь классной распахнулась, и предшествуемый миссъ Гаррисонъ учитель стремительно влетѣлъ въ комнату. На сегодняшній день былъ назначенъ по расписанію урокъ географіи. Пестрая, яркорасцвѣченная карта Европейской и Азіатской Россіи висѣла на стѣнѣ. Мукомоловъ стоялъ передъ картой и водилъ линейкой по ея рѣкамъ и притокамъ на сѣверѣ.

— Обь... Енисей... Лена... Верхняя Тунгузка, Средняя Тунгузка... Нижняя...—отрывисто выкрикивалъ онъ.

О, проклятая нижняя Тунгузка! Какъ разъ на ней это и началось!

«Монашка» разгорѣлась довольно скоро, удачно подожженная Лили. И обычный запахъ крѣпкаго табаку, господствовавшій на урокахъ Мукомолова въ нашей классной, теперь замѣнился острымъ, невыразимо пріятнымъ ароматомъ ладана, напоминающимъ церковь. Очевидно, и миссъ Гаррисонъ и самъ учитель сразу почувствовали этотъ сладкій, немного пряный и дурманящій запахъ... Потому что лицо миссъ Гаррисонъ выразило тревогу, а «горилла», какъ мы прозвали Мукомолова, препотѣшно задергалъ носомъ.

О дѣтяхъ и говорить нечего... Ани, Этьенъ, Марія и Вадя безпокойно задергались на своихъ мѣстахъ.

Кажется, слишкомъ рано закрыли сегодня трубу и въ классной угарно,—произнесла миссъ Гаррисонъ, нажимая кнопку электрическаго звонка.

— А по-моему, это не угаръ... Недурной запахъ во всякомъ случаѣ,—все еще продолжая смѣшно двигать ноздрями, проговорилъ учитель.

— Да получше твоего табачища будетъ,—шепнула Лили, наклоняясь ко мнѣ и скосивъ въ сторону Мукомолова лукавые глазки.

— Что это? Что вы опять устроили! Лили, Люся, да говорите же!—нетерпѣливо зашептала Ани, вся загораясь мучительнымъ любопытствомъ.

— Монашка,—давясь отъ смѣха шопотомъ могла только выговорить Лили.

А «монашка» пахла все сильнѣе и сильнѣе. Теперь уже не было никакого сомнѣнія въ томъ,

что никакого угара не было. Одна миссъ Гаррисонъ никакъ не могла еще согласиться съ этимъ. Но вотъ пріотворилась дверь, и вошелъ Антонъ. Этотъ сразу понялъ, въ чемъ было дѣло, потому что его старое морщинистое лицо вдругъ окрасилось густою темною краской гнѣвнаго старческаго румянца.

Онъ постоялъ съ минуту на порогѣ классной, посылая намъ оттуда негодующій взглядъ... Потомъ обвелъ комнату глазами и, покачивая головою, направилъ свои шаги къ этажеркѣ съ глобусомъ. Еще минута—и черная полуобуглившаяся «монашка» была уже у него на ладони вмѣстѣ съ металлической пепельницей, на которой она стояла и которая была добыта тою же Лили. Еще краснѣе, еще сердитѣе сдѣлалось лицо стараго слуги, повернутое въ нашу сторону, въ то время, какъ онъ уходилъ изъ классной унося злополучную «монашку».

— Стыдитесь, молодые господа... Брать-то чужое не ладно... Нехорошо это... Мои-то графчики съ графинюшкой не пойдутъ на это, а вотъ которыя чужія госпожи, ежели... такъ имъ стыдно и старика обижать, да и суету на урокахъ производить безпорядочную,—прошамкалъ старикъ, тѣми же укоризненными глазами поглядывая на насъ.

Что это? Или мнѣ это показалось только? Укоризненные глаза Антона смотрѣли теперь прямо на меня... И я невольно густо покраснѣла подъ этимъ взглядомъ. Покраснѣла, точно виноватая... Теперь уже не одинъ Антонъ, все еще стоявшій на порогѣ и толковавшій про «человѣческую ненадежность и слабость» по части «благороднаго понятія», не одинъ онъ, по-

вторяю, смотрѣлъ на меня, но и всѣ дѣти, и миссъ Гаррисонъ, и учитель.

Дѣти съ сочувствіемъ, страхомъ и любопытствомъ, учитель съ укоромъ и насмѣшкою, миссъ Гаррисонъ строгимъ, грознымъ, многозначительнымъ взглядомъ.

— Несвоевременно, дѣтки, несвоевременно,— отрывисто бросалъ Мукомоловъ, обращаясь, какъ мнѣ это казалось, исключительно по моему адресу. Я окончательно сконфузилась и совершенно потерялась отъ неожиданности. Потомъ учитель, какъ ни въ чемъ не бывало, снова взялъ линейку въ руку и сталъ водить ею по картѣ Европейской Россіи, возвращаясь къ прерванному уроку.

Умру не забуду этихъ рѣкъ, вѣрнѣе, этого урока, во время котораго подъ музыку гармоничныхъ и негармоничныхъ названій потоковъ и притоковъ рѣкъ моей родины я сгорала отъ обиды и негодованія, да, отъ обиды и негодованія, за чужой поступокъ!..

А она, виновница всего этого, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла по сосѣдству со мною и, перекинувъ черезъ плечо свою длинную тонкую косичку, старательно то заплетала, то расплетала пушистую кисточку на концѣ...

Безконечнымъ казался мнѣ этотъ урокъ географіи. Но вотъ миссъ Гаррисонъ, взглянувъ на часики, висѣвшіе у нея на груди на массивной золотой цѣпи, объявила, наконецъ, перерывъ.

Слѣдующій урокъ Мукомолова долженъ былъ начаться черезъ десять минутъ; а въ перемѣну насъ высылали, обыкновенно, побѣгать, поразмять ноги въ залѣ.

Но тутъ произошло нѣкоторое измѣненіе разъ и навсегда заведенныхъ традицій.

Лишь только Мукомоловъ вышелъ изъ комнаты курить свой ужасный табакъ въ прихожую, миссъ Гаррисонъ съ видомъ разгнѣванной и оскорбленной богини поднялась со своего кресла.

— Вадя! Ступай и пригласи сюда madame Клео и Гликерію Николаевну,—приказала она ледянымъ голосомъ младшему графчику. Когда толстенькій Вадя кубаремъ выкатился изъ классной исполнять порученіе старой воспитательницы, я взглянула украдкой на Лили. Лицо дѣвочки было бѣло, какъ бумага.

И, не разжимая губъ, она шепнула мнѣ такъ тихо, что только я одна могла ее услыхать:

— Не выдавай меня... Ма разсердится... Ма высѣчетъ меня... непремѣнно. Она обѣщала сдѣлать это, если еще разъ что-либо повторится, какъ въ портретной тогда. Не выдавай... Люся... Ради Бога!..

И сразу смолкла, глазами указывая на дверь. Вошли madame Клео, Ганя и Вадя.

— Извините за безпокойство, mesdames,—начала миссъ Гаррисонъ, обращаясь къ обѣимъ гувернанткамъ,—но я хочу, чтобы въ вашемъ присутствіи виновная созналась въ томъ, что она унесла чужую вещь потихоньку, и при помощи этой унесенной вещи произвела безпокойство во время классныхъ занятій, мѣшая давать урокъ господину учителю и спокойно слушать его остальнымъ ученицамъ и ученикамъ.

Голосъ миссъ Гаррисонъ былъ ровенъ и четокъ, какъ метрономъ, когда произносилъ эту коротенькую тираду. Но глаза зато полны скрытой угрозы. И лицо спокойно. Я ненавижу въ ней

это кажущееся спокойствіе! Какъ можетъ быть спокоенъ человѣкъ, когда онъ злится, не понимаю! Значитъ, это притворство и игра. Я же терпѣть не могу ни игры ни притворства. Но вся моя философія нынче сводится къ нулю, потому что тотъ же спокойный, ровный голосъ продолжаетъ говорить, точно нанизывая слово за слово.

— Теперь я хочу, я желаю и требую, чтобы виновная созналась сама. И ея глаза, сѣрые, выпуклые, холодные, настоящіе глаза англичанки, впиваются въ меня взглядомъ.

Я стойко выдерживаю этотъ взглядъ. Все въ моей душѣ, все клокочетъ бурнымъ протестомъ.

«Виновата Лили, а не я. Почему же миссъ Гаррисонъ мучаетъ меня?—вспыхиваетъ мысль въ моемъ возмущенномъ мозгу. Взглядываю на Ганю. Очевидно, она все уже знаетъ про «монашку». Антонъ успѣлъ ей все разсказать и, судя по ея глазамъ, смотрящимъ на меня съ укоромъ, думаетъ про меня то же, что и они всѣ. Она убѣждена, конечно, что виновна я. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Ну, а когда такъ,— пускай!...

Упрямый злой чортикъ словно вскакиваетъ мнѣ въ душу. Я поджимаю губы, дѣлаю ничего не выражающіе, пустые глаза, и говорю сквозь зубы:

— Я не виновата. Почему вы смотрите такъ на меня? Я не брала «монашку» и готова поклясться въ этомъ.

Съ минуту миссъ Гаррисонъ, молча, глядитъ попрежнему въ мои глаза. Потомъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ роняетъ:

— А я, представь себѣ, увѣрена, что это сдѣлала именно ты и только одна ты... Разъ ты позволила себѣ устроить злую и глупую шутку тогда у телефона, то послѣ этого отъ тебя уже можно ожидать всего...

— Значитъ, если человѣкъ провинился разъ въ жизни, то и всѣ чужія вины взваливаются послѣ на него?—говорю я, награждая старую даму сердитымъ взглядомъ.

Должно-быть, это заключеніе было большою дерзостью съ моей стороны, потому что щеки миссъ Гаррисонъ мгновенно покрылись густымъ румянцемъ. И даже кончикъ ея длиннаго клювообразнаго носа покраснѣлъ, когда она заговорила, сдерживая охватившій ее гнѣвъ.

— Разъ человѣкъ подрываетъ довѣріе къ себѣ рядомъ некрасивыхъ поступковъ, то это довѣріе къ нему уже очень трудно возстановить.

— И не надо,—вырвалось у меня строптиво, помимо моей собственной воли,—и не довѣряйте, а разъ я сказала, что не виновата, такъ и не виновата, значитъ. Я никогда не лгу.

— Она никогда не лжетъ, — подтвердилъ Этьенъ съ такимъ убѣжденіемъ, что ему нельзя было не повѣрить. Но миссъ Гаррисонъ на этотъ разъ не повѣрила даже своему любимцу.

— А у меня есть основанія думать, что Люся на этотъ разъ погрѣшила противъ истины...

Мои щеки вспыхнули, глаза заметались какъ двѣ пойманныя птицы. Никогда, кажется, я не ненавидѣла такъ никого, какъ ненавидѣла въ этотъ мигъ эту жесткую, черствую, по моему мнѣнію, англичанку. Но противорѣчить ей мнѣ не хотѣлось тогда. Послѣ сильнаго возбужденія, сразу наступила апатія. «Пусть,—думалось мнѣ,—

они подозрѣваютъ меня во всемъ дурномъ и съ воровствомъ включительно, такъ будетъ лучше даже для меня. Вѣдь если я и виновата, такъ только въ томъ, что знала о поступкѣ Лили, но развѣ могла я выдать ее? Теперь же, если бы даже меня обвинили и въ худшемъ поступкѣ, я бы изъ гордости не стала оправдываться. Но въ тѣ минуты, когда миссъ Гаррисонъ, принявъ, очевидно, мое молчаніе за молчаливое признанье и раскаянье въ моей винѣ, приказала мнѣ итти извиниться передъ старымъ Антономъ за взятую у него тихонько вещь, я рѣшительно воспротивилась этому. «Ни за что не пойду, ни за что!» — упрямилась я.

Старая англичанка вышла изъ себя, что случалось съ нею въ исключительно рѣдкія минуты жизни.

— Въ такомъ случаѣ ты не пріѣдешь къ намъ до тѣхъ поръ сюда, пока не извинишься,—произнесла она, повышая голосъ.

— Извинись же, Люся, — произнесла Ганя шопотомъ, наклоняясь ко мнѣ.

Я посмотрѣла на нее. Вѣроятно, лицо мое краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорило тогда въ мою пользу, потому что Ганя вдругъ неожиданно положила мнѣ руку на плечо.

— Все это очень странно,—произнесла она, обращаясь къ миссъ Гаррисонъ,—но... но... я, какъ и Этьенъ, склонна думать, что моя Люся не солгала.

Она такъ и сказала: «моя Люся»... О милая, милая,милая Ганя! Какъ я любила ее! Какъ благословляла въ тотъ мигъ. Слезы подступили мнѣ къ горлу... Навернулись на глаза. Мнѣ захотѣлось кинуться на шею Ганѣ и зарыдать

у нея на груди, но совсѣмъ постороннее обстоятельство отвлекло меня отъ моего намѣренія. Старый Антонъ появился на порогѣ классной.

— За маленькой барышней и за мамзелью сусѣдскій баринъ прислали. Просятъ, не медля, чтобы ѣхать домой,—прошамкалъ старикъ.

— Какъ? Но вѣдь еще рано? Еще не кончились классы!—изумленно проронила Ганя.

— Не могу знать-съ. Такъ что, Василій на Вѣтрѣ пріѣхалъ за вами. Просить, чтобы поторопиться обязательно поскорѣй.

Сердце мое екнуло при этихъ словахъ. Я взглянула на Ганю. Она съ тревогой смотрѣла на меня.

— Узнайте по телефону, что случилось,— услышала я обращенную къ ней фразу madame Клео. Потомъ наступило молчаніе. Ганя поспѣшно вышла и вернулась черезъ двѣ минуты. И лицо ея казалось еще болѣе встревоженнымъ, чѣмъ раньше.—Одѣвайся, Люся, скорѣе, твоя бабушка занемогла—отрывисто произнесла она, избѣгая моего взгляда. И тутъ же, обхвативъ мою голову руками,видя, что лицо мое корчится въ судорожной гримасѣ плача, она зашептала, нѣжно привлекая меня къ себѣ:—Не плачь, моя дѣтка, не плачь, такъ угодно Господу Богу... И не намъ противостать Его мудрымъ рѣшеньямъ, Люсенька! Будь же умницей и сдерживай себя.

Но вотъ, именно сдерживать себя я никакъ не могла и не умѣла. Неожиданное извѣстіе о бабушкиной болѣзни сразило меня далеко не такъ сильно, какъ этого можно бы ожидать. Вѣдь бабушка болѣла и раньше много разъ... Нѣтъ, обида, ложное подозрѣніе, клевета на меня, ни въ чемъ неповинную, угнетали меня

значительно сильнѣе, нежели извѣстіе о бабушкиной болѣзни. Но я схватилась за послѣднюю причину, чтобы дать волю бродившимъ нервамъ, и теперь жалобно и беззвучно плакала, прижимаясь къ Ганиной груди.

Этьенъ, Аня, Вадя, Марія и даже Лили, виновница моихъ страданій, какъ умѣли, утѣшали меня. Даже миссъ Гаррисонъ подошла ко мнѣ и провела рукой по моей головѣ.

— Ну, ну не плачь...—произнесла она примирительно.—Теперь надо молиться Богу о твоей бабушкѣ и всякія глупости выкинуть изъ головы. Закутайся хорошенько,—холодно, и поѣзжайте скорѣе. Миссъ Гликерія, везите ее!

IV.

ГОРЕ.

Такъ вотъ почему она сдѣлалась вдругъ ласковой со мною, такъ вотъ почему совѣтовала молиться!

Всю дорогу до «Милаго» я была далека отъ того, что ожидало дома бѣдную Люсю. Напротивъ того, я меньше всего по пути думала о бабушкѣ и ея болѣзни. Я еще переживала въ душѣ всю острую сладость нанесенной мнѣ такъ незаслуженно обиды, смаковала эту обиду, жалѣя себя, и только словно проснулась отъ словъ Василія, обернувшагося къ намъ лицомъ съ козелъ:

— А вѣдь старой-то барынѣ дюже худо!

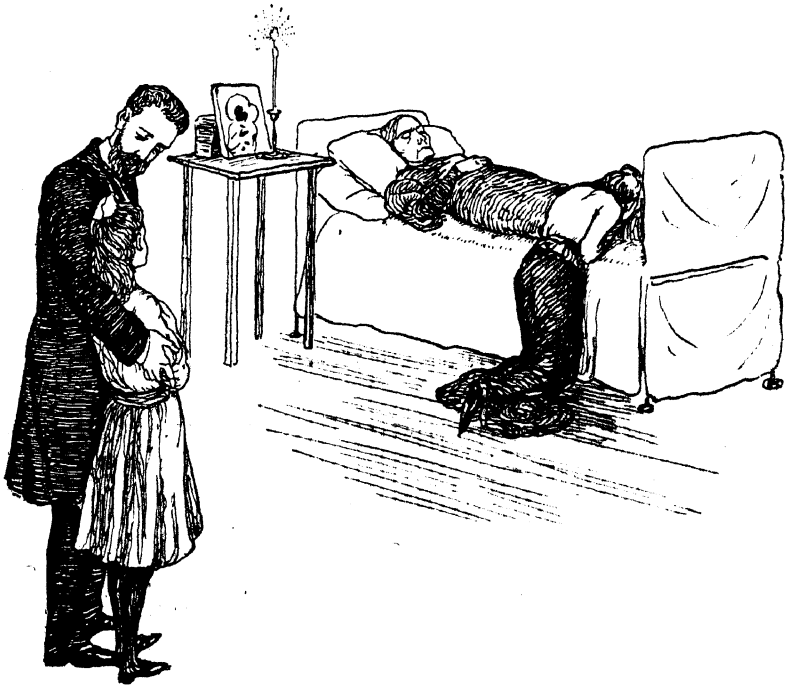
Я вздрогнула. Вмигъ забылись и незаслуженная обида и сладкое сознаніе чувствовать себя жертвою оскорбленной невинно. «Ганя! Ганя! неужели правда?»—искренно сорвалось съ моихъ дрогнувшихъ губъ. Она не отвѣтила и только крѣпче прижала меня къ себѣ обвившейся вокругъ моей таліи рукою. Въ сердцѣ у меня зашевелилось недоброе предчувствіе... «Доѣхать бы ужъ скорѣе»!—мелькнула испуганная мысль.

Еще далеко до въѣзда въ липовую аллею я увидѣла къ полному моему изумленію, что всѣ окна нашего дома были освѣщены. Съ сильно бьющимся сердцемъ выпрыгнула я изъ саней, бросилась на крыльцо, толкнула полуприкры-

тую дверь въ сѣни... Все, рѣшительно все, и эта открытая въ неурочное время дверь и ярко освѣщенныя окна дома и отсутствіе прислуги при нашемъ появленіи въ прихожей, все указывало на что-то необычайное, на что-то страшное, свершавшееся или уже свершившееся подъ нашей кровлей. И ясно, какъ молнія, прорѣзала мой мозгъ догадка.

— Бабушка! — дикимъ воплемъ перваго не дѣтскаго отчаянія закричала я и, какъ безумная, ринулась впередъ. Теперь я бѣжала по пустымъ освѣщеннымъ комнатамъ, бѣжала и кричала жалобно и дико одно только слово, повторяя его на десятки ладовъ, не слушая утѣшеній едва поспѣвавшей за мною Гани. Вдругъ чьи-то сильныя руки подхватили меня на воздухъ! «Молчи, молчи, ради Бога,—услышала я взволнованный голосъ,—нельзя безпокоить бабушку... Я отнесу тебя къ ней». Это говорилъ отецъ. Я увидѣла его лицо. Странно растерянным и жалкимъ показалось мнѣ оно въ ту минуту. И глаза моего папочки, въ которыхъ я никогда еще не видѣла слезъ, теперь были полны ими. Онъ пронесъ меня черезъ пріемную, столовую и коридоръ прямо въ комнату бабушки. Уже въ коридорѣ носился какой-то странный острый запахъ не то спирта, не то лѣкарства, специфическій запахъ, доминирующій тамъ, гдѣ лежитъ трудно больной. Отецъ открылъ дверь, и я увидѣла съ порога странную картину. Я увидѣла кровать бабушки, выдвинутую на середину комнаты, а въ головахъ постели ночной столикъ. На столикѣ стоялъ образъ Знаменской Божіей Матери, съ которымъ старушка никогда не разставалась за всю свою долгую жизнь. Передъ образомъ—

желтая церковная свѣча, воткнутая въ простой подсвѣчникъ. Но больше всего удивила меня бабушкина неподвижность. Старушка лежала на спинѣ со сложенными у груди руками. Строго и важно было ея лицо, измѣнившееся до неузнаваемости за тѣ часы, которые я ее не видала



нынче. Сегодня утромъ, отпуская меня къ д'Обернъ, бабушка, еще вполнѣ здоровая, перекрестила меня нѣсколько разъ по своему обыкновенію, закутала въ передней и попросила не простужаться. А теперь—это странно осунувшееся лицо, эта неподвижная фигура, этотъ желтый цвѣтъ кожи съ землистыми опавшими щеками и совсѣмъ черными тѣнями у глазъ. Я пристально взглянула съ рукъ отца, который все еще дер-

жалъ меня у своей груди въ это измѣненное до неузнаваемости лицо и вдругъ страшная жуткая мысль толкнулась въ мой мозгъ. Мнѣ показалось, что здѣсь лежитъ не бабушка, а другая совсѣмъ чужая старуха.

Я задрожала, какъ осиновый листъ, и вдругъ совсѣмъ неожиданно для самой себя и для окружающихъ закричала тоненькимъ пронзительнымъ голоскомъ:

— Чужая, старуха! Прогоните чужую! Гдѣ бабушка? Я хочу къ бабушкѣ, къ бабушкѣ, къ бабушкѣ!

Въ тотъ же мигъ передо мной появилось заплаканное лицо тети Муси. Ея тоненькая ручка легла мнѣ на губы, и, зажимая мнѣ ротъ, она, взволнованная не менѣе меня, зашептала:

— Перестань, Люся! Не безпокой бабушку. Бабушка скончалась, или ты не понимаешь этого? Бабушка твоя умерла.

— Скончалась! Умерла!

Въ ту минуту я не могла отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что означали эти слова. Умерла, скончалась... Несмотря на мои десять лѣтъ, я не уясняла себѣ вполнѣ, что означало терять близкихъ, отдавать ихъ смерти. Свое горе, свою потерю я поняла уже много позже, тогда, когда мнѣ стало такъ мучительно нехватать моей милой любимой старушки, которая такъ любила меня, такъ заботилась и пеклась обо мнѣ, балуя меня напропалую. Теперь же я скорѣе удивилась, нежели испугалась страшной новости, поразившей меня.

Кто-то тихо плакалъ въ ногахъ бабушкиной кровати. То была Ганя. Она очень лю-

била покойную, и бабушка относилась къ Ганѣ всегда ласково и по родственному добро и нѣжно.

Но въ моей душѣ не было слезъ, и глаза оставались попрежнему сухими. Гдѣ-то въ самой глубинѣ моего дѣтскаго сознанія копошилось убѣжденіе, что всѣ окружающіе ровно ничего не понимаютъ, что бабушка не умерла, что она только заснула, что вотъ-вотъ она проснется, встанетъ и опять примется хлопотать и заботиться о насъ всѣхъ, наша милая неутомимая хлопотунья. Это убѣжденіе длилось вплоть до самаго дня похоронъ и только, когда ее унесли въ заколоченномъ гробу изъ городского собора на кладбище и опустили въ глубокую мезрлую яму, я поняла, что милой бабушки нѣтъ и не будетъ, никогда, не будетъ больше съ нами...

Какъ это ни странно, но главнымъ моимъ настроеніемъ въ тѣ дни было любопытство. Любопытство заставляло меня выбѣгать на каждый звонокъ, раздававшійся въ передней, разсматривать самымъ детальнымъ образомъ бѣлый глазетовый обшитый позументомъ гробъ, въ который уже положили бабушку посреди гостиной. Крайне интересовало меня и черное возвышеніе со ступенями и три огромные подсвѣчника, привезенные вмѣстѣ съ парчевымъ покровомъ изъ городского собора. Интересовали также немало и панихиды съ пѣвчими, и траурныя ризы отца Григорія, нашего законоучителя, и отца дьякона, и черныя фигуры плачущихъ и молящихся посѣтителей и посѣтительницъ. Мой отецъ, обожавшій свою старую мать, стоялъ сдержанный

и спокойный на всѣхъ панихидахъ. Но окружающіе знали, чего ему стоило это кажущееся спокойствіе! Зато тетя Муся находилась все время въ такомъ отчаяніи, что на нее жутко было смотрѣть. Она то рыдала глухимъ незнакомымъ намъ страшнымъ голосомъ, то плакала тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ, протягивая одну только фразу:

— Мамаша! Дорогая мамаша, на кого вы оставили меня!

Ганя, то и дѣло, давала ей нюхать соли и уксусъ и отсчитывала въ рюмочку валерьяновыя капли. Тетя Муся успокаивалась на короткое время и потомъ начинала снова: «Мамаша, дорогая мамаша, на кого вы оставили меня»?.. Весь городокъ съѣзжался на панихиды по моей бабушкѣ. По всѣмъ угламъ нашего скромнаго домика шушукались о дорогой усопшей. Я чуткимъ дѣтскимъ всеслышащимъ ухомъ ловила кой-какія странныя для меня фразы, срывавшіеся въ бесѣдахъ между собою у городскихъ дамъ:

— Отъ разрыва сердца... послѣ разговора съ нимъ... Конечно, не можетъ быть пріятно матери... Такой ударъ!..

— Ахъ, не можетъ быть... Она такъ любила ее!

— Да нечего сказать, «та» сумѣла устроиться. Ловка, ловка, что и говорить.

— Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ.

— Въ тихомъ омутѣ, знаете... Какой тихоней прикидывалась-то!

— И что онъ нашелъ въ ней въ самомъ дѣлѣ? Не красива, не молода.

— Онъ всегда любилъ оригинальничать... Не отъ міра сего онъ какой-то... Не разберешь его, сколько лѣтъ знаемъ.

— Мнѣ Марію Сергѣевну жалко. Не веселая будетъ теперь ея судьба.

— А не дѣвочку?

— Ну дѣвочка околдована ею также...

— Тссс! Тссс! Дѣвочка услышитъ! Осторожнѣй!

Въ то время я не обратила вниманія на эти слова. Они меня мало заинтересовали, потому что все мое существо было поглощено зрѣлищемъ монахинь изъ сосѣдняго монастыря. Ихъ было двое. Старая и молодая. Старую звали матерью Евѳиміей, молодую матерью Аделаидой. Обѣ онѣ разносили свѣчи на панихидахъ, скользя неслышными черными призраками между гостями, подавали кадило батюшкѣ, а все время свободное отъ панихидъ, день и ночь поперемѣнно читали надъ гробомъ бабушки тихими заунывно тягучими голосами. Проснешься, бывало, среди ночи въ своей маленькой уютной дѣтской и слышишь эти заунывно-протяжные голоса. Вспомнишь, соображая съ трудомъ, что умерла бабушка и что читаютъ это монашки у ея гроба, и что-то точно кольнетъ въ сердце. А тамъ опять забудешься, уснешь и видишь свѣтлые, сказочные, нелѣпые сны, такъ присущіе дѣтству.

Дѣти д'Обернъ пріѣзжали къ намъ на каждую панихиду съ ихъ гувернантками. Они съ равнодушнымъ любопытствомъ оглядывали мой черный траурный костюмъ и съ перваго же раза рѣшили вслухъ, что креповый бантъ посаженъ не на мѣстѣ. Вадя смотрѣлъ совсѣмъ растерянно и такъ же растерянно моргалъ глазами. Миссъ Гаррисонъ поглаживала меня по головкѣ. Этьенъ... Онъ ничего не сказалъ, даже не посмотрѣлъ на меня, но когда я зачѣмъ-то вошла

въ мою дѣтскую, мальчикъ вбѣжалъ туда же за мною, схватилъ меня за руку и произнесъ ласково и нѣжно: «Твоя бабушка скончалась Люся, но ты не потеряла съ нею защитника и друга. Съ этого дня я постараюсь тебѣ замѣнить ее... Буду заботиться о тебѣ, защищать тебя... Не давать въ обиду. Слышишь, Люся, я твой другъ, разсчитывай на меня». И потомъ уже шопотомъ добавилъ: «А вѣдь Лили созналась, что она взяла «монашку». И миссъ Гаррисонъ пожалѣла тебя. Лили наказали. И подѣломъ. Бѣдная Люся, какая ты все-таки хорошая, что не выдала Лили!»

И Этьенъ протянулъ ко мнѣ губы. Мы поцѣловались со слезами на глазахъ. Онъ—отъ жалости ко мнѣ, я—отъ умиленія къ невинно пострадавшей «такой хорошей» Люсѣ.

Потомъ мы взялись за руки и пошли напанихиду. Это была послѣдняя панихида; назавтра назначены были похороны. Я стояла между Этьеномъ и Ани и дѣлала видъ, что молюсь. Но душа моя была далека отъ молитвы. Какъ не стыдно признаться, но меня занимало то, что я представляю сейчасъ изъ себя одну изъ центральныхъ фигуръ печальнаго происшествія въ этомъ домѣ. Я ловила на себѣ соболѣзнующіе взгляды присутствующихъ и мнѣ пріятно было сознавать, что меня жалѣютъ. Вѣроятно, переживаемое мною въ тотъ моментъ чувство ярко отражалось на моемъ лицѣ, потому что стоявшая поблизости миссъ Гаррисонъ обратилась къ madame Клео съ фразой, долетѣвшей до моихъ ушей, сказанной по-французски.

— Я, рѣшительно, отказываюсь понимать Люсю. Странная дѣвочка. Взгляните на ея лицо.

Она не только не горюетъ, повидимому, а, кажется, почти довольна своей судьбой, а, между тѣмъ старушка Ордынцова обожала этого ребенка. Что же это такое? Безсердечіе или тупость?

Эти слова какъ ножъ врѣзались мнѣ въ сердце. Какъ она смѣетъ такъ говорить. Это я-то не люблю бабушку! Да я, да я...—я словъ не находила отъ возмущенія въ моемъ умѣ. Да, я не могла плакать. Не могла горевать при всѣхъ, какъ тетя Муся, потерявшая какъ будто разсудокъ съ горя, не могла быть сдержанной и спокойной, какъ мой отецъ, но...

«Бабушка!»—хотѣлось мнѣ крикнуть въ эту минуту, «бабушка, родная моя, ты вѣришь, ты одна знаешь, какъ я тебя люблю и тебѣ одной я скажу это, скажу тогда, когда мы будемъ съ тобой вдвоемъ, моя дорогая, хорошая бабушка, я приду сказать тебѣ это, какъ только всѣ чужіе разъѣдутся, а свои уйдутъ. Вѣрь мнѣ бабушка, любимая, родная». Слезы закипѣли у меня въ горлѣ, но я мужественно подавила ихъ.

А панихида все продолжалась. Отецъ Григорій произносилъ скрипучимъ старческимъ теноркомъ какія-то красивыя, непонятныя моему дѣтскому уму слова. Пѣвчіе пѣли стройнымъ гармоничнымъ хоромъ.. Черныя монахини скользили безшумною походкой призраковъ, съ низкими поклонами отбирая свѣчи... Бабушка, еще болѣе осунувшаяся и еще болѣе серьезная и важная, лежала вся въ бѣломъ подъ бѣлымъ же глазетовымъ покрываломъ, такая чужая и равнодушная и къ этимъ молитвеннымъ напѣвамъ и слезамъ. А въ головѣ моей уже назрѣвало новое рѣшеніе, которое я рѣшила осуществить въ эту же ночь. . . . . .

Двѣнадцать гулкихъ ударовъ отбило на стѣнныхъ часахъ въ столовой. Всѣ спали. Похороны были назначены рано. Выносъ тѣла долженъ былъ происходить въ восемъ утра на другой день. Мой отецъ, не раздѣваясь, прилегъ въ кабинетѣ. Ганя, намучившаяся съ тетей Мусей, осталась на ночь въ ея комнатѣ, чтобы въ случаѣ новаго припадка помочь моей отчаянно страдавшей теткѣ. У меня же въ дѣтской на полу ночевала Ольга. Лишь только ея мощный храпъ достигъ моего слуха, я быстро соскользнула съ постели и босая по холодному полу проскользнула въ коридоръ. Вотъ она гостиная съ завѣшанными зеркалами, съ черными ступенями ведущими къ гробу. За аналоемъ не было сейчасъ монахини, она ушла въ кухню.

Я и бабушка были однѣ. Медленно поднялась я на ступени, наклонилась надъ гробомъ и взглянула въ восковое лицо покойницы. Въ немъ не было ничего похожаго на бабушку: совсѣмъ чужое незнакомое лицо, высохшее, желтое, какъ пергаментъ, съ черными пятнами на лбу, подбородкѣ и щекахъ.

Я шла сюда сейчасъ съ самыми лучшими намѣреніями. Я шла выплакать мои слезы и, плача, сказать бабушкѣ, что я любила ее всегда, что я жалѣю ее всѣмъ сердцемъ, что не могу представить себѣ жизни безъ нея. Но при видѣ этого чужого потемнѣвшаго лица, меня охватываетъ непреодолимый страхъ и ужасъ. Однако, я дѣлаю усиліе надъ собою, ниже наклоняюсь надъ гробомъ и заставляю себя коснуться губами желтой, пергаментовой руки.

Цѣлую и съ легкимъ крикомъ откидываюсь назадъ. Ужасный, всю меня насквозь пронизы-

вающій холодъ, коснувшись своимъ ледянымъ дыханіемъ моихъ губъ, бѣжитъ дальше колючими иглами по всему моему тѣлу. Я менѣе всего ожидала, что бабушка будетъ такъ страшно холодна. До сихъ поръ мнѣ какъ-то не приходилось прикладываться къ покойницѣ. И на панихидахъ я цѣловала маленькій образокъ, положенный ей на грудь. Эта новая неожиданность заставила закружиться мою голову, а маленькую слабую душу — наполниться такимъ страхомъ, который я еще не переживала за всю мою жизнь. Вѣроятно, я скатилась бы со ступеней, если бы чьи-то ловкія руки не подхватили меня и не поставили на полъ.

Я оглянулась. Передо мной стояла мать Аделаида, молодая монахиня. Вѣроятно, лицо мое выражало самый краснорѣчивый ужасъ, потому что инокиня съ укоромъ посмотрѣла на меня своими глубоко запавшими глазами и проговорила пѣвуче, растягивая слова:

— Ай, ай, ай, какъ не хорошо барышня миленькая. Какъ грѣшно бабиньку бояться. Святая душа у вашей бабиньки, къ праведнымъ она по духу своему, да по жизни строгой причастна, а вы боитесь ее. Грѣшно, грѣшно, дѣточка. Глядите, успокоилъ Господь милостивый въ селеніи праведныхъ бабиньку вашу, взялъ достойную душу ея къ себѣ, а вы бреннаго тѣла ея убоялись. А душа-то бабинькина зритъ это, зритъ и сокрушается. И горько ей видѣть, что любимая внученька ея, ее боится... Обидѣли вы бабиньку, что и говорить.

— Боже, какой жгучій стыдъ прожогъ насквозь мою душу при этихъ простыхъ словахъ монахини! Чего бы я не дала тогда, лишь бы

поправить обиду, нанесенную мною, или вѣрнѣе моимъ страхомъ, бабушкѣ. Смущенная, сконфуженная стояла я передъ матерью Аделаидой, а въ душѣ уже накопилось желаніе чѣмъ-нибудь поправить мою вину, какъ-нибудь загладить ее передъ тою, кого я привыкла любить и отъ кого столько хорошаго, радостнаго видѣла въ моемъ дѣтствѣ. И тутъ же я подѣлилась моимъ настроеніемъ съ молодой монахиней.

— Хорошо, дѣточка, хорошо милая моя,— отвѣчала мнѣ мать Аделаида,—вижу что любите бабиньку и хотите порадовать душеньку чистую ея. Вотъ и постарайтесь, милая, вести себя хорошо, Богу молиться за живыхъ и умершихъ, учиться прилежно, папеньку радовать. Да и бѣдныхъ, убогихъ не забывайте. Бабинька ваша,— упокой ея душу, Господи, ихъ страхъ какъ жалѣла. Многихъ она облагодѣтельствовала. Весь бѣдный кварталъ въ городѣ ее зналъ, кому мучицы, кому чаю, сахару, кому стараго платья пришлетъ, а то и сама принесетъ, бывало, не брезгала она бѣдненькими, лично сама ихъ навѣщала. А сколько ихъ наша мать игуменья посылала къ ней, и всѣхъ-то удовлетворяла покойница, хоть и сама-то, не Богъ вѣсть, какіе доходы имѣла. Вотъ и вы въ память ея, дѣточка, продолжите благое дѣло. Посѣщайте сирыхъ и убогихъ въ въ память бабиньки. Гликерія то Николаевна, гувернантка ваша, сама доброты неописуемой, такъ вотъ съ нею то и не погнушайтесь, сообща, доброе дѣло творить, да такъ, чтобы поменьше о немъ люди знали. Пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что творитъ правая, такъ заповѣдалъ Господь, Ему слѣдуйте, Его ученіе исполняйте,

и взыщетъ Онъ васъ, Милосердый, Своими великими милостями...

Не чувствуя холода, какъ загипнотизированная слушала я поучающія рѣчи Аделаиды, не спуская глазъ съ ея худого, блѣднаго лица, съ ея глубоко запавшихъ глазъ, словно лучившихся какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. И странное дѣло, чѣмъ дольше говорила монахиня, тѣмъ легче и отраднѣе становилось у меня на душѣ. Росла съ каждымъ ея словомъ печаль по бабушкѣ, но то была какая-то новая, сладкая и странная печаль. Росло вмѣстѣ съ нею и рѣшеніе стараться радовать улетѣвшую отъ меня, но попрежнему безгранично меня любящую бабушкину душу, чтобы дорогая покойница могла быть довольной ея глупенькой, взбалмошной Люсей.

На слѣдующее утро хоронили бабушку. Я горько неутѣшно плакала въ то время, когда бѣлый гробъ опускали въ могилу. Теперь уже миссъ Гаррисонъ не назвала бы безсердечной и черствой маленькую Люсю.

Ганя, занятая тетей Мусей, съ которой поминутно дѣлались обмороки, поручила меня Этьену и Маріи Клейнъ, тоже присутствовавшимъ на похоронахъ. Съ какой трогательной нѣжностью заботились обо мнѣ они оба. Объ Этьенѣ уже нечего было и говорить, онъ всегда отличался чрезвычайной чуткостью и мягкостью, но Марія... Признаться, я никогда не долюбливала Марію. Она казалась намъ всегда какой-то сухой и неразвитой, несмотря на ея пятнадцать лѣтъ. А ея раболѣпное подчиненіе Ани тоже не говорило въ пользу ума такой большой дѣвушки. Но въ дни постигшаго меня горя я взяла мое мнѣніе о Маріи назадъ.

Откуда у нея взялись эти нѣжныя интонаціи въ голосѣ, когда она утѣшала меня, отчаянно рыдающую на краю бабушкиной могилы! А теплое пожатіе ея руки! А трогательная забота во время поѣздки моей съ кладбища въ усадьбу д'Обернъ!

Насколько Ани и Лили мало занимались мною въ это утро, настолько Марія и Этьенъ, а за ними и Вадя всячески старались развлечь и успокоить меня. И подъ вліяніемъ ихъ безхитростной дѣтской ласки таяла огромная глыба горя, навалившаяся на мою дѣтскую душу, и тяжелая горечь потери постепенно превращалась въ тихую грусть.

V.

ПОДВИГЪ.

Бабушку схоронили и постепенно прежняя, какъ и навсегда установленная жизнь вошла въ свою колею.

Возобновились прерванные, было, уроки въ Аниномъ. Возобновилась и дома обычная жизнь. Правда, грустная то была жизнь. Остро чувствовалось всѣми нами отсутствіе бабушки. Некому было теперь заботиться обо всѣхъ насъ такъ, какъ умѣла это дѣлать наша добрая незабвенная старушка. Ея комната стояла пустая. Въ ней теплилась день и ночь лампада. Отецъ приказалъ оставить всѣ вещи бабушки въ томъ видѣ, въ какомъ они были въ тотъ роковой день, когда она скончалась безъ особенныхъ мукъ и страданій отъ разрыва сердца. Теперь хозяйство вела тетя Муся.

Она стала еще раздражительнѣе, еще нервнѣе со дня смерти матери. Ея постоянныя слезы и жалобы, приподнятое настроеніе и хроническое неудовольствіе окружающими, всегда такъ умѣло сдерживаемое бабушкой, теперь проявилось во всю. Постоянные намеки за обѣдомъ и вечернимъ чаемъ о скоромъ появленіи новой законной хозяйки, какія-то таинственныя угрозы кому-то невѣдомому, не давали покоя намъ всѣмъ, отравляя наше существованіе.

Но чаще всего съ тетей Мусей происходили нервные припадки, начинавшіеся обыкновенно послѣ ея тайныхъ совѣщаній въ кабинетѣ съ отцомъ. Послѣ этихъ совѣщаній оба они выходили оттуда съ красными взволнованными лицами. И тетя Муся, кидая злые взгляды на меня и на Ганю, отрывисто бросала отцу:

— Всѣмъ, конечно, всѣмъ будетъ хорошо и удобно, но не мнѣ... Да и то сказать, обо мнѣ менѣе всего стоитъ заботиться. Что я для васъ?.. Лишній тормозъ, пятое колесо въ телѣгѣ, старая дѣва, живущая изъ милости на хлѣбахъ у брата... Должна еще цѣнить то, что меня еще держатъ въ домѣ, а не выгоняютъ на улицу.

— Муся... Муся! Что ты говоришь? И не стыдно тебѣ!—съ укоромъ и раздраженіемъ отвѣчалъ ей мой отецъ, хватаясь за голову.

Но тетя Муся уже не слушала его и билась въ истерическомъ припадкѣ..—Мамочка! Мамочка!—кричала она на весь домъ,—зачѣмъ вы умерли, на кого покинули меня! Кому я нужна теперь... Обуза я имъ всѣмъ теперь, обуза!

На эти истерическіе крики барышни сбѣгалась прислуга. Отецъ, исчерпавъ всѣ утѣшенія, махалъ рукою и уходилъ въ кабинетъ. Тетю Мусю же оттирали одеколономъ, поили валерьянкой, сахарной водой, бромомъ... Потомъ Лукерья и Ольга вели ее въ ея комнату и укладывали въ постель, гдѣ крики и слезы ея понемногу стихали.

Мы же, я и моя милая Ганя, долго сидѣли, уничтоженныя, раздавленныя ими. Въ моей головѣ смутно бродили разные туманные образы и представленія, вызванные словами Муси, и я обращалась за объясненіями къ моей гувер-

нанткѣ и другу. Но къ моему большому неудовольствію Ганя ничего не объясняла мнѣ, напротивъ того, совѣтовала, какъ можно скорѣе, забыть слова тети Муси и спѣшила перевести мое вниманіе на что-нибудь другое. Такъ и остава-

лись смутныя загадки безъ разгадокъ въ моей далеко не умудренной еще житейскимъ опытомъ десятилѣтней головѣ.

Тяжелая домашняя обстановка гнала насъ съ Ганей къ д'Обернъ. Тамъ была совсѣмъ другая жизнь, радостная и свѣтлая. Тамъ было весело и шумно. Звучалъ веселый дѣтскій смѣхъ,

царила непринужденная суета первой ранней юности.

Теперь подъ главнымъ руководствомъ миссъ Гаррисонъ мы все свободное отъ уроковъ время проводили за работой вещей для бѣдныхъ дѣтей. Слова молодой матери Аделаиды не пропали даромъ. Я, во что бы то ни стало, рѣшила продолжать благотворительную дѣятельность бабушки въ угоду дорогой усопшей и этой мыслью прежде всего подѣлилась съ Ганей. Та пришла отъ нея въ восторгъ. Между нами рѣшено было просить миссъ Гаррисонъ взять на себя главную инициативу нашей благотворительной дѣятельности.

Я, Ганя, дѣти д'Обернъ и ихъ гувернантка, Лили и Марія, привлеченныя къ этому дѣлу по указанію миссъ Гаррисонъ, дѣятельно принялись за работу. Намъ накупили всякихъ ситцевъ, холста, дешевой шерстяной матеріи и шерсти, гаруса; наши воспитательницы накроили всякихъ кофточекъ, юбочекъ, платочковъ мы принялись за шитье приданаго для бѣдныхъ и дѣтей. Мы, дѣвочки, шили и вязали это приданое сами въ то время, какъ мальчики, Этьенъ и Вадя столярничали за ручнымъ станкомъ, выпиливая, склеивая и вырѣзая всевозможные ящики, шкатулки и небольшіе сундучки для этого приданаго. Кромѣ того былъ приглашенъ изъ города сапожникъ, и онъ училъ мальчиковъ шить сапоги и ботинки. Въ тотъ годъ это занятіе считалось модным и многіе барыни, барышни и молодые люди изъ общества съ увлеченіемъ предавались ему. Большая зала съ колоннами, гдѣ мы рѣзвились и бѣгали между уроками, теперь превратилась въ настоящую мастерскую. Мы ра-

ботали, а кто-нибудь изъ старшихъ читалъ. Никогда не забуду я этихъ часовъ! Дома волненія, непріятности, истерическіе припадки тети Муси или тоска, безысходная грусть по усопшей бабушкѣ, а здѣсь кипучая дѣятельность, молодое соревнованіе, задоръ. Когда приходилось возвращаться домой изъ Анина, становилось поневолѣ грустно на душѣ. Точно отходила отъ меня жизнь съ ея радостями и какъ будто маленькую душу Люси запирали въ чуланъ

. . . . . .

. . . . . .

Декабрьскій вечеръ. На дворѣ стужа. Гуляетъ вѣтеръ въ полѣ, навѣвая тоску. Но въ залѣ большого графскаго дома оживленно и весело. Мы шьемъ, работаемъ, кроимъ. Мальчики стругаютъ, клеютъ, орудуютъ напильникомъ. Марія Клейнъ нашла, наконецъ, свое призваніе. Она шьетъ какъ настоящая портниха и изъ-подъ ея искусныхъ рукъ выходятъ такія прелестныя вещицы, что мы невольно завидуемъ молоденькой нѣмкѣ. Недурно вяжетъ дѣтскіе чепчики и шарфы на двухъ деревянныхъ спицахъ Лили, но Ани и я... Боже мой, что дѣлаемъ мы съ Ани! У насъ обѣихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ способностей къ ручному труду.

Я еще, туда-сюда, ковыряю кое-какъ иглою, но зато Анины работы ужасны. Да и терпѣньемъ Ани тоже похвастаться не можетъ. Исковерканными, испачканными и жалкими выходятъ изъ подъ ея неумѣлыхъ пальчиковъ всѣ эти кофточки, чепцы и юбки. Добрая Марія исправляетъ, какъ умѣетъ, погрѣшности своего кумира...

Нынче ей особенно какъ-то не везетъ. Десятый разъ поднимаетъ ей спущенныя петли на

тепломъ дѣтскомъ носочкѣ миссъ Гаррисонъ. Ани пыхтитъ носикомъ, злится, волнуется и спускаетъ петлю въ одиннадцатый разъ.

— Гадость, — говоритъ она, обращаясь ко мнѣ,—рара такъ богатъ, онъ могъ бы прислать намъ денегъ, на которыя мы бы купили нужное для бѣдняковъ, готовое платье и готовые ботинки. Было бы и лучше и дешевле...

— Ошибаешься, дитя,—покачивая головою, отвѣчаетъ серьезнымъ тономъ миссъ Гаррисонъ, поймавъ чуткимъ ухомъ жалобу Ани,—можетъ быть, было бы лучше, но не дешевле, нѣтъ! Работая сами, мы дѣлаемъ экономію и даемъ этимъ возможность обшить большее количество дѣтей, нежели тогда, когда покупали бы готовое платье, которое стоитъ довольно дорого. И потомъ, милая Ани, развѣ тебѣ не доставляетъ наслажденія работать на бѣдняковъ, сознавая, что благодаря твоему труду ты дашь возможность такимъ же дѣтямъ, какъ ты, быть тепло одѣтыми и обутыми. Деньги твоего отца пригодятся имъ на пищу, а мы одѣнемъ ихъ съ головы до ногъ. Отвѣть мнѣ, права ли я, дѣвочка?

Но Ани не отвѣчала. Она ниже опустила надъ вязаньемъ свое раскраснѣвшееся лицо съ вытянутыми въ трубочку надутыми губами.

Наступило молчаніе, во время котораго поднялъ голосъ Этьенъ.

— Хорошо было бы разнести самимъ вещи и деньги по бѣднымъ кварталамъ въ сочельникъ. Когда мы жили за границей, то узнали тамъ про одинъ чудесный обычай: маленькія дѣти вѣшаютъ свою обувь надъ отверстіемъ камина въ рождественскую ночь, твердо увѣренные въ томъ, что святой Николай посѣтитъ ихъ ночью и по-

ложитъ имъ въ обувь подарки, заготовленные имъ, дѣтямъ, къ празднику. Конечно, подарки дѣлаютъ родные, но дѣти...

— А по-моему это глупый обычай,—перебилъ брата Вадя,—развѣ можно въ такую маленькую вещь какъ обувь, чулки и сапоги положить большіе хорошіе подарки?

Эта фраза вызвала всеобщій смѣхъ и взрослыхъ и дѣтей.—Мальчикъ мой, да развѣ та степень удовольствія, которое ты испытываешь при полученіи подарка зависитъ отъ величины подарка? Значитъ, маленькая вещь по объему доставитъ тебѣ маленькое удовольствіе, тогда какъ большая—большое? А вотъ представь себѣ, я знаю мечту Ани имѣть золотой браслетъ-змѣйку съ изумрудными глазами,—говорила миссъ Гаррисонъ,—а между тѣмъ, ей подарили бы огромнаго размѣра альбомъ, который ей вовсе не нуженъ... Такъ по твоему...

— Ай!—взвизгнула въ этотъ мигъ не своимъ голосомъ Ани, роняя чулокъ и спицы.—Я уколола себѣ палецъ, какъ разъ подъ ногтемъ!

— Уколола тупою спицей?—усмѣхнулась madame Клео,—но, cherie, это невозможно. Чувствую, что тебѣ хочется отдѣлаться, во что бы то ни стало, отъ твоего чулка. Ну, оставь его на время. Да и вы всѣ, дѣти, съ разрѣшенія миссъ Гаррисонъ прекратите на время работу. Побѣгайте и порѣзвитесь часокъ.

Не заставляя вторично приглашать насъ, мы съ шумомъ отодвинули стулья, и началась обычная возня и суматоха.

Но мнѣ сегодня не хотѣлось примыкать къ общему веселью. Изъ головы моей вотъ уже нѣсколько дней не выходила фраза, ска-

занная матерью Аделаидой у гроба покойной бабушки, не дававшая мнѣ покоя. «Пусть лѣвая рука твоя не вѣдаетъ, что творитъ правая». А между тѣмъ всѣ бѣдняки, на которыхъ мы шьемъ, вяжемъ и которымъ будемъ раздавать графскія деньги, узнаютъ, кто ихъ благодѣтели. И, такимъ образомъ, это уже будетъ не настоящее благодѣяніе, и это угнетало меня. Хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь такое, что не узналось бы никѣмъ и было произведено какъ бы съ закрытыми глазами. Эта мысль такъ безпокоила меня, что я рѣшила подѣлиться ею съ Маріей, какъ съ самой практичной и умной изъ насъ. Я отвела Марію въ сторонку. Она долго и внимательно слушала меня, высоко поднявъ брови на не дѣтски сосредоточенномъ лицѣ. Потомъ, выслушавъ до конца мой сбивчивый лепетъ, спросила:

— Ты хочешь,—насколько я поняла, помочь отъ себя бѣднымъ, но такъ, чтобы никто этого не зналъ, Люся?

— Да, я хочу сдѣлать это такъ, какъ это дѣлала бабушка,—отвѣчала я.

— Это очень хорошо, Люся! — возразила она серьезно, — я даже, признаться, не ожидала ничего подобнаго отъ тебя. А деньги на самостоятельную благотворительность у тебя есть?

— Есть. У меня скоплено отъ подарковъ на именины, рожденіе и праздники. Кромѣ того папа далъ мнѣ денегъ на устройство елки, но елку я не хочу. Всѣ эти деньги я отдамъ бѣднымъ, чтобы бабушка была довольна мною,—произнесла я совсѣмъ уже тихо, подавленная собственнымъ великодушіемъ.

— Очень, очень хорошо, Люся, только все же надо сказать о такомъ рѣшеніи Гликеріи Николаевнѣ; безъ нея мы ничего не сможемъ предпринять.

— Но... но пусть лѣвая рука твоя не вѣдаетъ, что творитъ правая,—произнесла я, значительно глядя въ глаза Маріи.

— Это такъ, Люся. Именно такъ и сказалъ нашъ Спаситель, но... но, къ сожалѣнію, ты еще слишкомъ маленькая дѣвочка для того, чтобы самостоятельно распоряжаться своимъ временемъ и своими деньгами. А представить тебѣ случай облагодѣтельствовать настоящую бѣдную семью я могу. Въ городѣ живетъ вдова бѣднаго башмачника. Мужъ ея недавно умеръ въ больницѣ, оставивъ жену и пятерыхъ дѣтей. Имъ буквально нечего ѣсть, Люся, и твоя помощь придется какъ нельзя кстати. Я тебя отвезу къ нимъ завтра же, хочешь, завтра праздникъ, занятій нѣтъ. Я съ утра приду за тобою, а ты попроси Гликерію Николаевну отпустить тебя со мной. Попроси также запречь для насъ Бурю или Вѣтра. Пѣшкомъ тебѣ будетъ трудно дойти, это далеко. Можно даже и не говорить, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ. Скажи только что я беру всю отвѣтственность на мои плечи? Идетъ?

Боже мой, какою радостью вспыхнуло мое маленькое сердце! Какъ мнѣ захотѣлось кинуться на шею Маріи и расцѣловать ея некрасивое старообразное не по лѣтамъ лицо! Все складывалось какъ нельзя лучше, благодаря находчивости и добротѣ этой славной дѣвушки!

Весь остатокъ моего учебнаго дня я ходила торжественная и важная, нося въ душѣ мою

тайну и изрѣдка перекидываясь съ Маріей многозначительными взглядами. Очевидно, послѣдняя намекнула кое-что о нашемъ рѣшеніи Ганѣ, потому что лишь только я заикнулась моей гувернанткѣ о томъ, что хотѣла бы проѣхаться завтра съ Маріей въ городъ «по одному важному, очень важному дѣлу», Ганя безо всякихъ разспросовъ отпустила меня. Уѣзжая передъ обѣдомъ изъ «Анина», я снова отвела Марію въ уголокъ и съ таинственнымъ видомъ просила ее хранить какъ святыню нашу тайну, нимало не заботясь въ ту минуту о томъ, что нѣсколько паръ дѣтскихъ глазъ были съ жаднымъ любопытствомъ устремлены въ нашу сторону, а четыре маленькія головки мучительно заработали надъ вопросомъ, о чемъ мы могли совѣщаться съ Маріей. Боже мой, какъ была наивна и глупа маленькая Люся въ то блаженное время ея свѣтлаго отрочества!

* * *

— Вотъ здѣсь... У этихъ воротъ остановитесь, пожалуйста, Василій!—И Марія, первая выскочивъ изъ саней, протянула мнѣ руку.

Какой ужасный переулокъ! А этотъ старый жалкій съ облупившейся штукатуркой домикъ, одиноко пріютившійся на заднемъ дворѣ между колодцемъ и мусорной ямой! Домишка, величиной въ крестьянскую избу, или вѣрнѣе, въ желѣзнодорожную сторожку-будку. По скользкимъ вслѣдствіе гололедицы ступенямъ поднялись мы съ Маріей на шаткое крылечко и очутились сразу въ темнотѣ грязныхъ, зловонныхъ сѣней.

— Сюда, сюда, Люся, держись за меня... Осторожнѣе, здѣсь дверь... И порогъ... Сейчасъ

будетъ свѣтлѣе... — командовала Марія и все тащила и тащила меня за руку куда-то въ темноту.

Но вотъ что-то зашуршало, заскрипѣло и завизжало на ржавыхъ петляхъ, и мы очутились сразу въ облакахъ пара, мѣшавшаго видѣть намъ на разстояніи двухъ шаговъ. Въ тотъ же мигъ я услышала одновременно плескъ воды, заливчатый плачъ ребенка, чью-то пронзительную крикливую брань и звукъ увѣсистаго шлепка.

Или паръ разсѣялся къ этому времени или же мои глаза привыкли къ пару, но я увидѣла, наконецъ, залитую водою комнату, огромное корыто, поставленное на двухъ табуретахъ посреди нея, и высохшую вслѣдствіе нужды и горя женщину, державшую на одной рукѣ грудного младенца, другою же, свободною рукой, щедро награждавшую мальчугана лѣтъ пяти-шести увѣсистыми звонкими шлепками, сопровождая эту операцію крикливой бранью. Мальчуганъ, босой и неимовѣрно грязный, въ одной рубашонкѣ ревѣлъ благимъ матомъ. Ревѣлъ и грудной младенецъ на рукахъ женщины. Двѣ дѣвочки приблизительно моего возраста, ухвативъ за руки полугодовалаго мальчика, учили его ходить по мокрому полу съ разбросанными всюду грудами стираннаго бѣлья.

Окружающая обстановка ошеломила меня своимъ убогимъ видомъ, своею нищетою. Кромѣ двухъ табуретовъ съ помѣщавшимся на нихъ корытомъ въ этой маленькой горенкѣ, заваленной бѣльемъ, стоялъ еще грубо сколоченный столъ и нѣчто, похожее на кровать, вѣрнѣе на двѣ скамьи, составленныя вмѣстѣ, на которыхъ валялось ка-

кое-то грязное, полуистлѣвшее отъ ветхости тряпье, замѣнявшее одновременно матрацъ, подушки и одѣяло этимъ бѣднымъ людямъ. Признаться, мнѣ стало жутко при видѣ такой нищеты. Ничего похожаго на нее я не могла вообразить себѣ до этой минуты. Такъ вотъ какова она была настоящая бѣдность, съ которой я была до сихъ поръ знакома только по книгамъ!

Женщина у корыта не сразу замѣтила насъ. И только когда Марія заговорила съ нею, она

бросилась къ намъ навстрѣчу, суетливо убирая изъ-подъ нашихъ ногъ бѣлье, вытирая мокрыя руки о передникъ и низко кланяясь каждую секунду:

— Барышни... голубоньки... храни васъ Господь, что не побрезгали въ мой уголъ забрести... Марья Францевна, ангелъ Божій, спаси васъ Богъ, много довольны вашими милостями. Отъ капель-то вашихъ, какъ есть, полегчало, грудь не такъ ломитъ, стирать могу. Это отъ городовихи бѣлье взяла, да отъ портнихи Густоверстовой. Все утро стираю, до ночи хватитъ... Какъ померъ мой Гаврилычъ, этимъ и кормлюсь... Да мало работы что-то, нѣтъ прачечной, такъ люди боятся, сумлѣваются, значитъ, на квартиру бѣлье-то отдавать стирать... Барышня миленькая, премного вамъ благодарны... Намѣдни чаю, сахару принесли, храни васъ Господь, Марья Францовна, и хлѣбушка опять же да молочишка ребятамъ, спасибо вамъ... сама знаю, отъ доброты вашей даете, не богатые, сами то въ услуженіи... съ папенькою вашимъ; чай и ему хлѣбъ не даромъ дается, а вы о насъ думаете всякій разъ, и женщина заплакала, прикладывая мокрый передникъ къ глазамъ.

— Полно, Софьюшка, не надо горевать,— какъ-нибудь справитесь. Старайтесь не простужаться только, храни васъ Богъ, опять воспаленіе легкихъ схватите. А я вамъ вотъ барышню привезла, помочь она вамъ хочетъ, Софьюшка, вамъ и дѣтямъ вашимъ. Вотъ деньжонокъ вамъ она привезла, а я немного мяса, молока, хлѣба, для васъ и дѣтокъ вашихъ.—И, говоря это, Марья сунула въ руки женщинѣ корзинку, которую во все время пути бережно держала у себя на колѣняхъ. Потомъ обернулась ко мнѣ и шепнула:

Ну, Люся, отдай же ей то, что привезла. Въ моей рукѣ былъ зажатъ скомканный конвертъ съ четырьмя золотыми пятирублевиками, нѣсколькими бумажными ассигнаціями и серебряными рублями, всего на сумму сорокъ съ чѣмъ-то рублей, скопленную мною за долгое время. Сюда же входили и десять рублей, ассигнованные мнѣ отцомъ на устройство ежегодной традиціонной елки. Красная, какъ піонъ, я протянула конвертъ съ деньгами Софьюшкѣ. Та схватила его холодной рукой и прежде, нежели я успѣла опомниться, не выпуская ребенка изъ рукъ, рухнула мнѣ въ ноги.

— Ангелъ Божій! Золотая моя барышня! Благодѣтельница вы наша,—причитала она, давясь слезами и кашлемъ. И вдругъ взвизгнула пронзительно на всю горницу:

— Манька, Ѳенька, Петрушка, чего стоите, ротъ розиня, глупые, въ ножки барышнѣ, нашей благодѣтельницѣ, кланяйтесь, цѣлуйте ихъ, непутевые этакіе!

И такъ какъ «непутевые» не думали двигаться съ мѣста, продолжая стоять съ раскрытыми ртами, Софьюшка обхватила мои колѣни свободной рукою и стала покрывать поцѣлуями мою шубку, муфту и руки въ теплыхъ перчаткахъ. Не скажу, чтобы мнѣ было непріятно такое проявленіе благодарности съ ея стороны. Напротивъ того, червячокъ удовлетвореннаго тщеславія копошился гдѣ-то внутри моего крайне себялюбиваго существа, и настроеніе мое, благодаря этому, было крайне повышенно и торжественно. Пріятно бываетъ иногда сознавать себя благодѣтелемъ рода человѣческаго, ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба для облегченія нуждъ стра-

ждущихъ, какимъ съ неподдѣльной искренностью выставляла меня Софьюшка.

Мы еще пробыли съ полчаса въ ея сыромъ, пропитанномъ паромъ, помѣщеніи. Марія съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ подсчитала привезенную мною сюда сумму, вызвавшую новый взрывъ слезъ, умиленія и благодарности со стороны бѣдной прачки. Потомъ она съ тѣмъ же дѣловымъ видомъ занялась дѣтьми Софьюшки: умыла, причесала ихъ, раздобыла откуда-то свѣжія рубашонки младшимъ мальчуганамъ и, усадивъ ихъ за столъ, одѣлила дѣтей привезенными съ собою молокомъ, хлѣбомъ и холоднымъ мясомъ.

— Обязательно швейную машинку купите себѣ, Софьюшка, вѣдь вы шили когда-то недурно,—назидательнымъ тономъ наказывала Марія бѣдной женщинѣ.—Шитье—не стирка, дѣтямъ не придется, по крайней мѣрѣ, дышать сыростью и паромъ. А я вамъ заказчицъ раздобывать стану, это ужъ моя забота. Да вотъ Ѳенѣ мази отъ лишаевъ привезу въ слѣдующій разъ. Нѣтъ силъ какъ вы запустили голову дѣвочки, выстричь ее слѣдуетъ...

— Выстригу... Марья Францевна, небось выстригу таперича, всѣ помаленьку приведемъ себя въ порядокъ... Одѣнемся да обуемся... И то сказать, счастье намъ съ неба свалилось, барышни. Ангела своего Господь Богъ прислалъ.— И говоря это, Софьюшка снова сдѣлала поползновеніе упасть мнѣ въ ноги, но Марія во-время удержала ее.

Я смотрѣла на бѣдныхъ ребятъ Софьюшки... Съ какой жадностью они ѣли мясо и хлѣбъ, запивая молокомъ. Я никогда не видѣла еще такого завиднаго аппетита!

Во время обратнаго пути Марія говорила мнѣ, какую огромную услугу я оказала несчастной женщинѣ, бившейся, какъ рыба объ ледъ, со своей семьей.

Теперь, благодаря моимъ деньгамъ, она добудетъ себѣ съ разсрочкою платежа швейную машинку и будетъ больше зарабатывать при ея помощи шитьемъ, нежели зарабатывала до сихъ поръ, принимая отъ времени до времени въ стирку бѣлье у невзыскательныхъ сосѣдей, платившихъ ей какими-то жалкими грошами за ея трудъ.

— Да, ты поистинѣ доброе дѣло сдѣлала, Люся, и Богъ тебя за него наградитъ,—произнесла въ заключеніе Марія, когда мы подъѣзжали къ нашему дому.

Ахъ, не слѣдовало ей вовсе мнѣ говорить этого! Я и такъ чувствовала себя героиней, и моя ничтожная услуга бѣдному семейству возросла до настоящаго подвига въ моей глупой головѣ. Какой великодушной и благородной казалась я самой себѣ въ тѣ минуты! Еще бы! Какая другая дѣвочка моего возраста можетъ заставить себя отказаться отъ елки и подарковъ, отъ денегъ, скопленныхъ для ея же удовольствія и радостей, и пожертвовать все это совершенно чужой семьѣ. Да, нужно имѣть особенное сердце, чрезвычайно добрую душу и духовную чуткость, чтобы рѣшиться на такой подвигъ! О, теперь я была преисполнена любви и уваженія къ собственной особѣ. Какъ гордо несла я мою голову, съ какимъ значительнымъ, полнымъ глубокой торжественности, видомъ, поглядывала я на окружающихъ. Я чувствовала себя вполнѣ достойной всяческаго восхищенія.

Совершенно выпустивъ изъ головы мысль о томъ, чтобы лѣвая рука твоя не вѣдала, что творитъ правая, я въ тотъ же вечеръ самымъ подробнымъ образомъ повѣдала Ганѣ, а затѣмъ тетѣ Мусѣ и отцу о моей таинственной поѣздкѣ и о моемъ великодушномъ поступкѣ. А двумя днями позже изъ моихъ собственныхъ устъ узнали о немъ и дѣти д'Обернъ и Лили, узнали, разумѣется, не всѣ сразу, а каждый въ отдѣльности, при чемъ я не пожалѣла красокъ, чтобы рельефнѣе выдвинуть подвигъ великодушной Люси, облагодѣтельствовавшей цѣлую семью. Но къ моему большому удивленію мои юные друзья какъ-то ужъ черезчуръ холодно-спокойно отнеслись къ моему подвигу. Одинъ Этьенъ молча пожалъ мнѣ руку, а Вадя—тотъ даже и вниманія не обратилъ на мои слова. Ани же и Лили больше заинтересовались обстановкой жилища бѣдной прачки, заставляя меня чуть ли не по десяти разъ описывать и корыто, и паръ, носившійся въ горницѣ, и голодныхъ, грязныхъ дѣтей.

Признаться, я ожидала совсѣмъ другого. Я ожидала восхваленій и удивленій моему великодушію, сотни комплиментовъ и похвалъ и, не получивъ ихъ, замкнулась въ самой себѣ, немного разочарованная и обиженная, мысленно восторгаясь собственнымъ подвигомъ и умиляясь передъ его героиней. Теперь даже съ Ганей, моей любимицей и старшимъ другомъ, я рѣшила не дѣлиться разговорами о немъ. Болѣе всего другого обидѣла меня ея, Ганина, фраза:

— А какъ же, Люся, вѣдь ты хотѣла совершить твое дѣло втихомолку? Между тѣмъ, всѣ, чуть ли не сразу узнали о немъ съ твоихъ собственныхъ словъ.

Я сконфузилась... Однако смущеніе мое длилось недолго. «Они не поняли меня, моей души, моей жертвы»,—рѣшила я тогда же преисполненная самаго искренняго чувства сожалѣнія къ ихъ недомыслію, и снова погрузилась въ мысленое созерцаніе и разборъ своего великодушнаго и никѣмъ непонятаго «я».

Произошло это въ серединѣ рождественскихъ праздниковъ. У дѣтей д'Обернъ не бывало елки. Ихъ раннее дѣтство прошло за границей, гдѣ совсѣмъ не признавался этотъ обычай. Я же сама отказалась отъ нея. Но тѣмъ не менѣе, мы провели въ Аниномъ самымъ пріятнымъ образомъ святки. Гадали, катались въ тройкѣ, наряженные въ фантастическіе костюмы и заѣзжали въ дома немногихъ городскихъ знакомыхъ. Потомъ танцовали подъ фортепьяно. И, наконецъ, устраивали праздникъ для бѣдныхъ дѣтей, во время котораго раздавали, помимо угощенія и съѣстныхъ припасовъ въ видѣ фунтиковъ съ чаемъ, сахаромъ, мѣшковъ съ мукою, крупою и горохомъ и всѣ наши работы: дѣтскія платья, сапоги, капоры и прочія приготовленныя нами самими носильныя вещи. Между бѣдною дѣтворою, слетѣвшеюся сюда изъ города, были и дѣти Софьюшки. Пришла и она сама вмѣстѣ съ ними Теперь она выглядѣла совсѣмъ иначе, чистенько и опрятно одѣтая, нежели тогда при первой ея встрѣчѣ со мною. О дѣтяхъ ея и говорить было нечего. Сшитое нами платье, посланное имъ заранѣе, пришлось имъ какъ разъ въ пору. А умытыя рожицы и тщательно причесанныя головы довершали пріятное впечатлѣніе, произведенное ими на насъ всѣхъ.

Миссъ Гаррисонъ о чемъ-то долго разговаривала съ Софьюшкой. Потомъ послѣдняя отыскала меня въ толпѣ дѣтей и, покрывши тутъже на глазахъ у всѣхъ мои руки поцѣлуями и слезами, благодарила меня еще разъ за оказанную ей мною незамѣнимую услугу.

— Теперь, барышня, ангелъ мой небесный, и машинка у меня есть и заказчицы. Голодать не приходится мнѣ больше съ ребятами моими. Вѣкъ не забуду милости вашей. Денно и нощно стану Бога за васъ молить и дѣтей своихъ молиться заставлю за благодѣтельницу нашу. Подай вамъ, Господи, за все, за все!

Она говорила это такъ громко, что слова ея слышали всѣ: и наши гувернантки, и мы дѣти, и наши маленькіе гости. Когда послѣдніе разошлись, очарованные и довольные, унося съ собою щедрые подарки, миссъ Гаррисонъ попросила насъ не расходиться на нѣсколько минутъ.

— Я должна сообщить вамъ кое-что, дѣти,— начала она своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, оглядывая внимательнымъ взоромъ всю нашу маленькую толпу,—должна сообщить кое-что, о чемъ не могу умолчать, да и не смѣю. Нынче я узнала объ прекрасномъ, великодушномъ поступкѣ одной дѣвочки, которая въ данную минуту находится между вами. Поступокъ ея настолько хорошъ и свѣтелъ, что я не имѣю права скрыть его отъ васъ, какъ достойный всяческаго подражанія. Я хочу, чтобы вы взглянули съ особеннымъ уваженіемъ на совершившую его вашу юную подругу. Произнеся послѣднія слова, миссъ Гаррисонъ смолкла на минуту.

Уже съ самого начала ея рѣчи глаза присутствующихъ невольно обратились ко мнѣ. Мое

сердце забилось порывисто. И вся я стала красная, какъ кумачъ, отъ охватившаго меня радостнаго смущенія. Но помимо воли гордо поднималась моя голова отъ сознанія собственнаго превосходства надо всѣми, и внутренній голосъ кричалъ во всеуслышаніе, мысленно адресуясь къ миссъ Гаррисонъ.

— Вотъ, вотъ видишь, какая я, а ты меня до сихъ поръ не понимала и не признавала. Я— великодушная, я—благородная, я могу жертвовать собою ради счастья другого, могу совершить подвигъ, если это понадобится, а ты меня считала пустой, вѣтреной и легкомысленной шалуньей!

Вѣроятно, взглядъ мой, обращенный въ лицо старой гувернантки, вполнѣ краснорѣчиво выражалъ мою мысль, потому что миссъ Гаррисонъ не вынесла его и отвела глаза. Отвела потому только, конечно, думалось мнѣ въ ту минуту, что она почувствовала всю свою прежнюю неправоту по отношенію меня и теперь мучилась раскаяніемъ. Между тѣмъ дѣти съ нетерпѣніемъ поглядывали то на меня, то на старую гувернантку, ожидая продолженія ея рѣчи.

— Итакъ, — снова заговорила она, — повторяю, друзья мои, что я преклоняюсь передъ скромнымъ, молчаливымъ подвигомъ этой дѣвочки. Вы, конечно, хотите узнать ея имя? Извольте! Это Марія Клейнъ. Не говоря никому ни слова, она тайно ото всѣхъ, въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ поддерживала бѣдную прачку съ семьею, отдавая ей всѣ свои жалкіе гроши, дежуря у ея постели во время болѣзни бѣдной женщины. Она возилась съ ея дѣтьми, обмывала, обшивала ихъ, кормила помѣрѣ силъ и возмож-

ности. Она проводила долгіе часы въ бѣдной маленькой избушкѣ на краю города, всячески стараясь облегчить судьбу несчастной женщины, добывая ей работу, дѣлясь съ нею всѣмъ, что имѣла сама. И, что красивѣе всего дѣти, такъ это то, что Марія скрывала свои добрыя поступки отъ насъ всѣхъ. Но ничто ни худое ни хорошее не проходитъ безслѣдно, дѣти, и все тайное рано или поздно будетъ явнымъ. Хорошій поступокъ Маріи, наконецъ, открылся, и я радуюсь отъ всего сердца, что могу пожать, наконецъ, за него ея честную, благородную руку. Подойди ко мнѣ и обойми меня, дитя мое, — уже непосредственно къ самой Маріи обратилась старая гувернантка.

Я слушала и не вѣрила ушамъ. Я менѣе всего ожидала такого исхода. Краска бросилась мнѣ въ лицо и оно сейчасъ пылало отъ стыда, негодованія и злости на самое себя.

Искренно говорю, мнѣ хотѣлось провалиться сквозь землю въ ту минуту, хотѣлось закрыть глаза, заткнуть уши и бѣжать, бѣжать куда-нибудь безъ оглядки изъ этой комнаты, изъ этого дома, изъ этихъ мѣстъ. А Марія, растерянная и смущенная, стояла передъ миссъ Гаррисонъ, лепетала, заикаясь одну только фразу:

— Это не я ни... не я... увѣряю васъ... Это Люся. Она дала много денегъ... на которыя они купили машинку... одѣлись и обулись... А не я... не я...—Миссъ Гаррисонъ взглянула на меня мелькомъ и снова перевела взглядъ на Марію.

— Не спорю, что и Люся поступила хорошо,— произнесла она со своимъ обычнымъ олимпійскимъ спокойствіемъ,—но... но Люся дала отъ избытка то, что составляло роскошь для нея,

ты же, бѣдная дѣвушка, дѣлилась самымъ для тебя необходимымъ и притомъ ни одна душа не знала объ этомъ.—Показалось ли мнѣ или то было на самомъ дѣлѣ, но миссъ Гаррисонъ, какъ будто подчеркнула послѣднія слова. Подчеркнула ли, нѣтъ ли, но мнѣ стало вдругъ такъ стыдно, что слезы готовы были брызнуть изъ моихъ глазъ, а въ душѣ зашевелилось какое-то смутное чувство, еще не вполнѣ сознанное, туманное, непонятное чувство, далеко однако не оправдывающее маленькую Люсю.

VI.

ЗВОНИЛКА.

Былъ урокъ музыки у насъ, дѣвочекъ. Я тщательно выигрывала экзерсисы подъ наблюденіемъ Надежды Владимировны, толстенькой, румяной, шарообразной женщины, всегда волнующейся, всегда крикливой.

Уже болѣе года прошло со дня смерти бабушки. Постепенно привыкла я къ мысли, что никогда не увижу больше нашей милой, дорогой старушки, чьими заботами держался весь домъ. Теперь въ этомъ домѣ происходило что-то странное. Отецъ отсутствовалъ, по большей части, наблюдая за работами въ полѣ и на гумнѣ, или же хлопоталъ по дѣламъ имѣнія въ городѣ. Тетя Муся или часто просиживала взаперти въ своей комнатѣ и что-то писала, кажется, письма, или же носилась ураганомъ по дому, гремя ключами съ самымъ демонстративнымъ видомъ и выкрикивыя странныя, тогда еще непонятныя мнѣ слова о томъ, что еще она «жива де, слава

Богу» и, что «пока тамъ что будетъ», а хозяйкой себя она можетъ считать до поры до времени и въ этомъ «ея законное право». За обѣдами и чаемъ она сидѣла мрачнѣе тучи на бабушкиномъ мѣстѣ и поглядывала злыми глазами то на отца, то на Ганю, иной разъ и на меня. Тяжелы бывали эти обѣды. Всѣ молчали. Царило какое-то напряженіе. На исхудавшихъ щекахъ тети Муси горѣли пятна неровнаго румянца и глаза неспокойно поблескивали. Я теперь не узнавала моей недавно еще хорошенькой и молоденькой тетки. Ей было всего двадцать пять лѣтъ въ ту пору, но казалась она много старше своего возраста. Ея юношеская свѣжесть исчезла, казалось, безслѣдно. На прежде смѣющихся губкахъ теперь или застывала кислая улыбка, или онѣ были сжаты съ видомъ брезгливой покорности! Еще недавно ослѣпительный цвѣтъ кожи принялъ желтый оттѣнокъ. И одѣваться тетя Муся стала небрежно и даже неряшливо въ старые, затрапезныя платья, сидѣвшія на ней мѣшкомъ, и причесываться кое-какъ, сворачивая небрежнымъ жгутомъ свои прекрасные, бѣлокурые волосы.—«Не для кого. Въ этой трущобѣ и людей-то нѣтъ. Все равно, никто не увидитъ»,—рѣзко отвѣчала она на всѣ совѣты отца пріодѣться какъ слѣдуетъ.

Но возвращаюсь къ настоящему дню, запечатлѣвшемуся съ особенной яркостью въ моей памяти.

Весеннее солнце топитъ въ морѣ лучей бѣлый залъ графскаго дома. Быстрый свѣтовой зайчикъ скользитъ по стѣнѣ и роялю, перескакивая съ мѣста на мѣсто.

Меня ужасно интересуетъ этотъ бѣлый зайчикъ. Откуда онъ? Ударяются ли лучи солнца въ зеркало или въ металлическій подносъ, забытый на столѣ? Я думаю о зайчикѣ и беру вмѣсто do—re, вмѣсто sol—fa. Надежда Владиміровна сердится. А когда сердится Надежда Владимировна, то въ комнатѣ начинается такой крикъ, что хоть всѣхъ святыхъ выноси. Голосъ у нея пронзительный, рѣзкій, такой рѣзкій и пронзительный, что доставилъ бы честь любому фельдфебелю. И въ выраженіяхъ она не стѣсняется. «Тупица... бездарность... медвѣжье ухо»... такъ и сыплются нелестные эпитеты по моему адресу. Ани стоитъ съ трубочкой нотъ такъ, что мнѣ отлично видна ея смѣющаяся физіономія, скрытая отъ Надежды Владимировны, поднятой крышкой рояля. Ани стоитъ противъ меня и дѣлаетъ невозможныя гримасы. Чувствую, что не слѣдуетъ смотрѣть на нее, иначе расхохочусь. Но посмотрѣть такъ и тянетъ, такъ и тянетъ. Взглядываю однимъ глазкомъ и фыркаю на весь залъ. Надежда Владимировна, багровая отъ гнѣва, кричитъ: «Вы невозможная дѣвочка, Люся, и заниматься съ вами нѣтъ силъ. Ступайте вонъ и извольте сказать миссъ Гаррисонъ, что вы смѣялись за урокомъ».

Я совсѣмъ уничтожена такимъ непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла. Лицо у меня сконфуженное и смущенное, когда я, стараясь не смотрѣть на все еще гримасничающую Ани, поднимаюсь, какъ манекенъ, и деревянной походкой направляюсь къ двери. И вѣдь нужно же было случиться такъ, что моя правая нога запнулась за отвернутый некстати уголъ ковра, и я растянулась во всю свою длину посреди комнаты...

Теперь фыркнула Ани, а Надежда Владимировна вся такъ и загорѣлась отъ негодованія. «Безсовѣстная! — кричала она, дѣлая забавные жесты своими коротенькими пухлыми ручками.— Безсовѣстная! Мало ей, что сама заниматься не хочетъ, такъ она и другимъ еще мѣшаетъ. Графинюшка, да перестаньте вы смѣяться, ради Бога, вѣдь силъ никакихъ съ вами нѣтъ»!— обрушилась она теперь на хихикавшую подъ шумокъ Ани. Что же касается меня, то трясясь отъ охватившаго меня беззвучнаго смѣха, я быстро вскочила на ноги и бросилась за дверь. Но итти къ миссъ Гаррисонъ съ жалобой на самое себя совсѣмъ не входило въ мои расчеты. Въ дверяхъ классной мнѣ встрѣтилась Лили. Она дѣлала мнѣ какіе-то отчаянные знаки и лицо у нея было красное и крайне заинтересованное чѣмъ-то необычайнымъ.

— Иди сюда, молчи и слушай!—чуть внятнымъ шопотомъ произнесла, хватая меня за руку, маленькая швейцарка.

Въ слѣдующую затѣмъ минуту я очутилась у двери комнаты миссъ Гаррисонъ, смежной съ классной. Классная была пуста, изъ комнаты же англичанки доносились сюда негромкіе голсса. Одинъ голосъ принадлежалъ миссъ Гариссонъ, другой madame Клео. Они говорили по-французски.

— Молчи и слушай!—скомандовала еще разъ Лили, притягивая меня къ самой двери.

— Но я не хочу подслушивать, это нечестно,— слабо протестовала я, больше для очистки совѣсти, конечно.

— Даже когда дѣло косается одной тебя? Даже и тогда не хочешь? съ иронической улыб-

кой, сразу погубившей во мнѣ всѣ мои благія настроенія, спросила она.

Мой маленькій демонъ-искуситель разсчиталъ вѣрно. И аргументъ Лили пришелся какъ нельзя кстати. Могла ли я устоять противъ соблазна, когда дѣло шло обо мнѣ самой. Тихо, безшумно сдѣлала я послѣдній шагъ къ двери и припала ухомъ къ замочной скважинкѣ. Было великолѣпно слышно все, что они тамъ говорили. Сейчасъ особенно явственно звучалъ пониженный голосъ старой гувернантки.

— Что ни говорите, милая madame Клео, а бракъ этотъ не можетъ быть счастливымъ. Развѣ можно вступать въ семью, гдѣ belle-socur—настоящая истеричка, а дочь мужа отъ перваго брака — такой бѣсенокъ, за котораго ни на минуту поручиться нельзя.

— Но знаете, и она себя не дастъ въ обиду. Даромъ, что мягко стелетъ—жестко спать. Тихоня-тихоня, а какъ будетъ полновластной хозяйкой «Милаго»—увидите, не узнаете ее. Еще такая мачеха изъ нея выйдетъ, что и бѣсенка-Люсю къ рукамъ приберетъ!

— Дай-то Богъ! Положительно сладу нѣтъ съ дѣвочкой. Безчувственная какая-то. Я думала смерть старухи повліяетъ на ея характеръ, а, между тѣмъ она, кажется, и не вспоминаетъ свою добрую бабушку. Положительно у нея нѣтъ сердца.

— И зачѣмъ они только отложили на годъ эту свадьбу,—продолжалъ голосъ madame Клео за дверью.

— Но Боже мой, какъ же иначе, моя милая? Смерть старухи, трауръ и потомъ эта несчастная Марья Сергѣевна. Я думаю ради того,

чтобы не раздражать бѣдную дѣвушку, ея братъ откладываетъ послѣдній актъ всей этой трагикомедіи.

— Но вы вѣрите слухамъ, что старуха умерла съ горя, какъ только услышала отъ сына о его предстоящей женитьбѣ?

— Ну, это все вздоръ, моя милая. Глупыя городскія сплетни. Старая Ордынцова любила «эту»... Старая Ордынцова была настоящая леди, и мелочи жизни являлись чуждыми ея душѣ. Если кому-нибудь и пришелся этотъ бракъ не по сердцу, то только молодой хозяйкѣ...

— А вы думаете дѣвочка будетъ довольна имѣть мачеху?..

Послѣднюю фразу я едва-едва успѣла разслышать. Подозрительный шорохъ за дверью заставилъ насъ и Лили съ быстротою мячиковъ отпрыгнуть на середину классной. Затѣмъ, не разсуждая ни минуты, мы схватились за руки и пулями вылетѣть въ коридоръ. Тамъ, въ дальнемъ углу его, мы затиснулись обѣ въ промежутокъ между двумя шкапами, мѣсто, игравшее роль нашего убѣжища въ тѣ минуты, когда мы, дѣти, рѣшали важные вопросы жизни. Лили, Лили,—съ отчаяніемъ зашептала я,—что же все это, наконецъ, значитъ?

— Глупенькая Люся,—отвѣчала мнѣ покровительственнымъ тономъ моя сверстница,—неужели ты не поняла «тайны»?

— Тайны?—переспросила я, дѣлая большіе глаза.

— Ну да, тайны,—авторитетно подтвердила Лили тѣмъ же тономъ.—Это тайна твоего отца и всего вашего дома. И потомъ еще чья-то.

— Еще чья-то?—повторила я, какъ маньякъ.

— Ну, да? Неужели же и сейчасъ понять не можешь? Вотъ дурочка-то! Твой отецъ женится, Люся, и всѣ давно догадались объ этой тайнѣ.

— И Ганя?

— И Гликерія Николаевна, конечно, и твоя тетка. Оттого-то она и волновалась и нервничала все время. Конечно, непріятно уступить свое мѣсто хозяйки въ домѣ какой-то чужой женщинѣ.

— Чужой?

— Боже, до чего ты наивна, Люсечка! Конечно, чужой, вѣдь не можешь же ты считать твою будущую мачеху родною.

— Но я не хочу мачеху, не хочу!—почти крикнула я въ голосъ. Въ ту же минуту маленькая ручка Лили легла мнѣ на губы.

— Тише, сумасшедшая, тише, что ты хочешь, чтобы намъ влетѣло по первое число! — со злостью зашептала Лили, все еще зажимая мнѣ ротъ рукой.

«Мачеха! Мачеха! — проносилось въ моемъ мозгу.—Мачеха это, судя по сказкамъ, что-то злое, жестокое, придирчивое, созданное лишь для того, чтобы мучить бѣдненькихъ падчерицъ. Дальше этого мое понятіе о мачехѣ не шло. Между тѣмъ, обнявъ меня за плечи, Лили нашёптывала мнѣ въ ухо.

— Если ты порядочный человѣкъ, Люся, ты должна молчать о томъ, что мы слышали съ тобою сейчасъ. Должна дать мнѣ слово, что никто, никто, даже Гликерія Николаевна не услышитъ отъ тебя про вашу домашнюю тайну. Да, да, не услышитъ ни слова. Ты сдѣлаешь видъ, что не знаешь ничего. Давай слово, Люся, сейчасъ же давай, если ты порядочный и благородный

человѣкъ, — ужасно волнуясь, заключила моя собесѣдница.

Что касается меня, то мнѣ непремѣнно хотѣлось быть порядочнымъ и благороднымъ человѣкомъ, и я дала требуемое слово Лили. Но, Боже мой, что мнѣ стоило сдержать его, если-бы вы знали! Я предчувствовала мои грядущія муки по этому поводу, и чтобы какъ-нибудь впередъ получить за нихъ хотя бы крошечное вознагражденіе, обратилась къ Лили съ вопросомъ, крайне интересовавшимъ меня. «А ты не знаешь, кто будетъ моей мачехой, Лили»?

Она задумалась на минуту, потомъ улыбнулась таинственно. — Навѣрное, ничего не могу тебѣ сказать, но, кажется, если, не ошибаюсь, это—дочь нашего полицмейстера!

Боже мой! Этого еще не доставало! Я терпѣть не могла дочери нашего полицмейстера, крикливой, вѣчно хохочущей безъ толку и грубо ломающейся провинціальной барышни, одѣтой всегда въ кричащія платья съ толстой, претолстой косой, про которую злые языки говорили, что она фальшивая. Отъ ея рѣзкаго голоса и безпричиннаго смѣха оставался надолго шумъ въ ушахъ и какая-то пустота въ головѣ. Бабушка терпѣть ее не могла также и называла «звонилкой». И вотъ, этой «звонилкѣ» суждено было стать моей мачехой. Бѣдная Люся, бѣдная Люся!

Теперь, когда Лили открыла мнѣ глаза на все, многое стало мнѣ вдругъ понятнымъ изъ моего недавняго пережитаго, и случайно слышанный мною разговоръ двухъ дамъ больше года тому назадъ на бабушкиной панихидѣ и поведеніе тети Муси и постоянно задумчивое теперь настроеніе моей милой Ганички. Еще бы,

получить такую хозяйку въ домѣ, какъ «звонилка», можно отчего сойти съ ума!

На меня вдругъ напало какое-то дикое боевое настроеніе. Захотѣлось, во что бы то ни стало, спасти всѣхъ отъ этой злополучной «звонилки». А главное, самое себя.

— Знаешь что, Лили,—неожиданно обратилась я къ моей собесѣдницѣ,—этого допускать ни въ какомъ случаѣ нельзя, чтобы была счастлива одна «звонилка», а мы всѣ несчастны: тетя Муся, Ганя и я. И этой свадьбы не надо тоже... Я сдѣлаю такъ, что ея не будетъ. Я прямо скажу при всѣхъ противной «звонилкѣ»: «Уйдите вы отъ насъ, ради Бога. Мы васъ всѣ терпѣть не можемъ и просимъ не выходить замужъ за моего папочку. А если вы не послушаетесь меня, то я, то я»... Что бы тогда придумать намъ съ тобою, Лили? — обратилась я къ своей болѣе опытной сверстницѣ. Но отвѣта отъ нея я не дождалась. Послышался голосъ Гани, гулявшей съ мальчиками въ саду, пока мы брали урокъ у Надежды Владимировны.

— Лили, Люсечка, гдѣ вы? И мы птицами метнулись ей навстрѣчу . . . . . .

. . . . . .

Былъ чудесный день радостнаго мая. Весна въ этомъ году наступила дружная, ровная и теплая на рѣдкость. Въ началѣ ея стояло настоящее лѣтнее тепло. Въ лѣсу давно уже зацвѣли ландыши и ихъ цѣлыми ароматными букетами намъ доставлялъ лѣсникъ Иванъ, тотъ самый Иванъ, котораго мы съ Ани приняли когда-то за лѣшаго. Теперь между мной и Иваномъ установилась самая трогательная дружба. Онъ бало-

валъ меня напропалую и постоянно снабжалъ настоящими лѣсными приношеніями. То притащитъ мнѣ изъ лѣсу большой пукъ цвѣтовъ, то хорошенькую, яркую зеленую ящерицу, то корзиночку спѣлой лѣсной земляники или живого птенчика-трясогузку.

Давно уже приглашалъ Иванъ насъ всѣхъ къ себѣ въ лѣсъ на маевку, соблазняя и чудеснымъ весеннимъ воздухомъ, и лѣсными ландышами, покрывавшими въ изобиліи огромную поляну, находившуюся въ полуверстѣ отъ сторожки, и печеньемъ въ золѣ картошки, и кострами, и варкой кашицы на вольномъ воздухѣ. Мой отецъ съ удовольствіемъ ухватился за эту мысль. И ему, уставшему со всѣми хлопотами, захотѣлось отдохнуть немного душой и развлечься. Рѣшено было устроить пикникъ въ лѣсу. Какъ этого не нехотѣлось тетѣ Мусѣ, но пришлось-таки пригласить кое-кого изъ городскихъ знакомыхъ. Должны были принять участіе въ пикникѣ помимо насъ и нашихъ друзей изъ графской усадьбы еще нѣсколько офицеровъ мѣстнаго гарнизона съ ихъ женами, казначей съ тремя дочерьми, сверстницами тети Муси и, наконецъ, полицмейстеръ, полковникъ Крачковъ со своей столь ненавистной мнѣ дочерью Липочкой.

Съ самаго утра я чувствовала себя уже въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи. Это не была радость. Нѣтъ. Правда, пикникъ съ его неизбѣжной суетою не могъ не нравиться мнѣ, но онъ былъ уже заранѣе отравленъ присутствіемъ на немъ Липочки Крачковой. А разъ должна была присутствовать Липочка, я считала необходимымъ привести задуманный мною планъ въ исполненіе сегодня же, да, именно, сегодня!

Я не вдавалась въ подробности того, что я скажу Липочкѣ и что я сдѣлаю съ нею. Я хотѣла только одного: хотѣла дать ей понять, во что бы то ни стало, что ея появленіе въ нашемъ домѣ въ качествѣ хозяйки и моей мачехи будетъ всѣмъ намъ въ высшей степени нежелательно и непріятно. Дальше этого моя мысль не шла. «Сегодня или никогда!»—рѣшила я твердо и вся подтянулась, готовая къ борьбѣ. Никто изъ дѣтей д'Обернъ, ни дома, не знали о томъ, что тайна будущей папиной женитьбы для меня уже не представляетъ собою тайны. Но какимъ-то чудомъ я сумѣла на этотъ разъ удержать языкъ за зубами и само это молчаніе уже какъ будто возвышало меня въ моихъ собственныхъ глазахъ.

— Что съ тобой, Люся, какая ты торжественная нынче? — не могла не замѣтить Ганя при видѣ моего значительнаго лица и о чемъ-то недоговорящихъ глазъ. Но я только взглянула на нее и придала моему лицу еще болѣе сосредоточенное, значительное выраженіе; не было никакого сомнѣнія въ томъ, что оно казалось въ достаточной мѣрѣ глупымъ въ ту минуту.

Къ четыремъ часамъ, едва мы только успѣли отобѣдать, стали съѣзжаться гости. Сборнымъ пунктомъ была назначена наша усадьба, какъ лежащая въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лѣсомъ. Первыми пріѣхали молодые д'Обернъ съ ихъ гувернантками, Лили и Марія Клейнъ. За ними слѣдомъ явились и городскіе гости. Какой-то толстый капитанъ съ чрезвычайно тощею женой и старухой тещей, потомъ молодожены, поручикъ Яновъ и его совсѣмъ еще юная супруга, на которую онъ не могъ налюбоваться въ достаточной мѣрѣ, и которая казалась под-

росткомъ-дѣвочкой, и двое молоденькихъ подпоручиковъ, Назимовъ и Парчинъ. Наконецъ сѣдовласый казначей Степановъ съ дочерьми Таней и Симой и Шурой и полицмейстеръ, полковникъ Крачковъ со своей дочерью Липочкой. Когда я увидѣла Липочку, подъѣзжающую въ коляскѣ рядомъ съ ея отцомъ къ крыльцу нашего дома, увидѣла ея довольно полную, нескладную фигуру и смѣющееся недурное лицо съ пышущими румянцемъ щеками и маленькими всегда смѣющимися глазками, увидѣла ея нарядное платье, шляпу и единственное сокровище Липочки ея нарѣдкость толстую и длинную русую косу, густоты неимовѣрной, которою справедливо гордилась сама Липочка и которою восторгались всѣ при первомъ же взглядѣ на эти рѣдкіе по красотѣ и обилію волосы, — итакъ и при видѣ Липочки съ ея глупенькимъ лицомъ и чудесной косою, я, буквально, зажглась отъ злобы и ненависти къ ней. Пока гости здоровались и обмѣнивались привѣтствіями, я отвела въ сторону Лили и зашептала, дрожа отъ волненія:

— Ты увидишь, увидишь, что будетъ сегодня. Ужъ угощу же я ее, будетъ меня помнить, противная!

— А что же ты сдѣлаешь? — полюбопытствовала та, и ея каріе глазки такъ и заискрились.

— Увидишь,—лаконически бросила я, сама еще не зная въ точности, что я сдѣлаю съ ненавистной мнѣ Липочкой.

Между тѣмъ вся компанія направилась въ лѣсъ. Мы дѣти побѣжали впередъ. Старшіе, оживленно разговаривая, направились слѣдомъ за

нами. Позади общества ѣхала телѣга съ самоваромъ, посудой, закусками и винами. Ею управлялъ кучеръ Василій, а въ телѣгѣ, держа въ рукѣ два круглые картона съ тортами, заказанные къ этому дню въ городской кондитерской, ѣхала Ольга, тоже очень довольная сегодняшнимъ пикникомъ.

До сторожки лѣсника шли очень медленно, то и дѣло останавливались по дорогѣ, срывая цвѣты, собирая сосновыя шишки для самовара и хворостъ для костра, и все это складывали въ телѣгу подъ начало Ольги.

Въ сторожкѣ насъ уже ждали. Лѣсникъ Иванъ и его старуха-мать вышли къ намъ навстрѣчу съ низкими поклонами. Былъ сдѣланъ небольшой привалъ, выпили чудеснаго игристаго кваса, удивительно вкусно приготовленнаго старухой Секлетеей, послѣ чего ея сынъ вызвался проводить насъ на ландышевую поляну. Идя туда между Этьеномъ и Лили, я нѣсколько разъ оглядывалась на отца, который велъ подъ руку старую тещу капитана, но говорилъ все время только съ одною Липочкой. Липочка же смѣялась непрерывно своимъ звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ, откидывая голову назадъ и смѣшно разводя пухлыми ручками. Иногда она подзывала Ганю и что-то нашёптывала ей. И моя милая Ганичка очень благосклонно посматривала на противную «звонилку», не закрывавшую ни на минуту рта.

— Ага, и Ганя за нее,—ну хорошо же,—злилась я въ глубинѣ моей души безсильной дѣтской злобой, ненавидя все больше и больше съ каждой минутой противную «звонилку».

Но та какъ будто и не замѣтила моихъ чувствъ по отношенію къ ней. Какъ ни въ чемъ не бывало,

поманила она меня къ себѣ пальцемъ. Я сдѣлала видъ, что не замѣчаю ея маневра. Тогда отецъ обратился ко мнѣ:

— Иди же, Люся. Олимпіада Ивановна желаетъ спросить тебя о чемъ-то.

Теперь, при такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣла ослушаться было положительно невозможно. И скрѣпя сердце, со стиснутыми губами и злымъ, какъ у волчонка, взглядомъ исподлобья, я подошла.

— Вамъ весело, Люся?—любезно улыбаясь, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ Липочка, готовая уже заранѣе смѣяться, каковъ бы ни получился мой отвѣтъ.

— Нѣтъ, не весело!—отвѣчала я съ вызывающимъ видомъ и тѣми же злыми глазами на разстроенномъ и взволнованномъ лицѣ.

Отецъ нахмурился. Ганя взглянула на меня растерянно своими большими голубыми глазами.

— Люся, что съ тобою!—шепнула она предостерегающе.

Но увы! было уже поздно. Я какъ говорится, съ цѣпи сорвалась въ тотъ мигъ.

— Ну да, не весело,—повторила я, тряхнувъ головою и продолжая дерзко и вызывающе смотрѣть въ широко раскрытые отъ удивленія глаза Липочки,—потому что здѣсь съ нами тѣ, кто мнѣ совсѣмъ не нравится и кого я терпѣть не могу!

Эффектъ отъ моихъ словъ получился неожиданный. Липочка громко, раскатисто захохотала, впрочемъ, не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ, кажется. Капитанская теща значительно поджала губы, Ганя проронила тихое, испуганное «ахъ», а мой отецъ... Никогда не забуду того суроваго гнѣвнаго выраженія, которымъ

дышало тогда обыкновенно доброе папино лицо! Но за то, я сама чувствовала себя прекрасно: «Молодецъ, Люся, такъ, такъ, молодецъ! Надо было подчеркнуть «ей», противной этакой, что не очень-то ей рады, пусть не воображаетъ!»—мысленно подбадривала я себя. Потомъ неожиданно весело крикнула:

— Этьенъ! Вадя! Побѣжимъ впередъ, ландыши рвать! — и, что было прыти помчалась по лѣсной дорогѣ, нимало не заботясь о томъ впечатлѣніи, которое оставила своими словами тамъ, позади себя.

Что за чудесное зрѣлище открылось нашимъ глазамъ! Бѣлые, нѣжные, словно сказочные цвѣты, похожіе на рѣдкія по выполненію игрушки изъ тончайшаго севрскаго фарфора, какъ первый бѣлый зимній снѣгъ покрывали поляну. Изумрудные листья красиво оттѣняли ихъ сказочную бѣлизну. Милые, милые бѣлые колокольчики ландышей, какъ они радовали сердце своимъ невиннымъ, праздничнымъ видомъ, какъ ласкали глазъ! При видѣ ихъ я забыла свою злость, негодованіе на Липочку, всю такъ остро переживаемую мною злосчастную исторію съ мачехой и почти съ благоговѣйнымъ восторгомъ стала срывать цвѣты. Ани, Марія, Лили и мальчики не отставали отъ меня. Скоро руки наши были

полны бѣлыхъ пучковъ этихъ очаровательныхъ цвѣтовъ.

Между тѣмъ, взрослые при помощи лѣсника Ивана выбрали мѣсто для маевки. Туда же направилась и телѣга съ посудой и провизіей. Молодежь пошла собирать хворостъ для костра въ глубину лѣса, и мы, дѣти, тотчасъ же присоединились къ ней.

Понемногу наступили сумерки. Солнце утонуло за вершинами сосенъ. Въ чащѣ лѣса стало темно. Въ десятомъ часу развели костры. Стали печь картошку, варить пшенную кашицу, какъ это дѣлаютъ дровосѣки на работѣ въ лѣсу. Но врядъ-ли кто изъ гостей отвѣдалъ этой перегорѣвшей кашицы и уже совершенно обуглившейся картошки. Зато намъ, дѣтямъ, они понравились гораздо больше тѣхъ изысканныхъ закусокъ и всякихъ консервовъ въ баночкахъ, которыя были доставлены сюда въ лѣсъ, на телѣгѣ.

Къ десяти часамъ стало совсѣмъ темно въ лѣсу, и яркій огонь костра среди мрачныхъ таинственныхъ великановъ дубовъ и сосенъ казался какимъ то фантастическимъ зрѣлищемъ. Прислуга разостлала ковры на травѣ неподалеку отъ огня. Поверхъ одного изъ нихъ положили скатерть. Уставили этотъ импровизованный столъ закусками, винами, и пиръ начался...

— Не скажешь, не скажешь, не скажешь!
— А я тебѣ говорю, что скажу.
— А я говорю, что не скажешь!
— А вотъ увидишь и услышишь.

— Ой, Люсенька, не хвались даромъ, струсишь...

— Ага, когда такъ...—Я смѣриваю уничтожающимъ взглядомъ Лили, которая шопотомъ вотъ уже нѣсколько минутъ споритъ со мною о томъ, что мнѣ не подойти ни за что къ Липочкѣ и не спросить у нея самой простой и самой обыкновенной вещи: привязная у нея коса или своя. Я и моя достойная собесѣдница имѣемъ основаніе думать, что Липочкина коса—фальшивая, какъ думала также прежде и тетя Муся, не стѣснявшаяся высказывать свое мнѣніе вслухъ, какъ думаютъ и городскія кумушки. Что коса фальшивая—за это говоритъ еще и неравномѣрность Липиныхъ волосъ. Внизу коса—толстая, а на темени и вискахъ совсѣмъ обыкновенные волосы, не густые и не жидкіе, какъ и у насъ грѣшныхъ. Такъ почему бы и не сказать ей этого? Почему бы не сконфузить эту противную «звонилку»?.. Хоть разъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ глупо хохотать, а смутится, растеряется, покраснѣетъ... Вотъ то будетъ славно! Смутится и покраснѣетъ—куда какъ хорошо!

Не разсуждая больше, я рѣшительно поднимаюсь съ ковра, на которомъ сидѣли мы, дѣти, подъ начальствомъ миссъ Гаррисонъ и madame Клео (моя Ганя, сидитъ между папочкой и тетей Мусей среди гостей и храбро направляюсь въ сторону Липочки, которая находится въ кругу молодежи и глупо смѣется по своему обыкновенію на каждую шутку, совершенно не въ зависимости отъ того, остроумна та или нѣтъ.

Взглядомъ бойца, готовившагося къ битвѣ, я осматриваю предстоящее мнѣ поле дѣйствія.

Пока что обстоятельства складывались великолѣпно. Папа, Ганя и тетя Муся сидятъ въ отдаленіи между болѣе солидными гостями: капитанской тещей, полицмейстеромъ и казначеемъ. Около Липочки же тѣснятся, три «казначейши» какъ называютъ въ городѣ барышень Степановыхъ, два молоденькіе подпоручика и молодожены, воркующіе между собою какъ голубки.

Я рѣшительнымъ шагомъ направляюсь къ этому кружку. Ничего не подозрѣвавшая Липочка вскидываетъ на меня смѣющимися глазами:

— Ну, что развеселились хоть немного, Люсенька? ха, ха, ха,—обращается она ко мнѣ со своимъ «хроническимъ» смѣхомъ, очевидно, не подозрѣвая ни малѣйшаго злого умысла съ моей стороны.

Я взглядываю въ сторону Лили, не переставшей слѣдить за мной издалека жаднымъ любопытнымъ взглядомъ, и, какъ бы приглашая ее въ свидѣтели посмотрѣть на то, что сдѣлаетъ храбрая умница Люся, киваю ей головой. Потомъ, снова перехожу глазами на круглое смѣющееся лицо Липочки.

— Почему, однако, у васъ такой торжественный нынче видъ, Люся? — съ тѣмъ же своимъ обычнымъ смѣхомъ обращается ко мнѣ Липочка.

— А зачѣмъ вы носите фальшивую косу?— дерзко спрашиваю я ее, не отвѣчая на ея вопросъ. И глаза мои полнымъ ненависти взглядомъ обѣгаютъ въ одинъ мигъ всю ея полную тяжеловатую фигуру.

— Что?

Сразу затихли смѣхъ и болтовня на этомъ концѣ импровизованнаго стола. Глаза молодыхъ людей и барышень устремились на меня съ явнымъ неудовольствіемъ. Сама-же Липочка вспыхнула до ушей и смущенно неестественно посмѣиваясь, проговорила:

— Почему вы думаете, что я должна носить фальшивую косу, Люсенька?

Я улыбнулась великолѣпной улыбкой презрѣнія, какъ мнѣ это, по крайней мѣрѣ, показалось самой, и проговорила совсѣмъ уже дерзко:

— Да потому, что коса-то у васъ толстая, а на самой головѣ волосъ не очень много... Это не я одна говорю, а многіе такъ думаютъ. И я снова торжествующимъ взглядомъ обвела гостей. «Ага, какова я? Каковъ молодецъ я, Люся»? казалось, говорилъ этотъ взглядъ. Но, очевидно, никто изъ присутствующихъ не соглашался со мною. Сама «звонилка» хохотала теперь самымъ беззаботнымъ веселымъ смѣхомъ. Два молоденькіе подпоручика вторили ей, а три «казначейши» бросились къ Липочкѣ и, цѣлуя ее румяныя щеки, кричали, перебивая другъ друга: «Душечка, милочка Олимпіада Ивановна, цыпочка, докажите же этой глупышкѣ, какъ она не права! Покажите ей во всей красотѣ ваши чудесные волосы»! и прежде, чѣмъ Липочка могла опомниться, шпильки выскочили изъ ея косы при благосклонномъ участіи проворнымъ ручекъ трехъ сестеръ, и тяжелый жгутъ Липочкиныхъ свѣтлорусыхъ волосъ соскользнулъ съ темени, обволакивая въ одинъ мигъ своею густой непроницаемой пеленою ея спину, плечи, всю ея толстенькую, неуклюжую фигурку. Я никогда ни до того случая ни послѣ того не встрѣчала въ

жизни такого обилія, такого рѣдкаго богатства волосъ. Это было дѣйствительно что-то прекрасное. И ни только шумно восторговавшіеся Липочкинымъ сокровищемъ гости, но и сама Липочка великолѣпно сознавала это.

Не даромъ же смѣялась она счастливымъ радостнымъ смѣхомъ, поглядывая на пушистыя пряди этихъ роскошныхъ, мягкихъ и свѣтлыхъ волосъ.

— Ха, ха, ха, — смѣялась Липочка, закидывая назадъ голову—ха, ха, ха, ха! Что вы сдѣлали со мною, совсѣмъ растрепали меня, ха, ха, ха!

Этотъ счастливый, беззаботный смѣхъ, а главное, мои обманутыя ожиданія и наглядное торжество Липочки окончательно взорвали меня. О, какъ ненавидѣла я ее сейчасъ, смѣющуюся, торжествующую съ этимъ ея богатствомъ рѣдкостно—прекрасныхъ волосъ, съ ея самодовольнымъ видомъ и неуклюжей фигурой. Мнѣ захотѣлось обидѣть ее сейчасъ такъ больно, чтобы она сразу перестала смѣяться, чтобы смутилась и заплакала, а еще лучше зарыдала бы отъ злости и униженной гордости навзрыдъ. И не отдавая себѣ отчета въ томъ, что сдѣлаю и что скажу сейчасъ, я ближе шагнула по направленію къ Липочкѣ и грубо-грубо проговорила, не сводя съ нея глазъ:

— Ну, а зачѣмъ вы постоянно хохочете безъ причины?

— Какъ?

Ротъ Липочки открылся отъ неожиданности, глаза расширились и какое-то испуганное и недоумѣлое выраженіе отразилось на ея лицѣ. Смѣхъ ея оборвался сразу. Яркій, густой румя-

нецъ залилъ щеки. Не давъ ей опомниться, я съ неожиданной для всѣхъ рѣзкостью, выпалила, покраснѣвъ отъ волненія, какъ ракъ:

— Ну да, смѣетесь безъ причины. А знаете пословицу: «Кто смѣется безъ причины, тотъ»...

Я не успѣла докончить моей фразы, не успѣла насладиться слезами Липочки, брызнувшими у нея въ ту же минуту изъ глазъ, не успѣла услышать тѣхъ нелестныхъ замѣчаній, которыя щедро отпускались на мой счетъ тремя «казначейшами»... Не успѣла потому, что въ ту же минуту поднялся съ ковра полицмейстеръ, очевидно, не замѣтившій происходившей у насъ сцены и, высоко поднявъ бокалъ съ искрившимся въ немъ шампанскимъ, произнесъ громкимъ голосомъ на всю поляну:

— Mesdames et monsieurs! Я радъ, что мнѣ первому выпало счастье привѣтствовать молодую чету будущихъ супруговъ, радъ, что привѣтствіе мое обращено къ нимъ не при обыкновенной, шаблонной обстановкѣ, а среди чудеснѣйшей природы нашего поэтичнаго уголка. Дивный майскій вечеръ, великаны дубы и сосны, зеленая молодая весенняя травка и бѣлое царство ландышей служитъ поэтическимъ фономъ къ зарѣ новаго счастья двухъ любящихъ сердецъ! Дай Богъ, чтобы и дальнѣйшая жизнь Сергѣя Сергѣевича и его невѣсты проходили такъ же молодо свѣтло и ярко, какъ этотъ молодой, свѣжій и яркій майскій вечеръ. Поднимите же ваши бокалы въ честь жениха и невѣсты, господа!—тутъ полицмейстеръ залпомъ осушилъ свой бокалъ и бросилъ опустошенный на траву. Гости съ шумомъ поднялись со своихъ мѣстъ и съ веселыми восклицаніями устремились къ моему отцу. Я

никогда въ мірѣ не забуду этой минуты. Какимъ отчаяніемъ наполнилось мое сердце! Какъ мучительно затрепетала болью разочарованная неподдѣльнымъ настоящимъ горемъ моя маленькая душа. Хотѣлось убѣжать куда-нибудь въ лѣсъ, подальше, въ самую чащу, въ самые дебри, чтобы не видѣть и не слышать никого и ничего... а больше всего я боялась встрѣтиться глазами со взоромъ Липочки. Какъ она должна была торжествовать сейчасъ, эта ненавистная невѣста моего отца, моя будущая мачеха, дѣвушка, отнявшая отъ меня съ этой минуты всю мою радость, весь мой покой милаго беззаботнаго дѣтства! Въ отчаяніи я закрыла лицо руками, забывъ въ эту минуту обо всѣхъ тѣхъ, кто окружалъ меня. Мое сердце билось такъ сильно, что, казалось мнѣ, я слышала его неровные мучительно-громкіе стуки. Ахъ, мнѣ искренно хотѣлось умереть, исчезнуть въ тотъ мигъ. Не помню, сколько времени я такъ простояла съ закрытымъ руками лицомъ, съ невидящими глазами и бьющимся какъ подстрѣленная птица сердцемъ... Я слышала смутно, какъ сквозь сонъ, звонъ бокаловъ, громкія привѣтствія, веселые голоса.

Вдругъ кто-то крѣпко и нѣжно обвилъ мои плечи руками.

— А ты меня не хочешь поздравить, Люся моя? Ты не хочешь поцѣловать меня, моя милая злая дѣвочка? Или ты не рада тому, что мы теперь никогда не разстанемся съ тобою, что я буду женой твоего папы?

Что это? Во снѣ это или на яву?.. Я узнаю этотъ милый голосъ изъ тысячи, я нѣжно люблю его, а его чудесную обладательнину еще силь-

нѣе, еще больше. Отрываю руки отъ лица... Такъ и есть... она!.. Это она... Она моя Ганя, моя любимая, моя родная!

На мигъ все путается въ моей головѣ...

Мелькаетъ нелѣпая мысль о женитьбѣ отца на Липочкѣ... Затѣмъ ясно и свѣтло дѣлается и въ головѣ и на сердцѣ.

— Такъ это вы, вы... а не она... не «звонилка» вы будете моей мамой!..—шепчу я съ растерянным лицомъ и счастливой улыбкой, глядя виноватыми молящими глазами въ лицо Гани.

— А ты, какъ будто, и не рада этому, дѣвочка?— шепчетъ она ласково и грустно. Я едва даю ей договорить. Я дѣлаюсь какъ помѣшанная. Я плачу и смѣюсь въ одно и то же время. Потомъ бросаюсь на шею Ганѣ и цѣлую, цѣлую ее безъ конца. Подходитъ отецъ, улыбающійся, довольный, съ искорками счастья въ добрыхъ серьезныхъ глазахъ.

— Я рада, папочка, я такъ рада!—обнимая и цѣлуя его, лепечу я. Потомъ вспоминаю сразу мою дерзость, обиду, нанесенную «звонилкѣ», мое отчаяніе, и стремительно бросаюсь къ Олимпіады Ивановнѣ, обнимаю ее, еще смущеную, еще не опомнившуюся отъ ея волненія, крѣпко цѣлую ея толстенькую мордочку, окруженную пышными волосами и шепчу въ ея разгорѣвшееся малиновое ушко:

— Я была... глупа... Я была дерзка... простите меня... ради Бога, простите!

. . . . . .

. . . . . .

Все послѣдующее казалось мнѣ продолженіемъ какой-то свѣтлой, радушной сказки. Помню, въ тотъ вечеръ еще разъ пили за здоровье

моего отца и его невѣсты Гликеріи Николаевны Родіоновой. Потомъ будущихъ супруговъ осыпали ландышами, собранными нами, дѣтьми, на лѣсной полянѣ. Потомъ гости пѣли имъ «славу». Было весело и хорошо. Я не отходила отъ моей будущей матери и слѣдовала по пятамъ за ней, какъ маленькій пажъ за своей королевой, преданно и влюбленно глядя ей въ глаза. Сама судьба, казалось, подслушала мое желаніе никогда не разставаться съ моей милой Ганичкой и рѣшила исполнить его. Оказывается, уже больше года мой отецъ и Ганя любили другъ друга, но отложили свадьбу только по случаю смерти бабушки. Отецъ мой, зная мою горячую привязанность къ его невѣстѣ, хотѣлъ сдѣлать мнѣ пріятный сюрпризъ и до времени не говорилъ мнѣ ни слова о предстоящей своей женитьбѣ на моей любимицѣ. Теперь же, когда я узнала обо всемъ, мы трое стали неразлучны.

На другое утро послѣ помолвки я съ папочкой и Ганей отправились въ городъ на кладбище съ вѣнками, сплетенными Ганей и мною, изъ бѣлыхъ ландышей, нарванныхъ въ лѣсу. На соборномъ погостѣ подлѣ могилы бабушки находилась другая дорогая могила. Въ ней подъ бѣлымъ мраморнымъ памятникомъ лежала моя мать. Я не помнила моей матери. Она умерла, когда я была еще грудным ребенкомъ, умерла послѣ перенесенной тяжелой болѣзни легкихъ. Я знала по разсказамъ, что это было какое-то исключительно доброе, свѣтлое и благородное существо, любимое всѣми.

Теперь передъ ея могилой склонила колѣни Ганя. Я долго помнила то выраженіе, которое было тогда на ея миломъ, всегда кроткомъ и

спокойномъ личикѣ. Трогательна была ея маленькая почти дѣтская фигурка, склонившаяся у подножія креста. А въ голубыхъ глазахъ было столько беззавѣтной любви и покорности, столько смиренія и чистоты, что мнѣ, экзальтированной дѣвочкѣ съ пылкимъ воображеніемъ и мятежной фантазіей, Ганя показалась въ тѣ минуты святою. О чемъ она молилась тогда я не знаю, но помню, какъ возвращаясь къ ожидавшему насъ у воротъ кладбища экипажу, она говорила моему отцу:

— Вѣрьте мнѣ, Сергѣй, что я приложу все мое стараніе, всѣ мои силы дать счастье вамъ и моей маленькой Люсѣ. Пусть ваши дорогія усопшія вѣрятъ мнѣ, вѣрятъ и будутъ спокойны въ загробномъ мірѣ за васъ обоихъ—и моя любовь къ вамъ и Люсѣ послужитъ порукой этимъ моимъ словамъ...

— Вы нашъ ангелъ хранитель, Ганя!—отвѣчалъ мой отецъ, почтительно и нѣжно поднося къ губамъ ея маленькую ручку, въ то время какъ другою, свободною рукою она обнимала меня.—И я никогда не забуду того, что вы сдѣлали для Люси и для меня!

Послѣ Петровокъ они вѣнчались. Это была очень скромная свадьба, безъ гостей, безъ помпы. Помню, по возвращеніи молодыхъ изъ церкви, куда ихъ сопровождали только я да два сосѣднихъ помѣщика (тетя Муся оставалась дома, ссылаясь на головную боль), толпа крестьянъ встрѣтила насъ у крыльца и осыпала спѣлымъ зерномъ отца и Ганю.

— Живи привольно, живи богато, князь молодой со своей княгинюшкой!—приговаривали

они при этомъ. Потомъ ихъ угощали пирогами и водкой у насъ на кухнѣ, и горничная Ольга плясала русскую съ кузнецомъ Степаномъ. А передъ обѣдомъ (вѣнчаніе происходило утромъ послѣ обѣдни) вышла изъ своей комнаты тетя Муся и, холодно поздравивъ молодыхъ, передала Ганѣ связку ключей, которую обыкновенно носила въ карманѣ со дня смерти бабушки. «Вотъ, молодая хозяюшка, получайте. Ваша забота теперь, а я ухожу въ отставку... за ненадобностью,— съ кислой улыбкой проговорила она. Отецъ нахмурился и затеребилъ усы (привычка, преслѣдовавшая его въ минуты волненія), но Ганя быстро обняла и крѣпко поцѣловала тетю Мусю въ обѣ щеки и поспѣшно проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога Марья Сергѣевна! не смѣйтесь надо мною. Какая же я хозяйка?

— Вѣдь я и молока-то отъ сливокъ отличить не умѣю. Да и до хозяйства ли мнѣ? И безъ него дѣла по горло... Однѣ занятія съ Люсей круглый день берутъ. Ужъ будьте великодушны избавьте меня отъ хлопотъ по хозяйству.—И Ганя такъ искренно сказала это, такъ нѣжно поцѣловала вслѣдъ затѣмъ тетю Мусю, что кислая улыбка на лицѣ послѣдней замѣнилась довольной, и все осунувшееся брезгливо-надутое за послѣднее время лицо моей тетки какъ-то сразу просіяло и расцвѣло...

VII.

ЭКЗАМЕНЪ.

— Люся, ты готова, ѣдемъ!

— Неужели, уже пора, мамочка?

— Что это? Моя дѣвочка боится, какъ-будто? А я и не думала, что у меня будетъ такая трусиха дочка?—шутитъ Ганя, но сквозь эту шутку и кажущуюся бодрость я не могу не замѣтить, какъ она волнуется, гораздо болѣе волнуется, нежели я сама, пожалуй. Вотъ уже годъ, какъ Ганя стала женою моего отца и моей милой мамочкой и до сихъ поръ мы не можемъ надышаться другъ на друга. Я рѣшительно заявила въ первую же недѣлю послѣ ихъ свадьбы, что хочу называть ее мамой и она, разумѣется, поторопилась дать мнѣ на это свое согласіе. Теперь я не могла допустить мысли даже, что было такое время въ моей жизни, когда я не знала Гани, не пользовалась ея заботами, ласками и нѣжными поистинѣ материнскими попеченіями обо мнѣ. Впрочемъ, то же самое должны были думать и другіе. Ганя положительно обворожила всѣхъ. Не говоря уже о моемъ отцѣ, боготворившемъ эту маленькую, кроткую, всегда ровную, всегда ласковую со всѣми и обо всѣхъ заботившуюся женщину, весь домъ считалъ мою милую новую мамочку настоящимъ ангеломъ-

хранителемъ семьи. Даже всѣми всегда недовольная, поминутно раздражающаяся по пустякамъ тетя Муся и та стихала въ присутствіи Гани и слушала многіе благіе совѣты своей невѣстки. Я же не отходила отъ Гани не на шагъ, заявляя самымъ деспотическимъ образомъ мои права на нее. Мы гуляли, готовили мои уроки вмѣстѣ и постоянно вмѣстѣ же ѣздили въ классы въ графскую усадьбу. Словомъ теперяшняя жизнь Гани въ нашемъ домѣ совсѣмъ не отличалась отъ той, которую она вела до брака съ моимъ отцомъ.

Она такъ много и ревностно занималась мною, что часто и мой отецъ и тетя Муся говорили нашей любимицѣ: «Ганя, да отдохни ты ради Бога, вѣдь нельзя же взрослому человѣку вѣчно довольствоваться дѣтскимъ обществомъ. Постоянно Люся, одна только Люся, Люся и Люся вездѣ и всюду съ тобой, вѣдь этакая жизнь, въ концѣ-концовъ, и надоѣсть можетъ!

— Ну, ужъ это вы ошибаетесь, мои дорогіе; Люся мнѣ никогда не надоѣстъ, потому что мы съ нею друзья и, кажется, любимъ другъ друга,—ласково прищуривъ на меня свои добрые голубые глаза, отвѣчала Ганя.

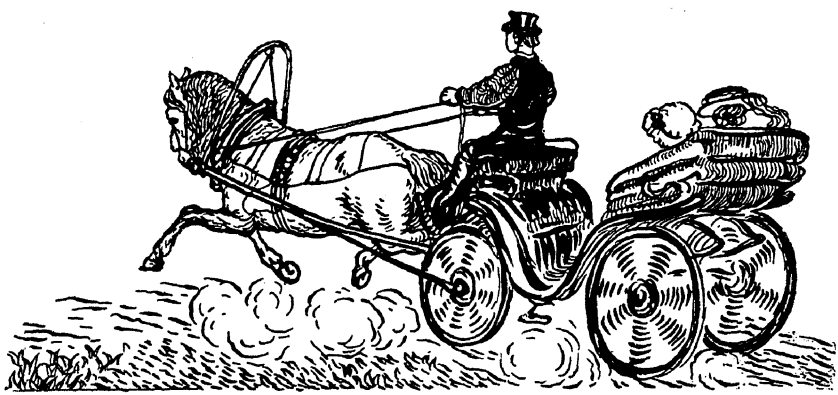
Такъ прошелъ этотъ годъ, полный радостнаго покоя для всѣхъ насъ вообще и для меня включительно. Наступило одно изъ важнѣйшихъ событій моего отрочества: провѣрка моихъ знаній, иначе сказать экзаменъ при реальномъ училищѣ нашего провинціальнаго городка. Нашими учителями и воспитателями было рѣшено отэкзаменовать насъ при училищѣ, чтобы знать, сколько усвоено нами, то-есть дѣтьми д'Обернъ, Лили, Маріей и мною за учебные годы дома,

а затѣмъ приступить уже къ дальнѣйшему нашему образованію.

Старый графъ продолжалъ жить и лечиться за границей, изрѣдка наѣзжая въ «Анино» на мѣсяцъ, на два. Обѣ старшія дочери его Лизъ и Китти были уже замужемъ, одна въ Италіи, другая въ Парижѣ. Графъ поговаривалъ теперь все чаще и чаще во время своего пребыванія на родинѣ о томъ, что скучаетъ, тяготится одиночествомъ и желаетъ взять Ани за границу съ собою, мальчиковъ же отдать въ училище правовѣдѣнія или въ лицей въ Петроградѣ. Но прежде необходимо было, по его мнѣнію, провѣрить ихъ знанія самымъ серьезнымъ образомъ при какомъ-нибудь учебномъ заведеніи. И вотъ насъ стали усиленно готовить къ экзамену. Теперь мы съ Ганей цѣлые дни проводили у д'Обернъ. Классныя занятія не прерывались до поздняго вечера и только къ вечернему чаю мы успѣвали возвратиться домой. Не знаю, какъ дѣти д'Обернъ, Лили и Марія, но я волновалась въ ожиданіи предстоящихъ мнѣ экзаменовъ ужасно. Я бредила по ночамъ тѣмъ, что заучивала днемъ. Иногда вскакивала среди ночи съ постели, чтобы повторить пройденное. Мнѣ, такой тщеславной и болѣзненно самолюбивой по натурѣ, хотѣлось отличиться, во чтобы то ни стало, хотѣлось выдержать экзамены самымъ блестящимъ образомъ и затмить моихъ сверстниковъ по части знанія пройденныхъ предметовъ.

Вотъ почему я такъ сильно волновалась и въ то свѣтлое весеннее утро, въ которое Ганя везла меня въ реальное училище, куда должны были пріѣхать и четыре мои друга изъ графской усадьбы.

Какъ-то особенно быстро все свершилось въ то утро. Отецъ только что приказалъ запречь Вѣтра въ шарабанъ, а Василій уже лихо подкатывалъ къ крыльцу въ своей щегольской поддевкѣ. Что же касается меня, то я не могла сдѣлать глотка молока, ни съѣсть кусочка булки отъ волненія, несмотря на всѣ уговоры Гани. Папа вышелъ провожать насъ на крыльцо. «Будь умницей, Люся, отвѣчай хорошенько.



Ну, Господь тебя храни»! Онъ быстро перекрестилъ меня, поцѣловалъ и велѣлъ садиться. Вѣтеръ мчался нынче со скоростью настоящаго вѣтра, и черезъ двадцать минутъ мы входили въ пріемную комнату N-ского реальнаго училища, гдѣ насъ уже ждали наши друзья. Какіе у нихъ у всѣхъ были разныя лица въ тѣ минуты! У Маріи сосредоточенное и какъ будто растерянное, у Лили любопытное по обыкновенію, Этьенъ былъ, какъ всегда, задумчивъ и серьезенъ, Вадя смущенно-испуганный, а Ани... Я положительно удивилась Ани. Какъ будто не ей самой предстоялъ экзаменъ, а кому-то далекому и чужому, до кого ей рѣшительно не было

никакого дѣла. Такъ спокойно и сдержанно, такъ самоувѣренно было красивое породистое личико этой странной тринадцатилѣтней никогда не волнующейся дѣвочки. Мы едва успѣли обмѣняться привѣтствіями, какъ насъ уже позвали въ классъ, гдѣ долженъ былъ происходить экзаменъ. Въ это время у самихъ воспитанниковъ училища была по расписанію большая перемѣна.

Длинный свѣтлый коридоръ и прилегающій къ нему залъ для рекреаціи кишѣли большимъ и маленькимъ народомъ, одинаково одѣтымъ въ черные куртки. Когда мы проходили мимо залы, оттуда выглянуло нѣсколько подростковъ мальчиковъ съ красными, оживленными лицами. Одинъ изъ нихъ держалъ большой мячъ подъ мышкой. Мальчики смотрѣли на насъ и дѣлились своими впечатлѣніями:

— Ага, на страшный судъ, видно, влекутъ рабовъ Божіихъ. Къ отвѣту, значитъ!—крикнулъ худенькій быстроглазый подростокъ, лукаво подмигнувъ намъ глазомъ.

— Бросьте экзаменъ, товарищъ, — подскочилъ другой, хватая за руку Этьена,—пойдемте лучше въ футболъ съ нами играть.

— А вы экзаменоваться экстернами? Совѣтую «Макарки» бояться... Онъ у насъ злющій,—шепнулъ третій.

— Ни пуха ни пера! Провала полнаго и коловъ да паръ съ десяточекъ отъ всего сердца желаю!—засмѣялся третій.

— У насъ примѣта такая,—оправдывалъ его четвертый, пожелать худшаго—получится лучшее.

— Дѣти, что вы остановились? — вдругъ, обернувшись назадъ, строго окликнула насъ

миссъ Гаррисонъ, недовольная развязностью реалистовъ.

— Пожалуйте сюда!—внезапно словно изъподъ земли выросъ передъ нами инспекторъ классовъ N-ского училища.

Тѣмъ же длиннымъ коридоромъ мы прошли въ классъ. Я увидала большую свѣтлую комнату съ тремя рядами партъ и пюпитровъ. Посреди нѣ ея большой столъ. За столомъ цѣлое общество незнакомыхъ людей и среди нихъ нашего законоучителя, преподавателя русскаго языка и математики — нашу «гориллу». Всѣ трое смотрѣли на насъ съ улыбками, желая ободрить, насколько это возможно, насъ бѣдныхъ дѣтей.

Старикъ директоръ училища тоже съ ободряющимъ видомъ кивнулъ намъ головой.

— Добро пожаловать, барышни и молодые люди!—произнесъ онъ съ легкимъ полупоклономъ въ нашу сторону.—Посмотримъ, послушаемъ, какъ вы отличаться будете. Хе, хе! Мисстъ а-мамъ, вотъ вы и вы соблаговолите намъ отвѣтить первыми,—обратился онъ къ Ани и Лили, рукою приглашая ихъ къ столу и въ то же время приглашая садиться миссъ Гаррисонъ и мою Ганю по правую отъ себя руку.

Миссъ Гаррисонъ когда-то раньше давала уроки англійскаго языка въ этомъ самомъ училищѣ въ зимнее время, когда бывала свободной въ мѣсяцы пребыванія ея воспитанниковъ за границей и здѣсь ее считали всегда желанной гостьей. Она-то и устроила весь этотъ настоящій серьезный экзаменъ для насъ, дѣтей, въ стѣнахъ школы.

Этьенъ, Вадя, Марія и я усѣлись за ближайшими партами, въ то время какъ Ани и Лили

подошли къ столу. Начались устныя испытанія. [illegible]тель [illegible]овесности предложилъ сдѣлать син[illegible]ичес[illegible] разборъ Ани.

Вна[illegible] еще дѣло шло недурно. Но по[illegible]мъ въ [illegible]рошенькой головкѣ юной графинюш[illegible] все словно перепуталось и перемѣшалось. Она смѣшивала сказуемое съ подлежащимъ, обстоятельства образа дѣйствій съ обстоятельствами мѣста и прочее, и прочее, и прочее. Миссъ Гаррисонъ, нашъ преподаватель и моя Ганя сидѣли какъ на иголкахъ. Глубокое недоумѣніе отражалось на лицахъ инспектора, директора и другихъ ассистентовъ, находившихся за экзаминаторскимъ столомъ.

С[illegible] экзаменомъ исторіи дѣло вышло не лучше. Ани преблагополучно смѣшала Генриха II съ Карломъ V, а про войны гвельфовъ съ гибелли[illegible] и понесла такую ахинею, что становилось [illegible]жъ страшно за нее. Выручила развѣ только географія, точныя описанія тѣхъ Европейскихъ стра[illegible], гдѣ побывала Ани, да еще удачно рѣшенная на доскѣ математическая задача, и Ани съ миромъ отпустили на мѣсто. Ее замѣнила Лили. Предыдущій отвѣтъ, очевидно, успокоилъ дѣвочку. Вѣдь, что бы ни отвѣчала она, все-таки это было бы удачнѣе и лучше Анина отвѣта. Пока Лили стояла передъ экзаминаторами, я мельком[illegible]глянула въ сторону Ани, сѣвшей рядомъ съ Маріей на классную скамью. Меня крайне поразило выраженіе лицъ обѣихъ дѣвочекъ. Насколько разстроеннымъ и смущеннымъ вслѣдствіи неудачнаго отвѣта подруги казалось лицо Маріи, настолько попрежнему спокойно, самоувѣренно и горделиво казалось лицо самой Ани. Повидимому ей было безразлично все:

и сборище экзаминаторовъ, и самый экзаменъ, и ея собственный неудачный отвѣтъ.

Между тѣмъ Лили кончила отвѣчать. Къ столу пригласили меня и Марію. Не скрою, волненіе, охватившее меня въ ту минуту, было настолько велико, что ноги мои подкашивались, руки похолодѣли какъ ледъ, а на горячемъ лбу выступили капли по[illegible] пока я подходила къ «эшафоту», какъ мысленно окрестила экзаминаторскій столъ. Мнѣ искренно хотѣлось провалиться въ тѣ минуты сквозь землю! О томъ, чтобы отличиться, я уже не думала больше. Только бы отвѣтить мало-мальски сносно и прилично—вотъ чего жаждала теперь моя встревоженная душа. Взглянула на Ганю... Боже, какое вымученное страдальческое личико было сейчасъ у моей милой мамочки! Казалось, она волновалась значительно сильнѣе ея проказницы Люси. Но губы ея улыбались мнѣ ободряющей улыбкой.

Первою изъ насъ двоихъ спрашивали Марію. Ученье давалось этой почти взрослой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ всегда съ трудомъ. Достаточно сказать, что она проходила то же, что Вадя, и я—двѣнадцатилѣтніе дѣти. Но сейчасъ Марія какъ-то вся подтянулась и отвѣчала довольно сносно. Наступила моя очередь. Я никогда не забуду этого перваго моего экзамена въ жизни, не забуду той ужасной головоломной задачи, которую начертала на классной доскѣ мохнатая рука нашего математика, и мой тріумфъ, послѣдовавшій за блестящимъ рѣшеніемъ задачи. Меня похвалили. И эта похвала испортила все дѣло.

Ахъ, вѣдь надо же было сказать имъ всѣмъ и вдобавокъ еще съ такимъ невѣроятнымъ

апломбомъ, что древніе гунны и франки были одно и то же племя и что Периклъ жилъ въ Римѣ во время Цезаря Августа. Кое-какъ исправилъ дѣло русскій экзаменъ, естественная исторія и физика. Я такъ удачно разобрала по синтаксису кусокъ прозы и съ такимъ подъемомъ продекламировала басню «Лисица и сурокъ», а затѣмъ чрезвычайно толково разсказала присутствующимъ объ устройствѣ электрической машины, безпроволочнаго телеграфа Маркони и о семействѣ грызуновъ, что мнѣ охотно простилась моя путаница о Периклѣ и Цезарѣ, и я съ похвалою была отпущена на мѣсто, не успѣвъ даже доказать моихъ познаній изъ области великой системы озеръ, которую я отбарабанила имъ на совѣсть.

Затѣмъ слѣдомъ за мною, за моимъ отвѣтомъ, началось полное торжество Этьена. По всѣмъ предметамъ мальчикъ отвѣчалъ превосходно. И его одухотворенное мыслью личико и огромные чистые глаза, глаза мечтателя, произвели на присутствующихъ самое отрадное впечатлѣніе. Всѣ наши маленькія и большія погрѣшности были искуплены старшимъ графчикомъ. Этьенъ отвѣчалъ вѣрно и точно на всѣ заданные ему вопросы. Чудесно - трогателенъ былъ его разсказъ о революціи во Франціи и гибели прекрасной Маріи-Антуанеты. Вдохновенно звучалъ его голосъ, когда онъ подробно описывалъ казнь несчастной сверженной королевы. И лицо его, разрумянившееся отъ волненія, было прекрасно въ эти минуты какою-то особенной высшей духовной красотой.

Директоръ и ассистенты, казалось, были поражены его отвѣтомъ.

— Непремѣнно лично заѣду къ графу похвалить его достойнаго сынка,—произнесъ первый, — примѣрный отвѣтъ, достойный юноша!—обратился онъ въ полголоса къ окружившимъ его учителямъ и миссъ Гаррисонъ, впервые расцвѣтшей нынче счастливой улыбкою, освѣтившей ея суровое лицо.

За Этьеномъ отвѣчалъ Вадя. Ради безукоризненныхъ отвѣтовъ старшаго брата съ удвоенной снисходительностью прослушали младшаго. А когда толстенькій, пыхтѣвшій отъ волненія, младшій графчикъ вернулся къ намъ, его пухлая растерянная рожица, казалось, была спокойнѣе прежняго.

— Кажется, я недурно отвѣтилъ, Люся, какъ ты думаешь, что?—спросилъ онъ меня со своимъ обычно-растеряннымъ видомъ.

Но я не успѣла успокоить его на этотъ счетъ. Инспекторъ классовъ роздалъ намъ листки съ означенною на нихъ темою для русскаго сочиненія. На мѣстѣ оглавленія значилось: «Чѣмъ бы я хотѣла быть въ недалекомъ будущемъ». Я подумала немного и стала строчить безъ передышки. У меня не было никакихъ опредѣленныхъ цѣлей на этотъ счетъ. Я просто хотѣла прожить всю мою жизнь такъ, какъ жила теперь подъ крылышкомъ у отца и Гани.

Зато моя сосѣдка Ани имѣла гораздо болѣе широкія цѣли на этотъ счетъ. «Я хотѣла бы быть царевной, чтобы всѣ меня слушались и всѣ подчинялись моей волѣ. Я была-бы доброй царевной и не мучили бы моихъ подданныхъ непосильной работой», писала она.

А позади меня толстенькій Вадя расписывалъ на своемъ листочкѣ невозможными каракулями.

«Я хотѣлъ бы быть машинистомъ, чтобы постоянно ѣздить на локомотивѣ такъ скоро-скоро, и носить черную блузу какъ настоящій рабочій, и чтобъ я же самъ свистѣлъ изъ свистка. Это все чего бы мнѣ хотѣлось въ недалекомъ будущемъ отъ жизни».

Я не успѣла заглянуть въ листокъ Лили и Маріи, потому что наша письменная работа должна была быть закончена и отобрана въ тотъ же часъ. Инспекторъ принялъ листки и отпустилъ насъ изъ класса. Миссъ Гаррисонъ и Ганя остались среди экзаминаторовъ.

Опять мальчики и большой свѣтлый рекреаціонный залъ... Опять огромный мячъ въ рукахъ у веселаго худенькаго мальчугана и привѣтственные крики всѣхъ остальныхъ при нашемъ появленіи.

— Ага, что выдержали баню?

— Отпустили васъ, наконецъ, мучениковъ Божіихъ съ миромъ, наконецъ.

— Ха-ха-ха! Ступайте къ намъ. Въ футболъ играть умѣете? Нѣтъ?

Конечно, послѣднее относилось къ Этьену и Вадѣ, но почему было бы не воспользоваться этимъ приглашеніемъ и мнѣ? Вѣдь играла же я, подъ шумокъ, съ «нашими» мальчиками въ солдаты, потихоньку отъ миссъ Гаррисонъ? Такъ почему бы и не позволить себѣ невинное удовольствіе сыграть и съ этими чужими одну только маленькую партію въ футболъ?

Мнѣ вдругъ стало чрезвычайно весело, ужасно весело и радостно на душѣ. Хорошо сошедшій съ рукъ экзаменъ пріятно поднималъ нервы, а такое огромное и веселое общество еще улучшало мое настроеніе И прежде, нежели благо-

разумная Марія могла удержать меня, я съ веселымъ смѣхомъ выскочила впередъ, поддала мячикъ, находившійся въ рукахъ веселаго румянаго мальчугана и, продолжая хохотать, помчалась по залѣ. Маленькіе реалистки пришли въ восторгъ отъ моей выходки, большіе снисходительно улыбались. На лицѣ Маріи былъ написанъ самый краснорѣчивый ужасъ, и она съ отчаяньемъ зашептала что-то Ани и Лили, чего я не могла слышать за общимъ смѣхомъ и суетой. А я точно ошалѣла на свободѣ и, какъ сумасшедшая, носилась теперь съ одного конца зала на другой, взвизгивая на каждомъ шагу, вскрикивая и хохоча во все горло.

Примѣръ заразителенъ и не прошло трехъ минутъ, какъ Этьенъ, Вадя и Лили присоединились ко мнѣ. Теперь самая настоящая, правильно организованная партія въ футболъ шла посреди зала. Дверь въ коридоръ замѣняла намъ голъ. Голкиперъ, въ лицѣ Этьена, мужественно отражалъ ударъ. А я, ваша покорная слуга, Люся Ордынцева, немало не смущаясь моимъ положеніемъ благовоспитанной маленькой барышни, такъ лихо подкидывала мячъ (и о ужасъ, ногою!), что маленькіе реалисты бурно выражали мнѣ свой восторгъ апплодисментами.

— Ай да дѣвочка! Вотъ молодчинище-то! Свой братъ, — реалистъ! Здорово! Молодецъ! А ну-ка еще! Ну!

Я не заставила ихъ повторить приглашенія и съ такой силой ударила по мячу, что тотъ, перелетѣвъ залу, вылетѣлъ въ коридоръ, оттуда на лѣстницу.

— Уррра!—завопили мои партнеры по игрѣ, въ то время какъ прозѣвавшій голъ голкиперъ

Этьенъ, разиня ротъ, съ задранной къ верху головою слѣдилъ за пролетѣвшимъ надъ нимъ мячикомъ. Я уже торжествовала побѣду и неистово орала «ура» вмѣстѣ съ мальчиками, какъ вдругъ все стихло въ залѣ и всѣ находившіеся здѣсь большіе и маленькіе реалисты зашаркали ногами и наклонили головы... На порогѣ залы появился директоръ съ моей мачехой и миссъ Гаррисонъ... . . . . .

. . . . . .

Все послѣдующее затѣмъ далеко не порадовало бѣдную Люсю. Сначала по пріѣздѣ къ д'Обернъ меня хорошо отчитала миссъ Гаррисонъ, потомъ madame Клео, за ними дружески побранила Ганя. Но развѣ я могла себя считать виноватой въ томъ, что соблазнъ былъ такъ великъ, такъ отрадно было порѣзвиться во всю въ веселой толпѣ мальчугановъ? Лили наказали. Меня же не наказывали лишь потому, что моя мамочка рѣшительно воспротивилась этому. Но отецъ былъ очень недоволенъ моимъ поведеніемъ въ училищѣ, настолько недоволенъ, что полученныя мною хорошія отмѣтки на экзаменѣ не могли покрыть моей вины.

То было послѣднее лѣто, что мы проводили вмѣстѣ съ дѣтьми д'Обернъ. Графъ увозилъ въ концѣ августа Ани за границу. Вмѣстѣ съ ними уѣзжали madame Клео и Лили. Этьенъ и Вадя поступали въ лицей, въ столицѣ. Меня отдавали въ гимназію. Словомъ весь нашъ маленькій милый кружокъ распадался. Послѣдній вечеръ мы проводили всѣ вмѣстѣ въ графской усадьбѣ. Въ послѣдній разъ играли въ крушеніе

корабля и великодушнаго капитана и его невѣсту. Какъ и всегда Этьенъ былъ капитанъ, я его Магдой. Во время игры мальчикъ схватилъ меня за руку и, пользуясь отчаянными криками «индѣйцевъ», поймавшихъ насъ, произнесъ шопотомъ: «Завтра я уѣду отсюда, Люся, но помни: я никогда, никогда не забуду тебя».

— И я тоже, Этьенъ, что бы ни было...

— Итакъ, мы, значитъ, друзья съ тобой на всю жизнь?

— Да, Этьенъ, на всю жизнь, конечно...

И, произнеся эти простыя и такія хорошія слова, я тутъ только впервые поняла то, чего должна была лишиться завтра: лишиться присутствія и дружбы этого милаго, честнаго-благороднаго и умнаго мальчика. Какъ, однако, мало я думала объ этомъ до этого часа! А между тѣмъ, я любила Этьена больше всѣхъ остальныхъ дѣтей и не могла не видѣть его исключительно добраго отношенія къ себѣ, его чистоты, нравственной красоты и благородства. Я еще больнѣе почувствовала свою потерю, когда на другой день провожала съ Ганей нашихъ друзей. Прозвучалъ третій звонокъ... Свистнулъ свистокъ локомотива... И въ послѣдній разъ въ окнѣ вагона рядомъ съ красивымъ Анинымъ личикомъ мелькнули благородныя черты Этьена и его обращенные ко мнѣ темные ласковые глаза... И потомъ все сразу смѣшалось и утонуло въ томъ потокѣ слезъ, которыми залилась маленькая Люся...

Конецъ II-ой части.

ЧАСТЬ III.

ЮНОСТЬ.

I.

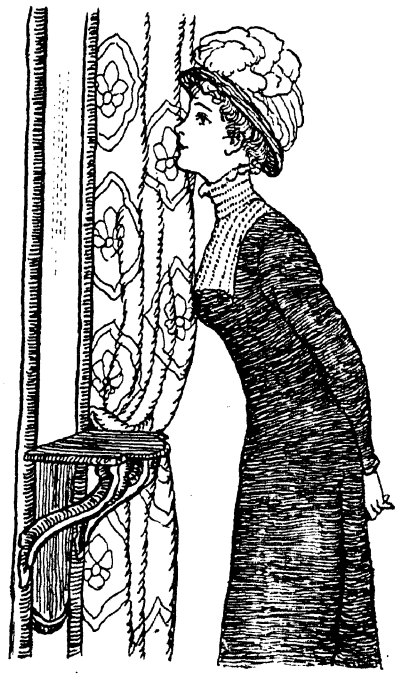
Въ одно осеннее утро.

Солнце. Прохладное ясное утро. Синіе, синіе, яркія небеса. Воздухъ прозрачный и легкій словно поетъ невѣдомую, красивую пѣснь. Что-то звенитъ въ лѣсу и въ полѣ, и пріятнымъ стекляннымъ звукомъ расплывается въ воздухѣ этотъ звонъ.

Въ нашемъ саду въ послѣдней предсмертной пляскѣ кружатся листья, желтые какъ густой топазъ, багрово-красные какъ кровавые альмандины. Пахнетъ виномъ и грустной умирающей природой. А солнце сверкаетъ еще какъ лѣтомъ и небо синее, синее, тоже кажется совсѣмъ лѣтнимъ, горячимъ небомъ.

Я стою передъ зеркаломъ въ нашей маленькой гостиной и пристально разсматриваю свое лицо. Мнѣ восемнадцать лѣтъ и въ этомъ году я кончила весною курсъ въ нашей провинціальной гимназіи. Я скорѣе высока, нежели мала ростомъ, скорѣе дурна, нежели хороша собой. У меня неправильныя черты, слишкомъ яркій крупный ротъ, здоровый, свѣжій, какъ и надо ожидать отъ «деревенской» дѣвушки, яркій

цвѣтъ лица и большіе блестящіе глаза, оттѣненные длинными рѣсницами. Мои зубы бѣлы, а волосы до того густы и обильны, что Ганя съ трудомъ расчесываетъ ихъ по утрамъ. Сегодня она ихъ причесала съ особенной тщательностью. Сегодня же велѣла надѣть мнѣ и мое новое платье. Сѣрое теплое сукно тѣсно охватываетъ мою тоненькую фигуру, а изъ-подъ круглой фетровой шляпы выжидательно и радостно поглядываютъ глаза.



Нынче одинъ изъ значительнѣйшихъ дней моей жизни. Нынче, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я снова увижу моихъ друзей. Семья д'Обернъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія, снова возвращалась сюда, въ свою усадьбу.

Три года тому назадъ стараго графа разбилъ параличъ за границей. Его лѣчили тамъ на всякіе лады, но лѣченье помогало мало и врачи посовѣтовали старому графу пожить на свѣжемъ воздухѣ въ его новгородской усадьбѣ.

Въ послѣднюю нашу коротенькую встрѣчу въ моими друзьями, которые недѣлю-другую проводили здѣсь однимъ лѣтомъ, я была еще совсѣмъ юной пятнадцатилѣтней гимназисткой,

Ани взрослой шестнадцатилѣтней барышней, Этьенъ и Вадя молоденькими лицеистами. Теперь оба они уже окончили курсъ въ одномъ изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній столицы. Теперь Этьенъ служилъ въ Лондонѣ при нашемъ посольствѣ, Вадя еще учился въ Петроградѣ. Старшій изъ братьевъ д'Обернъ, мой любимый товарищъ дѣтства, бралъ отпускъ на сентябрь мѣсяцъ, чтобы вернуться въ Россію съ отцомъ и отдохнуть въ Аниномъ три-четые недѣли внѣ своей дипломатической службы. За послѣдніе три года я не видѣла членовъ семьи д'Обернъ, и мы обмѣнивались только короткими поздравительными письмами по торжественнымъ днямъ или открытками. Но дружба моя съ ними, особенно съ Этьеномъ, не прекращалась. Въ послѣднее пребываніе въ Аниномъ моего товарища дѣтства эта дружба особенно установилась и окрѣпла между нами. Мы были неразлучны. Вмѣстѣ гуляли, катались верхомъ, играли въ крокетъ, теннисъ и много читали. Ани, Вадя и Лили присоединялись къ намъ. Но они менѣе понимали меня, менѣе подходили складомъ своихъ характеровъ и натуръ, нежели подходилъ ко мнѣ Этьенъ.

Съ Этьеномъ же я чувствовала себя совсѣмъ хорошо и свободно. И теперь, нынче, при одной мысли о томъ, что онъ пріѣдетъ сюда и мы снова возобновимъ наши прогулки съ нимъ — мое сердце радостно билось въ груди и сознаніе той же радости охватывало душу.

— Ну, что готова, Люся? Батюшки мои, да что ты за прелесть сегодня! Нѣтъ, шутки въ сторону, Люська, этотъ скромный костюмчикъ, какъ нельзя болѣе идетъ къ тебѣ. Не вѣришь? Тогда спроси медвѣжатника. Кстати онъ, ка-

жется, ѣдетъ. Ты слышишь какъ его колокольчики заливаются вдали?..

Я быстро отскакиваю отъ зеркала и сталкиваюсь съ тетей Мусей. Она въ своемъ обычномъ черномъ платьѣ, похожемъ на ряску монахини, съ кожанымъ поясомъ вокругъ таліи (этотъ скромный костюмъ она носитъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ), съ гладко причесанной и уложенной вѣнчикомъ на головѣ бѣлокурой косою. За послѣдніе пять-шесть лѣтъ характеръ моей тетушки круто измѣнился, сталъ еще тяжелѣе, круче и нетерпимѣе. Ни голубиная кротость Гани ни добродушіе отца не могли уже передѣлать этой тихо увядающей въ глуши, когда-то веселой и жизнерадостной дѣвушки. Съ моимъ поступленіемъ въ гимназію въ нашемъ деревенскомъ домѣ стало еще тише. И эта тишина и покой раздражающе дѣйствовали на тетю Мусю. Тетя Муся была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя любятъ наряды, выѣзды, любятъ блестать, быть замѣтными въ обществѣ; а разъ этого нѣтъ у нихъ въ жизни, онѣ скучаютъ, чахнутъ и хирѣютъ, какъ осенніе цвѣты. Окончивъ курсъ ученья въ институтѣ, тетя Муся питалась самыми радужными надеждами на будущее. Она надѣялась занять видное мѣсто хотябы среди нашего провинціальнаго общества и сдѣлать, въ концѣ-концовъ, блестящую партію. Но увы, общества въ нашемъ городкѣ почти не было, а служащіе въ немъ чиновники и офицеры менѣе всего думали о развлеченіяхъ. Это были, по большей части, отягощенные большими семьями люди, считавшіе каждый израсходованный грошъ. Что же касается до окрестныхъ помѣщиковъ, то тѣ и совсѣмъ почти не выѣзжали

изъ своихъ гнѣздъ. И вотъ молоденькой институткѣ пришлось распроститься съ радужными мечтами и вести уединенную скучную монотонную жизнь. Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Муся Ордынцева окончила институтъ и веселой бабочкой припорхнула въ нашъ тихій уголъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Бабушка умерла, мой отецъ женился вторично. Сама тетя Муся стала старше, утеряла красоту и свѣжесть. Надежды ея на блестящую партію растаяли какъ дымъ. Прошедшая, было, съ женитьбой отца на Ганѣ, нашей общей «миротворицы», раздражительность и нервность съ годами снова вернулись къ тетѣ. Къ довершенію всего у нея появилась и новая причуда: ей во что бы то ни стало хотѣлось поступить въ монастырь. Теперь тетю Мусю часто навѣщали монахини изъ ближайшей обители. Знакомая уже читателю моя старая пріятельница, мать Аделаида, когда-то поучавшая меня у гроба бабушки, ея подруга послушница-бѣличка Ѳеша и толстая рыхлая мать Евѳимія. Съ ними запиралась въ своей комнатѣ на цѣлые часы тетя Муся. Тамъ шли долгія оживленныя бесѣды и непремѣнно шопотомъ на тему обительской жизни, пили чай съ медомъ и пастилою и на всѣ лады восхвалялось монастырское житье-бытье.

Такъ длилось года три, четыре. Тетя Муся все собиралась и не могла рѣшить окончательно своего поступленія въ монахини.

И вотъ, послѣдней весною совершенно новымъ вѣяньемъ повѣяло надъ нею. Въ нашемъ медвѣжьемъ углу появилось новое лицо, пріѣхалъ «медвѣжатникъ». Собственно говоря, это мы сами, тетя Муся и я, прозвали такъ нашего новаго

сосѣда по имѣнію, Александра Павловича Ранцева, купившаго ближайшую лѣсную усадьбу «Борокъ». Это былъ высокій широкоплечій красавецъ, типъ русскаго богатыря Микулы Селяниновича или Ильи Муромца съ косою саженью въ плечахъ, со звучной, сочной басистой рѣчью, съ синими, какъ у ребенка, свѣтлыми чистыми глазами, и съ такою силищею, которая являлась рѣдкостью теперь въ нашъ нервный, болѣзненный вѣкъ. Александръ Павловичъ одинъ на одинъ выходилъ на медвѣдя въ пермскихъ лѣсахъ, откуда пріѣхалъ въ нашу губернію. Много уложилъ онъ дикихъ лѣсныхъ звѣрей за свою тридцатипятилѣтнюю жизнь и очень гордился своими трофеями въ видѣ медвѣжьихъ шкуръ, устилавшихъ его небольшой, но крайне симпатичный, домикъ въ Боркѣ. И тѣмъ страннѣе было видѣть въ такомъ заядломъ охотникѣ, въ такомъ силачѣ-богатырѣ, его голубиную кротость, его дѣтское простодушіе и желаніе принести, доставить всѣмъ и каждому какъ можно больше радости и счастья. У Ранцева была огромная способность къ пѣнію вообще и къ пѣнію русскихъ заунывныхъ пѣсенъ въ особенности. Пѣлъ онъ ихъ прекрасно съ захватывающимъ выраженіемъ и его сочный басъ вливался прямо въ душу, а синіе дѣтскіе глаза голубѣли въ такія минуты, какъ голубѣютъ далекіе небеса раннимъ весеннемъ утромъ. У насъ онъ бывалъ очень часто. Привозилъ съ собою гитару и подъ аккомпанементъ ея и игры тети Муси на рояли пѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ и про Волгу-матушку, и про витязя, погибшаго въ плѣну у татаръ, и про степь широкую и удалого разбойника и еще много, много

другихъ чисто русскихъ, національныхъ пѣсенъ, отъ которыхъ вздрагиваетъ душа, увлажаются глаза слезою и неровно и бойко колотится въ груди сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился «медвѣжатникъ» съ его пѣніемъ, гитарой и захватывающе-интересными разсказами объ охотахъ, всѣ мы оживились и повеселѣли, всѣ, а особенно тетя Муся. Она уже больше не говорила о своемъ поступленіи въ монастырь, о желаніи стать Христовой невѣстой; уже не заглядывали къ намъ такъ часто, какъ прежде мать Аделаида съ Ѳешей и старой матерью Евѳиміей и, если тетя Муся и носила еще черное, какъ будто монастырское платье, то только потому, что черный цвѣтъ удивительно шелъ къ ея бѣлокурымъ волосамъ и блѣдному тонкому лицу. Она очень измѣнилась къ лучшему и замѣтно похорошѣла за послѣдній мѣсяцъ. Краски молодости снова вернулись къ ней. Глаза ея помолодѣли тоже и блестѣли теперь такъ радостно, что никто бы не могъ дать теперь тетѣ Мусѣ ея тридцати двухъ лѣтъ. Всѣмъ въ домѣ было ясно почему и для кого такъ часто пріѣзжалъ сюда «медвѣжатникъ». Александру Павловичу Ранцеву замѣтно нравилась тетя Муся. Тетѣ-Мусѣ-же очень нравился Александръ Павловичъ. Объ этомъ говорили и въ комнатахъ, и въ людской, и на кухнѣ. Предусмотрительная Ганя, ничуть не измѣнившаяся за долгіе годы, накупила втихомолку тонкаго полотна и батиста и при помощи швейной машинки и нашей горничной Ольги шила бѣлье въ приданое тетѣ Мусѣ. Словомъ, свадьба въ принципѣ была уже рѣшена и только ожидалось послѣднее слово со стороны «медвѣжатника».

— Такъ и есть, онъ! Вотъ еще, что выдумалъ тоже! Вотъ такъ исторія! Смотри, смотри Люська! — и оживленная, сіяющая тетя Муся, высунувшись изъ окна, махала платкомъ, привѣтствуя подкатившаго къ нашему крыльцу со звономъ и грохотомъ на своей тройкѣ Ранцева. Я послѣдовала ея примѣру и тоже высунулась изъ окошка. Чудесная сѣрая въ бѣлыхъ яблокахъ тройка стояла передъ нашимъ домикомъ. Лошади ржали тихо и радостно, словно привѣтствуя насъ по-своему. Самъ Ранцевъ сидѣлъ на козлахъ въ красной рубахѣ и ямщицкой безрукавкѣ съ ямщицкой же шапкой, украшенной павлиными перьями, лихо заломленной на его темно-русыхъ, круто вьющихся густыхъ волосахъ. Онъ молодецки держалъ вожжи, какъ настоящій заправскій кучеръ одной рукою, другой сорвалъ съ головы шапку и, вертя ею въ воздухѣ, кричалъ намъ своимъ сочнымъ басомъ:

— Барышни-сударыньки, пожалуйте садиться, лихо прокачу, извольте быть безъ сумленія! Садитесь скорѣича! Марья свѣтъ-Сергѣевна, Леокадія Сергѣевна не бойтесь, не пужайтесь. Коньки добрые, выѣзжаны прочно, на ухабахъ крѣпки, ча рытвинахъ стойки. Сами убѣдитесь, пожалуйте только, — подражая кучерской манерѣ, заключилъ онъ свою рѣчь...

Мы съ хохотомъ выбѣжали на крыльцо. Изъ оконъ высунулись Лукерья и Ольга. Гани съ отцомъ не было дома. Они обыкновенно въ эти часы объѣзжали полевыя работы.

— Тройка-то, тройка, заглядѣнье! А кучеръ-баринъ и того лучше, — шептались между собой прислуга, откровенно любуясь и лошадьми и Ранцевымъ.

— И что у васъ за фантазія надѣвать этотъ костюмъ?—пожала плечами тетя Муся, не сводя съ Ранцева мягкаго, любующагося взора.

— А та фантазія, Марья Сергѣевна, что ваши аристократическіе друзья при видѣ меня въ моемъ обыкновенномъ затрапезномъ платьишкѣ и говорить-то со мною не захотятъ, пожалуй, такимъ увальнемъ я имъ да дикобразомъ покажусь. А здѣсь кучеръ — какъ кучеръ. Сижу на козлахъ, ни кого не трогаю, правлю исправно; пожелаютъ — лихо прокачу отъ вокзала до усадьбы и не узнаетъ никто, кучеръ ли Ерема на козлахъ сидитъ либо дворянинъ, отставной чиновникъ Александръ самъ Павловъ Ранцевъ,— засмѣялся онъ своимъ симпатичнымъ, дѣтски-добродушнымъ смѣхомъ. — Только вы уже сдѣлайте милость, не выдавайте, — добавилъ «медвѣжатникъ, лукаво прищурившись.

— Хорошо, хорошо не выдадимъ ужъ, — усмѣхнулась тетя Муся, — такъ и скажу нашимъ друзьямъ: новую тройку купилъ братъ Сергѣй и пригласилъ ей подстать и красавца-кучера.

— Кра-сав-ца? — протянулъ Ранцевъ, — да неужто не смѣетесь? Хорошъ мой нарядъ? Нравится вамъ? — и весь онъ просіялъ, оживился и вопрошающими глазами впился въ лицо тети Муси, усѣвшейся уже въ экипажъ рядомъ со мною.

— Нравится, конечно,—тихо, чуть слышно прошептала она. Я взглянула на Александра Павловича. Никогда до сихъ поръ не удавалось мнѣ видѣть у него такого счастливаго, такого радостнаго лица. Всѣ черты его, казалось говорили:

«Я счастливъ, что вамъ нравится моя выдумка а, можетъ-быть, и самъ я, хотя бы чуточку, хотя бы немножко»...

И, чтобы скрыть свое волненіе, онъ гикнулъ свистнулъ, гаркнулъ на лошадей. Бѣлая тройка сразу снялась съ мѣста и вихремъ понеслась по липовой аллеѣ.

Духъ захватывало отъ этой быстрой скачки. Кони неслись какъ бѣшеные. Заливчато звенѣли колокольчики подъ дугой. Молодцевато звучали въ прозрачномъ и хрупкомъ, какъ стекло, осеннемъ воздухѣ громкіе возгласы возницы.

— Эй, соколики, эй, родные, не выдавай!— покрикивалъ то и дѣло на лошадей своимъ музыкальнымъ голосомъ Ранцевъ.

У ограды графской усадьбы я попросила его остановить тройку. Мы условились съ Маріей Клейнъ еще наканунѣ, что я заѣду за нею. Марія домовитая и хлопотливая, какъ и надо было ожидать этого отъ нея еще въ годы ея дѣтства, теперь, подъ присмотромъ сильно постарѣвшей миссъ Гаррисонъ, окончательно взяла въ свои руки хозяйство. Теперь все управленіе графскимъ домомъ лежало на ней одной. Да и дѣло по имѣнію она вела сама вмѣсто своего престарѣлаго отца. Энергичная, трудолюбивая, внимательная Марія, казалось, была рождена для того, чтобы быть хозяйкой. За эти послѣдніе годы она мало измѣнилась. Теперь ей было уже двадцать два года. Ея близорукіе глаза смотрѣли попрежнему просто, ясно и озабоченно на свѣтъ Божій; старообразное лицо не знало улыбки, а проворные пальцы не выпускали работы изъ рукъ.

Марія встрѣтила меня на порогѣ террассы.

— Ага, наконецъ-то! Какъ ты поздно... Пойдемъ скорѣй, я покажу тебѣ, какъ я все устроила для нихъ — и, схватившись за руку, мы побѣжали въ комнаты.

— Вотъ видишь, этотъ chaise longue я пріобрѣла по случаю для графа... Неправда ли, не дуренъ?—съ восторгомъ глядя на зеленую атласную съ желтыми букетами кушетку, совсѣмъ не подходившую къ общему строго выдержанному стилю мебели, указывала мнѣ Марія.

— Ну, какъ тебѣ нравится? Сама миссъ Гаррисонъ одобрила, честное слово!

Мнѣ хотѣлось сказать Маріи, что кушетка ея ужасна, что сочетаніе цвѣтовъ возмутительно и напоминаетъ яичницу съ лукомъ, но я удержалась, чтобы не огорчить эту милую обо всѣхъ и обо всемъ всегда заботящуюся дѣвушку. Изъ кабинета стараго графа мы прошли въ комнату Этьена, оттуда къ madame Клео и въ уголокъ Лили. Наконецъ попали въ прелестный, какъ нарядная бонбоньнерка, будуаръ Ани. Все, что было лучшаго изъ мебели, картинъ и бездѣлушекъ въ домѣ, Марія перетащила сюда въ аппартаменты своей любимицы. Пушистый коверъ покрывалъ полъ. Картины въ изящныхъ рамкахъ висѣли на стѣнахъ; фарфоровыя бибело заполняли собою этажерки. Всюду въ нарядныхъ вазахъ стояло много цвѣтовъ.

— Неправда ли, прелестно? Это добрая Марія такъ заботится о своей Ани, — услышали мы обѣ голосъ миссъ Гаррисонъ за нашими плечами, и величавая, сѣдоволосая съ ея гордой осанкой и сухимъ надменнымъ лицомъ старая англичанка предстала передъ нами. Я по привычкѣ, усвоенной съ дѣтства, поцѣловала ей

руку. — Объ Ани нельзя не заботиться. Она у насъ какъ принцесса. Нѣтъ никого лучше Ани въ цѣломъ мірѣ, съ глубокой увѣренностью произнесла Марія, и трогательнымъ стало въ эту минуту ея лицо.

Миссъ Горрисонъ оглядѣла съ видомъ знатока мой нарядъ.

— Тебѣ не хватаетъ цвѣтовъ,—произнесла она серьезно и, вынувъ изъ букета, поставленнаго Маріей на писменномъ столѣ Ани, двѣ полураспустившіяся бѣлыя розы, подала мнѣ ихъ. Вспыхнувъ отъ удовольствія, я всунула одну изъ нихъ стеблемъ въ петличку моего жакета, другую же нерѣшительно вертѣла въ рукѣ.

— Я пойду надѣну шляпу, а ты пробѣги еще разъ комнаты, погляди, все ли тамъ на мѣстахъ,—произнесла озабоченнымъ тономъ Марія, быстро выбѣгая изъ будуара. Мнѣ осталось только исполнить ея желаніе. Быстро обошла я аппартаменты, приготовленные для хозяевъ, и остановилась на порогѣ кабинета Этьена. Когда-то маленькій темноволосый малютка спалъ въ этой комнатѣ. Тутъ была дѣсткая его и Вади. Теперь этотъ мальчикъ выросъ, превратился въ двадцатилѣтняго взрослаго юношу, котораго я увижу черезъ какіе-нибудь полчаса. Но я помню и люблю Этьена тѣмъ темноволосымъ серьезнымъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ и въ память моей дѣтской привязанности къ нему я быстро схватила графинъ съ водою, который стоялъ на столикѣ у окна, сняла съ него пробку и вмѣсто нея опустила въ воду вторую бѣлую розу, которую до сихъ поръ вертѣла въ рукѣ.

«Посмотримъ, угадаетъ ли Этьенъ, кто подарилъ ему эту розу»,—мелькнула въ моемъ умѣ шаловливая мысль.

Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, я вышла изъ комнаты, крикнула Маріи поторопиться, простилась съ миссъ Гаррисонъ и, вернувшись къ бѣлой тройкѣ, помчалась съ моими спутниками дальше на вокзалъ.

— Поѣздъ придетъ черезъ двѣ минуты... Чуть-чуть не опаздали — нечего сказать хороши! — волнуясь говорила Марія, нетерпѣливо шагая по платформѣ своими крупными характерными шагами.

— А мнѣ кажется, онъ уже подходитъ. Смотрите, смотрите, вонъ показался дымокъ...— указывая рукою вдаль, волнуясь, говорила тетя Муся. Она была права. Меньше нежели черезъ двѣ минуты поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ дебаркадеру. Засуетились носильщики, забѣгали люди. Изъ купе перваго класса выглянуло чье-то знакомое лицо. Еще минута, и бережно поддерживаемый съ двухъ сторонъ madame Клео и Лили, успѣвшей стать вполнѣ взрослой барышней, за эти три послѣдніе года, что мы не видались съ нею, тяжело волоча парализованную ногу, вышелъ старый графъ д'Обернъ. Онъ очень осунулся, постарѣлъ и пожелтѣлъ за свою болѣзнь, но все же старался держаться прямо и прежнее спокойствіе и величіе хранило его холодное, аристократическое лицо.—Ани! Ани! Голубка моя! Красавица!—услышалъ я въ тотъ же мигъ дрожащій голосъ Маріи и она бросилась на шею къ высокой стройной барышнѣ съ золотистыми,

очень красиво причесанными волосами и античноправильнымъ застывшимъ лицомъ статуи. Марія говорила правду: графиня Ани д'Обернъ стала настоящей красавицей.

Но мнѣ не понравилась, однако, эта холодная, какъ бы скучающая красота, точно разрѣшавшая любоваться собою. Ничего привѣтливаго и ласковаго не замѣтила я въ этомъ, равнодушномъ ко всему міру, античномъ личикѣ. Одѣта она была по послѣдней картинкѣ. Но и самый нарядъ ея, черезчуръ изысканный для дороги, не понравился мнѣ. Нарядъ этотъ, какъ и лицо, какъ и все существо Ани какъ будто говорили: любуйтесь мною. Смотрите, какая я изящная, красивая! Какъ рѣзко я отличаюсь отъ всѣхъ, какъ я далека отъ васъ такихъ обыкновенныхъ, такихъ маленькихъ и ничтожныхъ»! Она холодно принимала восторженныя привѣтствія Маріи, буквально, повисшей у нея на шеѣ.

— Ну, ну, полно, Марія, полно, моя старушка,—снисходительно трепля изящной маленькой ручкой, стянутой щегольской перчаткой, по мокрому отъ слезъ лицу Маріи, приговаривала она,—что тутъ плакать, я не понимаю, право! Какъ будто, не на радость, а на горе мы увидѣлись снова съ тобою, не плакать, а смѣяться надо, душечка.

— Аничка, красоточка, принцесса моя, ангелочекъ мой! Какъ я счастлива, какъ я счастлива,—лепетала Марія, то вглядываясь безконечно любящими глазами въ лицо молодой графини, то снова бросаясь цѣловать и обнимать ее. Я такъ заинтересовалась этой сценой встрѣчи двухъ подругъ, что не замѣтила, какъ кто-то подошелъ ко мнѣ и хорошо знакомый мягкій голосъ произнесъ тихо: «А со мною ты и вовсе не хочешь

здороваться, злая Люся! Да и выросла же ты, совсѣмъ взрослая барышня стала!

«Этьенъ»!

Ну, конечно, онъ, Этьенъ, хотя и трудно узнать въ этомъ высокомъ, изящномъ молодомъ человѣкѣ съ темными усиками и умнымъ, одухотвореннымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ моего милаго товарища дѣтства.

Только черные, глубокіе, прекрасные глаза Этьена, съ ихъ выраженіемъ необычайной доброты, остались тѣми же, да прежняя дѣтская улыбка играла подъ новыми для меня въ его лицѣ черными усиками.

Мы дружески пожали другъ другу руки.

— Спасибо за письма, они доставляли мнѣ столько радости на чужбинѣ,—произнесъ онъ значительно, и мнѣ показалось, что его серьезный, глубокій взглядъ съ особенно добрымъ и ласковымъ выраженіемъ остановился на мнѣ. Потомъ, я привѣтствовала стараго графа, madame Клео, нимало не измѣнившуюся за эти годы, и ея дочку Лили, веселую, бойкую плутовку, поглядывающую на насъ всѣхъ живыми любопытными глазами изъ-подъ огромнаго навѣса черезчуръ пышной модной прически.

Наконецъ, всѣ мы вышли на перронъ нашей скромной провинціальной станціи.

Здѣсь уже ждала коляска д'Обернъ и лихая бѣлая тройка изъ Борка. Красавцы кони и не уступающая имъ въ красотѣ запряжка, съ самимъ нарядным кучеромъ во главѣ, сразу привлекли всеобщее вниманіе. Даже Ани вышла изъ своего равнодушнаго состоянія и искренно восторгалась неожиданнымъ явленіемъ.

— Марья Сергѣевна, Люся! Неужели это—ваше? Откуда вы добыли такую прелесть?—спрашивали насъ, наперерывъ, наши друзья. Но мы съ тетей Мусей только таинственно отмалчивались на всѣ эти разспросы.

— Съ пріѣздомъ, господа, ваше сіятельство! Не желаете ли садиться, лихо прокачу,—умышлено копируя манеру и говоръ простолюдина, предложилъ оригинальный кучеръ.

— Ахъ, пожалуйста!—весело отозвалась Лили за всѣхъ и первая впорхнула въ коляску; слѣдомъ за нею тамъ помѣстились мы съ тетей Мусей, Ани и Этьенъ.

Въ графскомъ экипажѣ поѣхали самъ графъ, madame Клео, Марія и фельдшеръ, который ни на минуту не оставлялъ теперь больного старика.

— Эй, соколики, не выдавай!—молодечески гаркнулъ мнимый кучеръ, и бѣлая тройка понеслась. Теперь лошади не бѣжали, а мчались стрѣлою, едва касаясь ногами земли. Я даже зажмурила глаза отъ удовольствія. Лили не переставала восторгаться вслухъ:

— Восторгъ! Прелесть что за ѣзда! Божественно! Даже Ани вышла изъ своего олимпійскаго спокойствія и хвалила тройку и кучера. Въ нѣсколько минутъ бѣлыя лошади домчали насъ до усадьбы д'Обернъ и остановились сразу, какъ вкопаныя, передъ чугунными воротами съ гербомъ. Этьенъ первый выскочилъ изъ экипажа и подалъ руку сестрѣ. Я взглянула на Ани. Куда дѣвалось скучающее выраженіе ея красиваго лица, четверть часа тому назадъ поразившее меня на вокзалѣ. Милая улыбка играла теперь на немъ, дѣлая его чарующе-прелестнымъ.

— Какая красота эта ваша новая тройка,— говорила она оживленно,—я давно не чувствовала такого наслажденія отъ быстрой, духъ захватывающей ѣзды. А вашъ красавецъ-кучеръ, онъ—настоящій мастеръ своего дѣла!— ласково взглянувъ на нашего импровизированнаго возницу, добавила она по-французски, потомъ, обращаясь къ Этьену, сказала:—Дай мнѣ денегъ. Я хочу подарить что-нибудь на чай этому молодцу.

Мы менѣе всего съ тетей Мусей ожидали подобнаго исхода дѣла. Краснѣя до ушей, моя тетка стала, было, шопотомъ отговаривать Ани не приводить въ исполненіе ея намѣренія, говоря что-то на тему о томъ, что не слѣдуетъ слишкомъ баловать «людей»... Но къ нашему полному отчаянію Ани и не подумала слушать ея благоразумнаго совѣта. Она быстро взяла у Этьена переданный ей имъ серебряный рубль и протянула его Ранцеву, невозмутимо сидѣвшему на козлахъ. Каково же было удивленіе нашихъ друзей, когда красавецъ-кучеръ, перебросивъ вожжи изъ одной руки въ другую, приподнялъ свою кучерскую шапочку и на правильномъ французскомъ языкѣ отвѣчалъ Ани:

— О, пусть не безпокоится молодая графиня, на чай я не возьму. Но я потребую гораздо болѣе серьезнаго вознагражденія.

— А именно?—теряясь отъ неожиданности спросила изумленная Ани.

— А именно,—быстро переходя на русскій языкъ, подхватилъ Александръ Павловичъ, подъ нашъ бѣшеный хохотъ, мой и тети Муси.—А именно, я буду имѣть честь просить васъ, графиня, молодого графа и барышню (онъ поклонил-

ся въ сторону Лили), всю вашу семью, словомъ, пожаловать въ ближайшій праздникъ въ мою лѣсную трущобу, откушать хлѣба, соли у «медвѣжатника» въ его Боркѣ.

— То-есть, у Александра Павловича Ранцева,—съ новымъ взрывомъ смѣха отрекомендовала всеобщаго любимца нашимъ друзьямъ тетя Муся.

— Охъ... вотъ неожиданность-то,—протянула Лили, удивленная не меньше молодой графини. А Ани же на чай ему дать хотѣла... помѣщику дать на чай...—Громкій взрывъ смѣха покрылъ ея слова. Сама Ани казалась менѣе всѣхъ удивленной и сконфуженной этимъ инцидентомъ. Съ врожденнымъ свѣтской дѣвушкѣ тактомъ она протянула руку «медвѣжатнику» и, улыбаясь, любезной улыбкой, произнесла:

— Должна сознаться, что вы дали полную иллюзію кучера - простолюдина, monsieur Ранцевъ. Мнѣ и въ голову не пришла мысль заподозрѣть васъ въ маскарадѣ. Онъ былъ крайне удаченъ. Роль проведена была вами великолѣпно и вы заслуживаете всяческаго поощренія. Мы съ братомъ и Лили непремѣнно заглянемъ къ вамъ въ слѣдующій же праздникъ.—И улыбнувшись еще разъ на прощанье своей обаятельной улыбкой, Ани пожала ему руку. Самъ графъ, чувствуя себя уставшимъ съ дороги, прошелъ къ себѣ, а мы, несмотря на всѣ уговоры и просьбы нашихъ друзей провести у нихъ этотъ день, ускакали съ Ранцевымъ, на его тройкѣ, въ «Милое».

Въ тотъ же вечеръ, когда я, уже приготовляясь лечь спать, лѣниво доплетала на ночь косу, кто-то стукнулъ пальцемъ въ мое окно.

Я быстро выглянула въ садъ. Въ лучахъ мѣсяца, вся облитая его нѣжнымъ сіяніемъ, кутаясь въ бѣлый пуховый платокъ, передъ моимъ окномъ на дорожкѣ сада стояла тетя Муся.

— Смотри какая дивная ночь, Люська, выходи скорѣе. Погуляемъ передъ сномъ,—особеннымъ, какъ мнѣ показалось тогда, голосомъ, проговорила она. Я—страстная любительница такихъ ночныхъ прогулокъ, когда серебряный мѣсяцъ заливаетъ какимъ-то призрачнымъ свѣтомъ всѣ окружающіе предметы, когда небо съ его ночными облаками кажется фантастическими владѣніями невѣдомаго волшебника, соорудившаго свой сказочный теремъ на млечныхъ высотахъ! Быстро накинула я теплую шаль и выскочила въ садъ.

— Смотри на мѣсяцъ, Люська. Красота какая! А небо-то, небо! И воздухъ какой! Ты чувствуешь—точно лѣто, а не сентябрь въ началѣ. И на душѣ какъ-то празднично нынче! Ахъ, Люська, Люська, зачѣмъ ты такъ безсовѣстно молода, что не сможешь понять меня, то, что я сейчасъ чувствую и переживаю!—непроизвольно сорвалось съ губъ тети Муси, въ то время, какъ все лицо ея такъ и дышало счастьемъ, непосредственымъ, яркимъ и молодымъ. Я замѣтила у нея такое же точно выраженіе тогда, когда она ѣхала нынче на вокзалъ встрѣчать д'Обернъ. Казалось, какой-то неисчерпаемый источникъ сокровищъ скопился въ душѣ моей тетки, и она, какъ скупецъ, дрожала надъ своимъ богатствомъ, не желая показывать его людямъ и, все же, помимо собственной воли, выдавала себя. Ея глаза, поднятые къ небу, теперь были влажны. Ихъ странный блескъ мнѣ

показался слезами, счастливыми слезами въ обманчивыхъ лучахъ мѣсяца. И губы ея улыбались счастливой и гордой улыбкой. Я крѣпко обняла ее.

— Тетя Муся, милая, родная, разскажи ты мнѣ, что у тебя на душѣ. Я уже не маленькая и сумѣю понять тебя,—просила я мою молодую тетку. Она взглянула на меня, потомъ крѣпко обняла и поцѣловала въ губы.

— Моя маленькая Люся, дай Богъ тебѣ испытать когда-нибудь такое же свѣтлое и отрадное чувство, которое испытываю сейчасъ я. Ты помнишь мои мечты о монастырѣ, объ уединенной келлійкѣ? Теперь онѣ замѣнились другими. Теперь я хочу другой жизни, совсѣмъ иной, новой. Хочу тихаго, привольнаго житья у домашняго очага, въ глуши лѣса, рядомъ съ любимымъ мужемъ, съ человѣкомъ, который понялъ и оцѣнилъ меня и не сегодня, завтра, будетъ просить меня стать его женою. Ахъ, какъ это будетъ хорошо, Люська... У меня будетъ мое собственное гнѣздышко, свои дѣти. Я буду ихъ воспитывать и любить... Появится цѣль жизни и новый смыслъ ея. И я счастлива уже при одной такой мысли, безконечно счастлива, моя милая, моя хорошая Люська!—и, говоря это, тетя Муся крѣпко обняла меня и осыпала градомъ поцѣлуевъ мои щеки, губы и глаза.

Изо всего сказаннаго я поняла, что моя тетка любитъ, «медвѣжатника», въ свою очередь любившаго ее, и что въ самомъ недалекомъ будущемъ въ нашемъ деревенскомъ домѣ будетъ отпразднована новая свадьба.

II.

ВЪ ЛѢСНОМЪ ГНѢЗДѢ.

— Кажется, мы пріѣхали слишкомъ рано?— весело, выпрыгивая съ легкостью дѣвочки изъ шарабана, спрашивала тетя Муся у подоспѣвшаго къ намъ навстрѣчу хозяина.

Я никогда еще не бывала въ «Боркѣ».

Маленькая усадьба Александра Павловича Ранцева лежала въ самой глуши огромнаго стараго лѣса, наполовину хвойнаго, наполовину лиственнаго. Небольшой, какъ бы охотничій домикъ совсѣмъ спрятался въ лѣсной чащѣ. Отъ тѣни, бросаемой деревьями, постоянные сумерки царили въ его четырехъ уютныхъ комнатахъ. Въ этихъ чистенькихъ уютныхъ горницахъ все говорило о профессіи самого хозяина. Всюду: на полу, на стѣнахъ и тафтахъ, лежали и висѣли шкуры убитыхъ Ранцевымъ звѣрей, медвѣдей по преимуществу. Всевозможныхъ родовъ оружія, начиная съ примитивнаго охотничьяго ножа и кончая усовершенствованнымъ ружьемъ послѣдняго моднаго образца, были развѣшаны поверхъ ковровъ на стѣнахъ кабинета. Два чучела огромныхъ медвѣдей стояли, какъ бы карауля входъ въ охотничій домикъ. Подъ письменнымъ столомъ покоился старый матерый волкъ, набитый сѣномъ. Кромѣ повара и кучера Гаврилы, великолѣпнаго охотника въ Боркѣ,

у Ранцева не было другой прислуги. Зато здѣсь находилась цѣлая псарня самыхъ разнородныхъ охотничьихъ псовъ. Съ оглушительнымъ лаемъ и визгомъ встрѣтила насъ цѣлая дюжина собакъ, сеттеровъ, легавыхъ, гончихъ и рѣдкихъ волкодавовъ, привѣтствуя наше появленіе. Со-

баки лаяли, арапникъ щелкалъ, поваръ и Гаврила унимали ихъ, надрываясь отъ тщетныхъ усилій прекратить этотъ оригинальный концертъ. Впечатлѣніе отъ первыхъ минутъ нашего появленія въ Боркѣ получилось самое смѣшанное. Наконецъ всѣми правдами и неправдами удалось утихомирить собакъ, и хозяинъ, радостный и счастливый нашимъ пріѣздомъ, повелъ насъ показывать намъ свои владѣнія.

Чудный, любимый мой лѣсъ служилъ прекрасной рамой къ его маленькой усадьбѣ. И тихій меланхолическій шумъ деревьевъ чудесно гармонировалъ съ тишиной охотничьяго домика, нарушаемой, развѣ только, собачьимъ лаемъ да звуками гитары, подъ аккомпанементъ которой распѣвалъ свои пѣсни Ранцевъ. Все здѣсь намъ ужасно понравилось мнѣ и тетѣ Мусѣ. Мы не успѣли налюбоваться, какъ слѣдуетъ, шкурами и чучелами звѣрей, какъ послышался стукъ подъѣзжающаго экипажа, и цвѣтныя платья барышень замелькали среди зелени деревьевъ. А черезъ нѣсколько секундъ высокій вмѣстительный кабріолетъ д'Обернъ подкатилъ къ крыльцу лѣсной усадьбы. Пріѣхала изъ «Анина» только молодежь. Старый графъ, миссъ Гаррисонъ и madame Клео остались дома. Марія и Лили одѣлись соотвѣтственно случаю въ простыя ситцевыя платья со скромными украшеніями, чтобы удобнѣе было чувствовать себя среди не вполнѣ обыденной обстановки, природы и лѣса. Этьенъ тоже надѣлъ ради случая самый скромный костюмъ. Одна Ани вырядилась, словно на балъ или для театра. Воздушное газовое платье нѣжно-зеленаго цвѣта съ массою кружевъ, оборокъ и рюшей, утрированно-узкое у ступней ногъ, окутывало, какъ облако, ея тонкую, стройную фигуру. Зеленые же чулки и башмаки съ пряжкой такъ мало подходили для прогулки по лѣсу. Огромная шляпа кивала съ головы юной графини своими нарядными страусовыми перьями. Вслѣдствіе неимовѣрной узкости подола, Ани едва могла ступать и семенила маленькими смѣшными шажками.

Мы невольно переглянулись съ тетей Мусей при видѣ этого театральнаго костюма. Но Ани не замѣтила нашего изумленія. Она казалась особенно оживленной нынче. Самая очаровательная улыбка не сходила съ ея розовыхъ губокъ, а разгорѣвшіеся глаза такъ и сіяли отъ удовольствія. Она, то и дѣло, смѣялась, звонко и несовсѣмъ естественно и кокетничала на пропалую съ хозяиномъ дома. «Нѣтъ, нѣтъ, monsieur Ранцевъ,—со своей обворожительной улыбкой запротестовала она, когда Александръ Павловичъ пожелалъ вести къ обѣденному столу тетю Мусю,—нѣтъ, нѣтъ, сегодня вы мой плѣнникъ и я васъ не уступлю никому. Неужели же вы будете такъ нелюбезны, — чтобы отказываться отъ общества дамы,—прибавила она, кокетливо поглядывая на немного растерявшагося Ранцева. Александръ Павловичъ былъ настоящимъ дикаремъ по натурѣ. Онъ никогда не вращался въ свѣтскомъ обществѣ и явно оказываемое ему вниманіе со стороны свѣтской барышни и смущало, стѣсняло его, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько льстило его самолюбію, потому что онъ особенно любезно и внимательно сталъ относиться къ Ани. За столомъ съ одной стороны Ранцева помѣстилась тетя Муся, съ другой—Ани. Какъ любезный хозяинъ, онъ старался оказывать въ одинаковой мѣрѣ вниманіе той и другой. Но Ани, буквально, не давала ему никакой возможности перемолвиться хоть однимъ словомъ съ его другой сосѣдкой. Она трещала безъ-умолку о Парижѣ и морскихъ купаньяхъ, на которыхъ провела послѣднее лѣто, и объ утомившемъ ее зимнемъ бальномъ сезонѣ и о томъ, что она тер-

пѣть не можетъ шума и свѣтскихъ выѣздовъ, а предпочитаетъ тихую жизнь гдѣ-нибудь въ захолустьѣ среди лѣсовъ и дубравъ милой родины.

— Милой родины? Полно, такъ ли я слышу?— внезапно вмѣшался въ этотъ разговоръ Этьенъ, сидѣвшій между Лили и мною за обѣдомъ:—съ какихъ это поръ ты стала такой ярой патріоткой, Ани, и такъ полюбила свою «милую» родину. Въ Парижѣ и за границей, помнится мнѣ, ты ее терпѣть не могла и съ тоскою и унынiемъ помышляла о возвращенiи назадъ, въ Россію. А теперь? Какой вѣтеръ повѣялъ на васъ, моя дражайшая сестрица?—съ добродушнымъ смѣхомъ заключилъ свою рѣчь Этьенъ. Но этотъ добродушный смѣхъ не понравился Ани. Ея лицо приняло сердитое, негодующее выраженiе, а очаровательная улыбка замѣнилась гримасой неудовольствiя.

— Разъ я говорю—стало-быть, это такъ!— произнесла она съ уничтожающимъ взглядомъ въ сторону брата,—и мнѣ странно, что ты рѣшился судить о томъ, чего самъ хорошенько не знаешь.

— Я сужу только по вынесенному мною впечатлѣнiю,—отпарировалъ Этьенъ—и по твоимъ словамъ.

Новое блюдо, мастерски зажаренная оленина (Александръ Павловичъ, угощалъ насъ подстать обстановкѣ лѣсной усадьбы охотничьими блюдами преимущественно), прекратило споръ.

— Посмотри, какъ ломается нынче наша Аничка!—шепнула мнѣ Лили, наклоняясь надъ своей тарелкой,—она задалась, очевидно, цѣлью

очаровать медвѣжатника, который имѣлъ удовольствіе ей понравиться съ первой же встрѣчи.

— Ну вотъ еще! Никто ей не можетъ нравиться. Ей нравится только она сама,—такъ же тихо отвѣчала я.

— Много ты понимаешь!—усмѣхнулась Лили. Я нашу Ани наизусть выучила. Отъ скуки и бездѣлья она готова пуститься даже въ глупое кокетство. Не даромъ же сегодня прежде, нежели надѣть это платье, она перебрала и забраковала съ десятокъ другихъ. Мы съ Маріей изъ силъ выбились, помогая ей одѣваться. А сейчасъ ты видишь, какъ она ломается все время. Слѣпой и тотъ замѣтитъ.

Дѣйствительно, Ани не переставала кокетничать во все продолженіе обѣда, вызывая этимъ удивленіе и неудовольствіе со стороны присутствующихъ. Наконецъ, кончился этотъ долгій, ставшій подъ конецъ, несмотря на любезность и хлѣбосольство хозяина, утомительнымъ обѣдъ. За десертомъ Ани сказала, посылая одну изъ очаровательнѣйшихъ своихъ улыбокъ по адресу своего сосѣда:—Мнѣ такъ безумно нравится ваша тройка, monsieur Ранцевъ и такъ страстно хочется нынче пронестись еще разъ на этихъ чудо-сказочныхъ коняхъ. Вы не откажете прокатить меня на ней послѣ обѣда, разумѣется?

— Ну, это не совсѣмъ любезно съ твоей стороны по отношенію насъ другихъ гостей,—замѣтила Лили,—всѣмъ намъ хотѣлось бы тоже прокатиться на чудесной тройкѣ, но всѣмъ не помѣститься въ экипажѣ monsieur Ранцева. А это довольно таки скучная исторія сидѣть дома, поджидая тѣхъ, кому посчастливилось совершить такую прогулку.

— Но я съ удовольствіемъ посижу дома и подожду васъ,—предупредительно вставила свое слово Марія, всегда готовая на жертвы ради другихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и думать объ этомъ не смѣй!— категорически запротестовалъ Этьенъ, — если всѣмъ нельзя помѣститься въ экипажѣ, то и не слѣдуетъ ѣхать вовсе. Лучше пройдемте въ лѣсъ, погуляемъ пѣшкомъ.

— Терпѣть не могу ходить пѣшкомъ. И теперь рано темнѣетъ къ тому же, да и сырость всегда поздней осенью въ лѣсу,—недовольнымъ голосомъ протянула Ани.

— Ну, что ты! какая же теперь поздняя осень? Тепло и ясно какъ лѣтомъ. Сама же ты пріѣхала въ легкомъ кисейномъ платьѣ, такъ, стало-быть, менѣе всего думала о сырости,—добродушно посмѣивался надъ сестрой Этьенъ.

Ани поневолѣ пришлось сдаться и прикусить язычокъ. Легкое газовое платье на этотъ разъ послужило вѣской уликой противъ его хозяйки. Кромѣ того, всѣ мы съ такимъ восторгомъ схватились за идею пѣшей прогулки, что Ани оставалось только подчиниться всеобщему голосу и желанію большинства.

— Monsieur Ранцевъ, я не могу итти одна, дайте мнѣ вашу руку,—тянула она тѣмъ же недовольнымъ тономъ, тяжело повисая на рукѣ Александра Павловича. Нашъ скромный «медвѣжатникъ», очевидно, былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ блестящей молоденькой аристократки, потому что онъ съ самымъ галантнымъ видомъ предложилъ ей руку и повелъ ее на прогулку. Этьенъ, въ свою очередь, предло-

жилъ руку тетѣ Мусѣ. Марія, Лили и я, взявшись за руки замыкали шествіе.

Тѣми же смѣшными маленькими шажками Ани, слишкомъ стянутая своей узкой модной юбкой, засеменила по лѣсной тропинкѣ. Перья ея шляпы то и дѣло задѣвали за вѣтви деревьевъ, а оборки ея легкаго газоваго платья грозили ежеминутно зацѣпиться за встрѣчные сучья, порваться и обратиться въ лохмотья. Къ тому же, непривычная къ лѣснымъ прогулкамъ, она постоянно спотыкалась; ноги у нея подвертывались, и если бы не предупредительность и ловкость ея кавалера, Ани давно бы растянулась во всю ея длину посреди лѣсной дороги.

— Терпѣть не могу такихъ прогулокъ! Толи дѣло Булонскій лѣсъ и Елисейскія поля! Такихъ трущобъ, какъ здѣсь, и помину нѣтъ за границей!—ворчала она.

— А какъ же, милая, родина и тоска по ней? И желанье забиться въ глухія дебри Россіи, все то, о чемъ ты съ такимъ жаромъ проповѣдывала за обѣдомъ?—подхватилъ Этьенъ, никогда не пропускавшій ни слова изъ рѣчи собесѣдниковъ.

— Ха, ха, ха!—разразилась смѣхомъ Лили, довольная тѣмъ, что удалось смутить юную графиню.

— Я... я... совсѣмъ не то хотѣла сказать...—оправдывалась, чуть ли не въ первый разъ въ жизни сконфузившаяся Ани—я хотѣла только...

Но ей не пришлось договорить того, что она хотѣла сказать. Легкій шелестъ въ травѣ среди сухихъ листьевъ, въ сторонѣ отъ лѣсной дороги, привлекъ наше вниманіе. Зашевелились сухіе, прошлогодніе листья, и при яркомъ свѣтѣ солнца въ пожелтѣвшей травѣ мелькнула сѣрая

глянцовитая въ черныхъ крапинкахъ спина какого-то пресмыкающагося.

— Змѣя!—не своимъ голосомъ вскрикнула Ани.—Змѣя, мнѣ дурно, поддержите меня!—и она разсчитанно-граціознымъ движеніемъ стала клониться къ землѣ, съ тѣмъ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы ея спутникъ поддержалъ ее. И это движеніе и самый крикъ Ани показались намъ всѣмъ неестественнымъ, вычурнымъ, театральнымъ.

— Господь съ вами! откуда здѣсь у насъ могутъ быть змѣи, графиня, это просто большая лягушка,—успокаивалъ ее Ранцевъ.

Но она ничего не хотѣла слышать.

— Я боюсь... я не могу.... я не хочу итти въ лѣсъ. У меня ноги подкашиваются отъ страха. Шагу ступить не могу дальше... Monsieur Ранцевъ, не будете ли такъ добры взять меня на руки и донести до дома? Вы такой сильный, что я думаю вамъ это не доставить труда,—произнесла томно Ани, бросая въ сторону своего спутника умоляющіе взгляды.

Александръ Павловичъ совсѣмъ смутился и растерянными глазами поглядывалъ на всѣхъ насъ. Этьенъ вспыхнулъ.—Что за глупости ты выдумываешь, Ани,—произнесъ онъ такимъ недовольнымъ голосомъ, какого я еще и не слышала у него,—что ты разыгрываешь изъ себя маленькую, наивную дѣвочку? Вѣдь тебѣ уже девятнадцать лѣтъ—постыдись!

— Но я боюсь, боюсь! Я шагу не могу сдѣлать, повторяю... Мнѣ все будетъ казаться, что эти отвратительныя змѣи и жабы коснутся моей ноги, и мнѣ дѣлается дурно при одной мысли

объ этомъ!—лепетала Ани, дѣлая испуганное, страдальческое лицо.

— Какой вздоръ,—окончательно возмутился Этьенъ,—тебѣ же говорятъ, что змѣй здѣсь и не водится даже, а что касается лягушекъ, то ихъ глупо бояться: онѣ удираютъ при малѣйшемъ приближеніи человѣка и бояться ихъ нечего, онѣ безвредны. Если же ты чувствуешь себя дурно, дай одну руку мнѣ, другую Маріи Сергѣевнѣ, и мы доведемъ тебя.

Очевидно, такая перспектива мало улыбалась Ани, потому что она тотчасъ же подтянулась и, какъ ни въ чемъ не бывало, засеменила снова своими маленькими ножками, опираясь на руку Ранцева.

Этьенъ снова повелъ тетю Мусю. Я съ Маріей и Лили ровнымъ шагомъ, въ ногу, подражая солдатамъ, замаршировали, крѣпко держась за руки.

«Allons, enfants de la patrie» (идемъ, дѣти родины),—запѣла на весь лѣсъ гимнъ арміи Спасенія звонкимъ пріятнымъ голосомъ молоденькая швейцарка и мы быстро прошли впередъ. Довольно далеко отстала отъ насъ остальная компанія. Пѣсня арміи Спасенія смѣнилась бравурнымъ маршемъ Буланже. Я весело подтягивала Лили въ то время, какъ Марія то и дѣло оглядывалась, стараясь узнать, что происходило позади насъ, какъ себя чувствовала Ани, состояніе которой тревожило ее не на шутку.—Перестань волноваться, Мари, ничего не случится съ твоей принцессой,—убѣждала Лили нашу спутницу;—охота быть такою легковѣрной и реагировать такъ на всѣ ломанья этой кривляки».

— Ахъ, неправда, вы не понимаете Анички! У Анички особенная душа, которую никто не пой-

метъ, къ ней нельзя подходить съ обыкновенной мѣркой. Ани слишкомъ аристократка по духу...— отчаянно защищала свою подругу Марія.

— Ха, ха, ха!—заразительно-весело и громко расхохоталась Лили,—ты, должно-быть....

Но ей не суждено было докончить ея фразы.

Въ ту же секунду рѣзкій отчаянный крикъ пронзительнымъ звукомъ пронесся по лѣсу.

— Ай, больно! больно!—услышали мы вслѣдъ за этимъ душу раздирающіе вопли. Быстро переглянувшись между собою, мы повернули назадъ. Странная картина представилась нашимъ глазамъ. Ани вся бѣлая, какъ бѣлый шарфъ, кинутый на ея плечи, сидѣла на пнѣ срубленнаго дерева.

Тетя Муся, Этьенъ и Александръ Павловичъ стояли подлѣ нея.

Всѣ трое хранили на лицахъ озабоченное и тревожное выраженіе.

— Ужъ эти высокіе модные каблуки... Не даромъ я терпѣть не могу ихъ... Съ ними не только свихнуть, но и сломать ногу можно. Бѣдная Ани, вамъ, должно-быть, очень больно?— сочувственно говорила тетя Муся.

— О!—могла только простонать Ани въ отвѣтъ. Теперь она уже не притворялась. Краски совсѣмъ сбѣжали съ ея лица. Даже губы ея побѣлѣли и замѣтно дрожали. А чудные наполненные мукой страданія глаза невольно вызывали сочувствіе присутствующихъ. Теперь ея недавно еще холодное, полное самоувѣренности, надменное лицо казалось дѣтски трогательнымъ, безпомощнымъ и милымъ. Изящная зеленая туфелька со сбитымъ на сторону каблукомъ лежала въ травѣ, какъ наглядное доказательство случившагося несчастья. Те-

перь уже Ани дѣйствительно не могла итти. И самъ Этьенъ попросилъ Ранцева помочь донести его сестру до дома. Мужчины скрестили кисти рукъ и наклонились передъ Ани. Послѣдняя при помощи тети Муси и Маріи опустилась на эти живыя носилки и, охвативъ руками плечи Ранцева и брата, поднялась на ихъ сильныхъ рукахъ на воздухъ.

Обратное шествіе въ Борокъ было печальнымъ шествіемъ. Ани каждую минуту испускала стоны. Вывихнутая нога болѣла ужасно. Непроизвольныя слезы то и дѣло выступали у нея на глазахъ. Намъ всѣмъ было смертельно жаль бѣдную дѣвушку. Наконецъ, мы достигли лѣсного домика. Мужчины опустили Ани на широкую тафту въ кабинетѣ хозяина.

Кучеръ Гаврило помчался на одной изъ бѣлыхъ лошадей, умѣвшей ходить и въ запряжкѣ и подъ верхомъ, въ городъ за докторомъ. Всѣ мы окружили ложе Ани, стараясь, насколько возможно, облегчить ея страданія. Черезъ часа полтора прискакалъ докторъ и вправилъ вывихнутый суставъ. Надо сказать, къ чести Ани, она съ рѣдкой стойкостью выдержала эту операцію и только крѣпко сжимала зубы, чтобы не кричать отъ боли на весь домъ. Больную ногу забинтовали, обложивъ предварительно лубками. Теперь, когда боль утихла, Ани снова стала прежней свѣтской, самоувѣренной барышней. Она кокетливо благодарила Ранцева за его заботы о ней и, томно поглядывая на него, страшно конфузившагося съ непривычки подъ этими взглядами, извинялась за причиненное ею въ его домѣ безпокойство. Экипажъ д'Обернъ долженъ былъ пріѣхать только къ десяти вечера. Ранніе осен-

ніе сумерки скоро окутали лѣсъ. Въ двухъ шагахъ отъ дома и террасы, гдѣ мы пили чай, притаилась черная безпросвѣтная мгла. То тутъ, то тамъ собаки, вѣрные сторожа усадьбы, нарушали тишину своимъ угрожающимъ лаемъ. Но вотъ замелькали огоньки на полянѣ, окружающей лѣсной домикъ. Это поваръ и кучеръ зажигали иллюминацію. Вскорѣ на всѣхъ ближайшихъ деревьяхъ загорѣлись разноцвѣт ые фонарики и ближайшая къ намъ часть лѣса освѣтилась.

Получилась фееричная картина. Къ ней прибавился скоро еще новый неожиданный эффектъ. Съ шипѣньемъ взвилась съ середины поляны огненная змѣя ракеты и цѣлымъ милліардомъ горючихъ стрѣлъ понеслась обратно къ землѣ, за нею—другая, третья. Всѣ пришли въ восторгъ отъ фейерверка. Только вѣчно чѣмъ-либо озабоченная Марія и тутъ осталась вѣрна себѣ: она прожужжала всѣмъ намъ уши своею просьбою прекратить фейрверкъ изъ опасенія поджечъ лѣсъ и домъ.

— А теперь спойте намъ что-нибудь. Вы такъ дивно поете,—попросила я нашего гостепріимнаго хозяина.

— Да, да,—подхватили мою просьбу и всѣ присутствующіе—вы должны намъ спѣть! Берите же скорѣе вашу гитару... Мы ждемъ...

— Доставьте мнѣ удовольствіе, monsieur Ранцевъ,—томно присоединила свой голосокъ къ голосамъ остальныхъ и Ани,—я такъ люблю наше заунывное русское пѣніе.—И она улыбнулась снова своей чарующей улыбкой, дѣйствіе которой знала какъ нельзя лучше. Ранцевъ, далекій глупаго ломанія, безъ отговорокъ принесъ гитару и, ударивъ по струнамъ, сыгралъ прелюдію.

«Близко города Славянска
Наверху крутой горы...»

— началъ онъ своимъ звучнымъ бархатнымъ басомъ. Всѣ затихли при первыхъ же звукахъ этого чуднаго голоса и обратились въ слухъ. По мѣрѣ того какъ разгоралась пѣсня въ представленіи слушателей воскресъ древній городъ, старинный русскій боярскій теремъ со стрѣльчатыми оконцами... Мелькнуло румяное свѣжее личико юной пригожей боярышни. Предсталъ передъ нею и статный смѣлый богатырь-витязь, увозившій Любашу изъ родного дома... Бѣгство... Погоня... крики... А бархатный голосъ пѣвца разливался все шире и шире, все властнѣе и властнѣе захватывалъ наше вниманіе, все пѣвучѣе и пѣвучѣе расплывался въ тепломъ по лѣтнему сентябрьскомъ воздухѣ. Черная мгла таилась попрежнему тамъ, далеко въ лѣсу. Попрежнему гирляндой разноцвѣтныхъ фонариковъ была освѣщена усадьба. По прежнему вспыхивали здѣсь и тамъ отрывистые голоса лающихъ псовъ... Но настроеніе было уже другое. Не знаю, какъ у другихъ, но мнѣ въ душу вливалась пріятная, сладкая грусть и чувство неизмѣримой любви къ своей родинѣ, сознательно и ярко заговорившія въ моемъ сердцѣ въ эти минуты, подъ впечатлѣніемъ настоящей русской старинной пѣсни.

За первой пѣснью зазвучала вторая...

Привольемъ русской широкой степи повѣяло отъ нея...Объ удалой древней дружинѣ, о грозныхъ наѣздахъ русскихъ витязей-богатырей на татаръ-басурманъ, на печенѣговъ варяговъ говорилось въ ней... Идетъ кровавая сѣча. Падаютъ одинъ за другимъ русскіе витязи, валятся,

какъ колосья спѣлые на нивѣ... Слышится лязгъ сабель и звонъ мечей... Валятся долу буйныя богатырскія головы... Грозно радуются, ликуютъ враги. И вотъ появляется главный витязь-вождь, не то Микула Селяниновичъ, не то Добрыня Никитичъ, съ лицомъ и фигурой Александра Павловича Ранцева, нашего медвѣжатника; и при видѣ него бросаются въ бѣгство враги... Такая картина представлялась моимъ умственнымъ взорамъ подъ дивное пѣніе хозяина дома. А пѣсня все лилась, разливалась широкой волною, то вспыхивая, то замирая... Я незамѣтно обвела глазами лица присутствующихъ. Глубокой задумчивостью дышали черты Этьена... Неподдѣльнымъ восторгомъ искрились глаза тети Муси. Ярко разгорѣлись щеки Лили. Обычная озабоченность покинула старообразное лицо Маріи, и она помолодѣла и засіяла подъ впечатлѣніемъ пѣнія. Но сильнѣе другихъ, казалось, была очарована Ани. Она буквально не сводила глазъ съ пѣвца и неопредѣленная мягкая улыбка, дѣлавшая прелестнымъ ея классически правильное личико, не сходила съ губъ молодой графини.

Неожиданно оборвалась рыдающая струна... Александръ Павловичъ передохнулъ немного и снова заигралъ прелюдію другой пѣсни: «За моремъ синица...»—бойко и весело затянулъ онъ, тряхнувъ кудрями. Куда дѣвалась за минуту до этого преобладающая меланхолическая нотка въ его пѣніи?.. Теперь онъ словно преобразился. Загорѣлись бойкими задорными огоньками его дѣтски добродушные глаза, раскрылись въ простой довѣрчиво-радостной улыбкѣ губы. Онъ притоптывалъ въ тактъ пѣсни ногою, присвистывалъ и ухарски гикалъ послѣ каждаго куплета. И

всѣ мы оживились вмѣстѣ съ нимъ. Веселый плясовой мотивъ словно вихремъ налетѣлъ и подхватилъ насъ и закружилъ наши головы и сердца въ какой-то воображаемой пляскѣ. Стало вдругъ весело-весело на душѣ. Захотѣлось всѣхъ обласкать, обнять, видѣть во всѣхъ окружающихъ друзей и доброжелателей. Поэтому непріятнымъ разочарованіемъ явилось для насъ появленіе Гаврилы, возвѣстившаго о присланныхъ за молодыми господами изъ «Анина» лошадяхъ.

— Я никогда не забуду ни этого дивнаго пѣнія ни сегодняшнаго вечера, проведеннаго въ вашемъ чудномъ лѣсномъ уголку, — особенно значительно, съ ласковымъ взглядомъ и своей обаятельной улыбкой произнесла Ани, пожимая руку медвѣжатника. Тотъ еще не успѣлъ опомниться отъ захватившаго его самого очарованія, навѣяннаго звуками гитары и мелодичнымъ складомъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ. Онъ стоялъ смущенный и счастливый произведеннымъ на всѣхъ насъ впечатлѣніемъ, получившимся отъ его дѣйствительно-рѣдкаго исполненія. Вдругъ лицо Ани приняло лукавое выраженіе, а синіе глаза блеснули кокетливо и зодорно:

— Какъ хорошо было бы, monsieur Ранцевъ, если бы вы проводили насъ!—произнесли просительно ея розовыя губки.

— Но, но вѣдь у меня остаются еще гости— Марья Сергѣевна и Люсенька, — сконфуженно пролепеталъ ей въ отвѣтъ Александъ Павловичъ.

— О, что касается насъ, то, пожалуйста, не стѣсняйтесь. Намъ съ Люсей давно пора домой,— холоднымъ офиціальнымъ тономъ отвѣчала тетя Муся, и лицо ея приняло въ эту минуту то выра-

женіе недовольства, которое я не выносила у нея.

— Вотъ и отлично,—искренно вырвалось у Ани, — вотъ и отлично: за нами прислали семейную долгушу, въ которой мы всѣ прекрасно размѣстимся. Сначала завеземъ въ «Милое» барышень, а потомъ вы проводите насъ до Анина,—тономъ, не допускающимъ возраженія, уже командовала она. Новыя тѣни проползли по лицу тети Муси, но она сдѣлала усиліе надъ собою и заставила себя согласиться принять предложеніе.

Я никогда не забуду этой поѣздки. Лошади шли почти шагомъ по едва освѣщаемому фонарями у экипажей пути. Старыя вѣковыя сосны и огромныя лиственницы чуть поскрипывали и шумѣли среди абсолютной темноты.

Всѣ молчали. Только Ани была оживлена противъ своего обыкновенія и болтала безъ-умолку, обращаясь къ «медвѣжатнику», продолжая восторгаться его голосомъ и манерой пѣть.

Былъ одиннадцтый часъ, когда насъ съ тетей Мусей высадили у крыльца нашего дома. Мы прошли къ себѣ, а прочая компанія поѣхала дальше, направляясь къ графской усадьбѣ.

III.

БѢЛАЯ РОЗА.

Съ пріѣздомъ семьи д'Обернъ началась новая, совсѣмъ новая жизнь и въ нашемъ скромномъ «Миломъ» и у нашихъ сосѣдей, въ графской усадьбѣ. Теперь не проходило ни одного дня, чтобы мы не видѣлись съ нашими друзьями и не собирались въ одно большое оживленное общество. То они пріѣзжали къ намъ, то мы, вѣрнѣе я съ Ганей и тетей Мусей (отецъ рѣдко сопутствовалъ намъ, онъ продолжалъ безъ-устали работать надъ дѣлами имѣнія), ѣхали въ Анино. Тамъ мы играли въ лаунъ-теннисъ, въ крокетъ; или же въ petits jeux въ дурную погоду въ комнатахъ. Иной же разъ, вспомнивъ доброе старое время, читали, какъ бывало въ дѣтствѣ, вслухъ Гоголя, Тургенева или Диккенса, къ полному удовольствію миссъ Гаррисонъ, очень любившей такіе «литературные», какъ мы ихъ называли, вечера. Теперь наше общество какъ-то раздѣлилось, разбилось на три группы, хотя мы, повидимому, и находились всѣ вмѣстѣ, одной тѣсной компаніей.

Этьенъ держался больше около меня и тети Муси. Этьенъ, словно возобновившій его дѣтскую дружбу со мною, на каждомъ шагу, даже въ мелочахъ выражалъ мнѣ свое искреннее

расположеніе. Мы много спорили съ нимъ о прочитанныхъ книгахъ, много бесѣдовали и были неразлучны во время прогулокъ. Къ намъ чаще всего присоединялась Лили. Ганя же больше находилась въ обществѣ Маріи, съ которой у нея находились постоянно общія темы для разговоровъ по вопросамъ хозяйства. Что же касается Ани, то она деспотически завладѣла обществомъ Ранцева и ни на шагъ не отпускала его отъ себя къ огромному неудовольствію тети Муси, теперь почти окончательно лишившейся этого общества. Нашъ милый «медвѣжатникъ» совершенно подпалъ подъ вліяніе ловкой свѣтской дѣвушки, продолжавшей кокетничать съ нимъ напропалую. Едва удавалось Александру Павловичу урваться отъ своей дамы, подойти къ намъ и вмѣшаться въ нашу бесѣду, на прогулкѣ или во время игры въ теннисъ или крокетъ, какъ Ани подъ самыми разнообразными предлогами отзывала его обратно.

— Monsieur Ранцевъ, спойте мнѣ что нибудь.. Monsieur Ранцевъ, разскажите мнѣ какой-нибудь случай изъ вашей охотничьей жизни. Monsieur Ранцевъ, дайте мнѣ руку, я совсѣмъ не умѣю ходить по вашимъ трущобнымъ дорогамъ,— говорила она, сопровождая свои слова очарвательнѣйшими улыбками. Дома, у себя или у насъ, Ани брала гитару, привозимую теперь Ранцевымъ изъ Борка, каждый разъ и просила его научить ее пѣнію заунывныхъ русскихъ пѣсенъ. Но голосъ у Ани былъ рѣзкій и непріятный, совсѣмъ обратный ея очаровательной внѣшности, и пѣніе, вслѣдствіе этого, не шло на ладъ. Иногда Ранцевъ заѣзжалъ за нами на своей бѣшеной бѣлой тройкѣ и каталъ насъ долго по

окрестностямъ. И тутъ Ани старалась одна завладѣть его вниманіемъ, не уступая его никому; она, во что бы то ни стало, хотѣла научиться править лошадьми къ немалому неудовольствію миссъ Гаррисонъ, находившей такое занятіе далеко не подходящимъ для молодой дѣвушки изъ старинной аристократической фамиліи. Такимъ образомъ пролетѣлъ мѣсяцъ и скоро долженъ былъ кончиться срокъ отпуска Этьена. Не знаю, какъ мой товарищъ дѣтства, но я при одной мысли о предстоящей разлукѣ съ нимъ чувствовала какую-то щемящую смутную тоску и тревогу. Октябрь стоялъ прохладный, но погожій въ этомъ году. Скупое осеннее солнце баловало еще природу и давало возможность совершать намъ дальнія прекрасныя прогулки.

Стоялъ одинъ изъ такихъ погожихъ ясныхъ деньковъ за три дня до отъѣзда Этьена. Мы рѣшили воспользоваться имъ, чтобы совершить послѣднюю далекую прогулку въ монастырь, куда давно уже собирались ѣхать всею компаніей. Этотъ монастырь лежалъ въ десяти верстахъ отъ города на берегу рѣки и представлялъ изъ себя давнишній памятникъ русской исторической старины. Когда-то, когда шведы подходили къ Новгороду, монахини этого стариннаго русскаго манастыря вмѣстѣ съ его святынями скрылись въ подземелье обители и выдержали въ немъ десятидневную осаду. Многія изъ нихъ умерли отъ слабости и голода, а тѣ, что вышли живыми изъ-подъ земли, казались по виду не лучше мертвыхъ. Паломники и странники, навѣщавшіе обитель, считали своимъ долгомъ заглянуть въ подземелье, гдѣ была сооружена подземная часовня на мѣстѣ погибшихъ голодной смертью осажден-

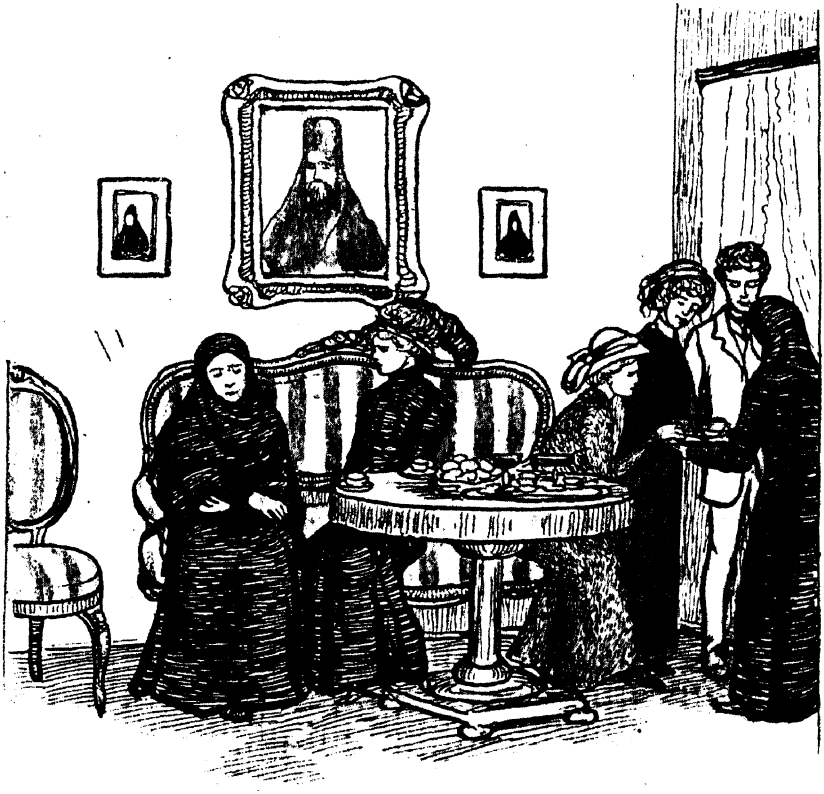
ныхъ. За часовней находился знаменитый «лабиринтъ», какъ его называли, то-есть длиннѣйшій подземный ходъ, ведущій въ сосѣдній лѣсъ, развѣтвлявшійся по пути на цѣлую массу мелкихъ ходовъ и лазеекъ, прорытыхъ съ цѣлью запутать преслѣдователей, напавшихъ на слѣдъ, и сдѣлать затруднительнѣй выходъ изъ подземелья...

Этотъ лабиринтъ интересовалъ насъ много больше и самого монастыря и подземной часовни. Тетя Муся, частенько навѣщавшая обитель, много разсказывала мнѣ о немъ, я же передала нашимъ друзьямъ эти разсказы, и они еще больше разожгли всеобщее любопытство.

Рѣшено было ѣхать въ монастырь сразу послѣ ранняго деревенскаго обѣда. Къ двумъ часамъ дня вся компанія собралась у насъ въ «Миломъ». На этотъ разъ Ани одѣлась соотвѣтственно обстоятельствамъ. Изящный скромный осенній костюмъ и маленькая фетровая шляпа были на ней въ этотъ день. Старшіе поручили насъ тетѣ Мусѣ. Ни Ганя съ отцомъ, ни миссъ Гаррисонъ, ни madame Клео не поѣхали съ нами. Въ тройку Ранцева сѣла Ани, Лили, Марія и онъ самъ. Я же, Этьенъ и тетя Муся помѣстились въ нашемъ шарабанѣ. Съ тихой привѣтливой радостью встрѣтили насъ обитательницы монастыря. Мать Аделаида, старая мать Евѳимія и молодая бѣличка Ѳеша съ ея худымъ тонкимъ, одухотвореннымъ лицомъ древней христіанской мученицы, особенно обрадовались тетѣ Мусѣ:

— Давненько, давненько, не бывали у насъ, Марья Сергѣевна. Что ужъ мы, а и сама мать игуменья стосковалась по васъ... Не однажды изволила освѣдомляться: что де Ордынцева-бары-

шня не жалуетъ къ намъ. И вамъ, господа, несказанно рады... Пожалуйте съ миромъ, гости богоданные, — пѣла рыхлая, мать Евѳимія, сопровождая чуть ли не каждую свою фразу низкими монашескими поклонами. Такими же низ-



кими поклонами встрѣчали насъ и Аделаида съ Ѳешей. Потомъ всѣ трое повели насъ къ игуменьѣ. Эта игуменья, величавая, суровая старуха, когда-то въ молодости потерявшая на войнѣ горячо любимаго отца, и постригшаяся въ монахини, оставшись круглой сиротою, встрѣтила насъ съ особеннымъ радушіемъ.

— Люблю молодежь, люблю видѣть вокругъ себя свѣтлыя. веселыя юныя лица, — говорила она намъ, угощая насъ чаемъ со свѣжимъ сотовымъ медомъ, кренделями и булочками собственнаго монастырскаго изготовленія. — Какъ-то на сердцѣ радостно и свѣтло становится, когда видишь вокругъ себя молодую кипучую жизнь. Да, велика заслуга инокини, коя въ обители спасется, но паче угоднѣе Господу заслуга спасшихся среди суеты и шума мирского—какимъ-то проникновеннымъ глубокимъ голосомъ произнесла она, глядя куда-то вдаль въ окно поверхъ нашихъ головъ и перебирая четки...

— Сейчасъ намъ проповѣдь о спасеніи души начнетъ читать, повидимому,—насмѣшливо улыбнувшись шепнула Ани своей сосѣдкѣ по чайному столу, Лили, но не нашла въ ней сочувствія своей неумѣстной шуткѣ.

Бойкую молоденькую швейцарку, очевидно, тоже захватила окружающая, непривычная ей обстановка, невиданная еще никогда Лили. Маленькая, уютная келлійка съ ея запахомъ кипарисоваго дерева, яблоковъ и лампаднаго масла, большой кіотъ въ углу съ теплившимися передъ каждымъ образомъ лампадами, аналой съ раскрытой книгой священнаго писанія, положенной на немъ, простая удобная мебель, скромная сервировка стола и сама мать Ольга, съ ея величавымъ, строгимъ лицомъ и доброй улыбкой—все это не могло не произвести должнаго впечатлѣнія на насъ всѣхъ. И шутка Ани могла показаться только глупой и неумѣстной. Къ счастью игуменья не разслышала ея шопота. Она разговаривала въ эту минуту съ Этьеномъ и тетей Мусей, просившихъ ее дать намъ воз-

можность осмотрѣть подземелье, часовню и лабиринтъ.

— Часовню посѣтите съ Божіей милостью, ничего противъ этого не имѣю, тамъ икону древнюю увидите во имя великомучениковъ, Бориса и Глѣба и Іоанна Воина, а насчетъ лабиринта — мой совѣтъ туда не заглядывать. Не надежны стѣны подземелья, того и гляди обломятся. Нѣтъ моего благословенія итти въ лабиринтъ,—заключила она серьезно. Потомъ снова обратилась съ разспросами чисто хозяйственнаго свойства къ тетѣ Мусѣ, къ которой питала какую-то исключительную привязанность.

— Ухъ! Съ плечъ бремя скатилось! Пренесносная старуха эта ваша мать настоятельница,— утрированно обмахиваясь платкомъ и выходя на свѣжій воздухъ, насмѣшливо говорила Ани...

— Я только и боялась, чтобы она не стала, какъ средневѣковый Савонарола, убѣждать насъ всѣхъ постричься въ монахини. Эти четки, лампады, деревянное масло, сознаюсь, ужасно подѣйствовали на меня! — заключила она свою рѣчь звонкимъ смѣхомъ.

— Но вѣдь все это принадлежность той же родины, нашей милой родины, которую ты такъ любишь, — съ тонкой улыбкой по адресу сестры произнесъ Этьенъ.

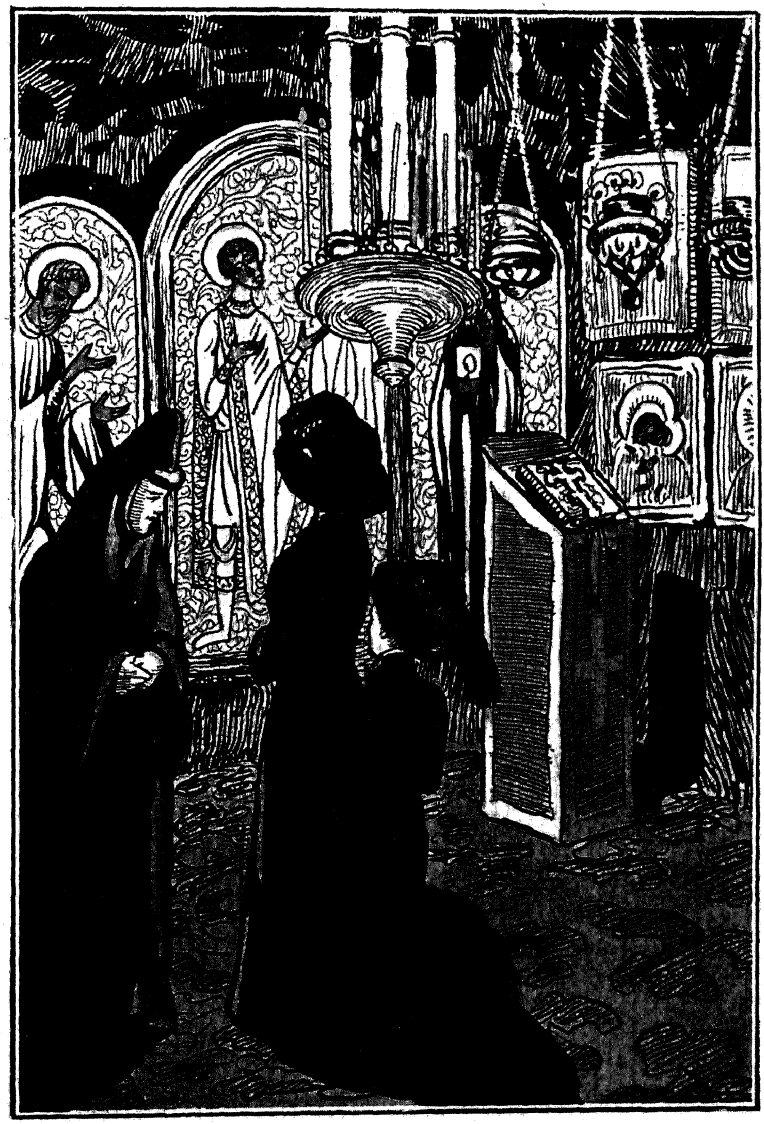
Но Ани предпочла не слышать его замѣчанія.

— Въ часовню, mesdames et monsieurs, въ подземную часовню идемъ скорѣе, — командовала она, хватая подъ руку Александра Павловича и увлекая его со смѣхомъ впередъ.

Мать Аделаида съ Ѳешей, какъ изъ-подъ земли выросли передъ нами и, маяча впереди насъ

черными фигурами, повели насъ въ обительскую церковь. Здѣсь, подлѣ ризницы, находилась небольшая потайная дверка, ведущая въ подземелье. Нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней спускались внизъ. Въ подземельѣ было свѣтло. По пути въ часовню черезъ каждый десятокъ шаговъ горѣли толстыя церковныя свѣчи, вставленныя въ тяжелые подсвѣчники. Но вотъ, неожиданный узкій подземный коридоръ, по которому мы шли по двое, расширился, и мы попали въ небольшую пещеру. Крупныя стѣны этой пещеры были сплошь покрыты иконами. Нѣсколько паникадилъ спускались съ потолка ниши и огоньки лампадъ молча озаряли своимъ невѣрнымъ, колеблющимся свѣтомъ старинныя изображенія святыхъ. Круглый коверъ покрывалъ земляной полъ часовни. Небольшой аналой съ крестомъ и Евангеліемъ стоялъ передъ главной иконой, во имя которой была сооружена часовня. Великомученики Борисъ и Глѣбъ смотрѣли съ нея на молящихся прихожанъ благими, свѣтлыми, очами. «Здѣсь батюшка отецъ Никандръ насъ исповѣдуетъ иногда, тѣхъ инокинь и бѣличекъ, которыя желаютъ исповѣдаться въ часовнѣ,—поясняла Ѳеша. Здѣсь какъ-то отраднѣе и легче въ грѣхѣ каяться, вдали отъ людей и шума суетнаго,—добавила она съ какимъ-то особеннымъ, какъ мнѣ казалось, выраженіемъ лица, далекимъ и чуждымъ всего мірского. И тетенька ваша, Марья Сергѣевна, очень часовню эту любитъ, пѣвучимъ шопотомъ произнесла мать Аделаида.

Я оглянулась на тетю Мусю. Она стояла на колѣняхъ передъ главной иконой. Никогда не забуду ея лица. Молилась ли она въ эту ми-



нуту, просила ли о чемъ Бога, или жаловалась Ему — никогда не сумѣю рѣшить, не знаю, но меня поразило выраженіе нечеловѣческой скорби, лежавшей на ея сразу осунувшемся, какъ будто исхудавшемъ и постарѣвшемъ въ нѣсколько минутъ лицѣ. Ужъ позднѣе, по прошествіи нѣсколькихъ дней я поняла тайный смыслъ этой молитвы. Кромѣ тети Муси, меня, монахинь и Этьена, внимательно осматривавшаго часовню, здѣсь больше не было никого.

— А гдѣ же вся остальная компанія, — очнувшись отъ своего религіознаго настроенія, обратилась къ намъ съ вопросомъ тетя Муся.

— Лабиринтъ пошли осматривать, Марія Сергѣевна, взяли свѣчи съ собою и пошли. Не совѣтовала я имъ дѣлать этого, стѣны и потолокъ не надежны. Спаси, Господи, отъ лихого несчастья! Мать игуменья нашихъ инокинь и то ходить туда не благословляетъ; прямо сказать, запретъ постановила въ подземелье ходить, долго ли, прости Господи, до грѣха,—говорила я имъ все это,—а молодые господа и слушать не хотятъ, смѣются только, — пѣвуче проговорила мать Аделаида.

— Но этого нельзя было допускать!.. Ихъ надо вернуть, вернуть непремѣнно! — встревожилась не на шутку тетя Муся. — Ани, Александръ Павловичъ, Лили вернитесь, туда нельзя ходить! Слышите?—заглядывая въ темный проходъ лабиринта, крикнула она, повышая голосъ. Откуда-то издалека, судя по звукамъ, ей отвѣчали смѣхомъ.

— Я не понимаю Ранцева и Маріи, они должны были отговорить отъ этой глупости остальныхъ, такіе благоразумные, какъ они...—

попрежнему растерянно и смущенно роняла тетя, переводя взглядъ съ меня на Этьена и обратно.

— Не безпокойтесь, Марья Сергѣевна, я приведу ихъ обратно,—вызвался юноша,—досадно только, что и я не замѣтилъ, въ какую сторону они пошли? На меня эта подземная часовня произвела такое огромное впечатлѣніе со всею ея мистической обстановкой, что я, каюсь, забылъ обо всемъ остальномъ. Бѣгу исправлять свою оплошность. Вы разрѣшите мнѣ взять свѣчу?—обратился онъ къ старшей монахинѣ. Мать Аделаида молча протянула ему вынутую изъ церковнаго подсвѣчника тоненькую восковую свѣчку.

— Ради Бога не волнуйтесь, я сейчасъ приведу ихъ къ вамъ,—еще разъ успокоилъ Этьенъ мою тетю и бросился впередъ.

— И я съ тобою!—вырвалось у меня непроизвольно.

— Но Люся...

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу итти съ тобой. Я не пущу тебя одного!—тономъ, не допускающимъ возраженій, говорила я моему товарищу дѣтства. И, прежде нежели тетя Муся успѣла удержать насъ, мы схватились за руки и метнулись къ темному, зіявшему пустотою отверстію подземелья.

Крошечное пламя свѣчи скупо освѣщало намъ путь. Шага на три впередъ еще можно было разглядѣть что-либо, но тамъ, дальше, все тонуло въ черной непроницаемой мглѣ. Узкій проходъ подземелья едва позволялъ умѣститься въ немъ двумъ человѣкамъ рядомъ. Мы шли тѣсно, прижавшись другъ къ другу, я и Этьенъ. Низко надъ нашими головами повисъ земляной потолокъ лабиринта. Боковыя стѣнки все сужи-

вались и суживались, словно грозились сдавить, сплющить насъ своей земляной грудью. Холодный сырой воздухъ непріятно раздражалъ горло. Вотъ совсѣмъ узкимъ сталъ длинный подземный коридоръ. Теперь Этьенъ долженъ былъ итти впереди меня со свѣчою, за нимъ слѣдомъ я, не отставая отъ него ни на шагъ. По временамъ мы останавливались и посылали въ убѣгающую темноту громкими, напряженными голосами.

— Александръ Павловичъ, Лили... Ани... Марія гдѣ вы? Откликнитесь! Гипъ! Гипъ! Гипъ!

— Да гдѣ же вы? Отзови-те-сь, ау, ау! Но только эхо теперь, дразня насъ, повторяло наши слова.

Темнота молчала. Лабиринтъ казался грознымъ и полнымъ какого-то жуткаго значенія.

— Они ушли совсѣмъ далеко, и не слышатъ насъ,—со вздохомъ вырвалось у меня, когда накричавшись вдоволь и совершенно безполезно, мы замолчали наконецъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Они могутъ быть сейчасъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, но мы ихъ не видимъ и не слышимъ. Эти стѣны такъ непроницаемы, или ты не видишь этого, Люся?—поправилъ меня мой спутникъ.

Увы, я видѣла только одно. Видѣла блѣдность и тревогу на лицѣ Этьена, старавшагося, однако, казаться возможно спокойнымъ. И эта тревога невольно передавалась мнѣ.

Вдругъ нашъ коридоръ сразу расширился и мы вступили въ небольшую пещеру, немногимъ меньше по объему предыдущей пещеры-часовни. Отсюда шло нѣсколько подземныхъ, узень-

кихъ коридорчиковъ, разбѣгавшихся ручьями въ разныя стороны. Мы съ Этьеномъ остановились въ нерѣшительности, куда итти? Который изъ этихъ узкихъ переходовъ выбрать, чтобы напасть, наконецъ, на слѣдъ остальной компаніи? — Пойдемъ наугадъ, направо, Люся, предложилъ мнѣ мой спутникъ. И мы снова стремительно зашагали впередъ. Дѣйствительно— и монахини N-ской обители и прихожане ея были правы, называя лабиринтомъ это запутанное своими ходами и выходами подземелье. Изъ того коридора, въ который мы вошли, шло справа новое отверстіе, развѣтвлившееся на двѣ вѣтви.

— Здѣсь воздухъ далеко не такой спертый, какъ тамъ, позади насъ,— произнесъ Этьенъ,— должно-быть въ этомъ мѣстѣ и потолокъ выше. И чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи, онъ высоко поднялъ свѣчу... Но тутъ произошло то, чего мы менѣе всего ожидали съ моимъ товарищемъ дѣтства. Дрогнула ли ненарокомъ рука Этьена, или же онъ сдѣлалъ неловкое движеніе, но свѣча выпала изъ его пальцевъ и... потухла. Капельки холоднаго пота выступили у меня на лбу. Крикъ, вырвавшійся изъ груди, оказался не крикомъ испуга и отчаянія, а какимъ-то сдавленнымъ чуть слышнымъ стономъ. Ужасъ нашего положенія съ Этьеномъ сразу представился намъ обоимъ. Одни среди абсолютной мглы незнакомыхъ, запутанныхъ ходовъ и переходовъ, глубоко подъ землею, да еще такихъ ненадежныхъ могущихъ засыпать насъ каждую минуту! Такое положеніе должно было привести въ отчаяніе самаго нетрусливаго человѣка. Если бы мы вздумали кричать, насъ все равно не услышалъ

никто. Итти же назадъ, среди кромѣшной тьмы, нечего было и думать. Мы могли безъ свѣта совсѣмъ запутаться въ лабиринтѣ. Я хорошо сознавала всю безвыходность нашего положенія. Надо было подчиниться обстоятельствамъ и ждать. Чего собственно говоря ждать, я еще не вполнѣ уясняла себѣ. Очевидно, того, чтобы тетя Муся, отчаявшись въ нашемъ возвращеніи, послала монахинь съ фонарями разыскивать насъ. Но до тѣхъ поръ могло пройти немало времени. А между тѣмъ, оставаясь стоять на мѣстѣ, мы чувствовали холодъ и сырость подземелья гораздо острѣе и мучительнѣе, нежели при быстрой ходьбѣ. По крайней мѣрѣ, я дрожала теперь съ головы до ногъ.

— Тебѣ холодно, Люся? Ты вся трясешься? Я сниму пальто и окутаю тебя, — услышала я озабоченный, встревоженный голосъ Этьена у моего уха. И прежде нежели успѣла запротестовать, мягкій заграничный драпъ коснулся моихъ рукъ, плечъ, шеи.

— Какъ непріятно, какъ тяжело все это,— вырвалось у меня и слезы подступили къ моему горлу. Неизвѣстность, темнота и тяжелое предчувствіе еще большаго несчастья угнетали мою душу.

— Ты боишься? Бѣдная Люся, скажи!

— Я ничего въ жизни не боюсь рядомъ съ тобою Этьенъ, — признесла я, твердо вѣря въ произнесенныя мною слова. Этьенъ отыскалъ въ темнотѣ мою руку и сжалъ мои холодные дрожащіе пальцы.

— Послушай, Люся,—тѣмъ глубокимъ проникновеннымъ голосомъ, который я такъ любила у него, началъ онъ, — я, какъ это ни странно, доволенъ, что съ нами произошла такого рода

непріятная случайность, потому что я смогу теперь передъ возможностью, можетъ-быть, новаго грядущаго несчастья, сказать тебѣ то, что не сказалъ бы никогда, не рѣшился бы сказать въ иное время. Помнишь, Люся, какъ мы играли въ нашу любимую игру въ дѣтствѣ, въ капитана и Магду, его невѣсту? Помнишь, какъ капитанъ, желая спасти любимую Магду, жертвовалъ своею жизнью и смѣло отдавался въ руки индѣйцевъ?— То была смѣшная и трогательная игра. Но я бы сдѣлалъ то же самое въ дѣйствительности, я, графъ Семенъ д'Обернъ, пожертвовалъ бы съ радостью моей жизнью, чтобы получить возможность спасти мою Магду, я хотѣлъ сказать—Люсю, мою маленькую подругу дѣтства. Да я съ готовностью пожертвовалъ бы всей моей жизнью для этой цѣли! Люся, ты слушаешь меня? ты помнишь какъ я относился къ тебѣ въ годы нашего дѣтства? Мы были такъ дружны и неразлучны тогда... А потомъ, позднѣе еще больше окрѣпла наша дружба. И вотъ, судьба снова разлучила насъ. Магда разталась со своимъ капитаномъ, чтобы встрѣтиться снова съ нимъ черезъ три года. Но и за время долгой разлуки бывшій капитанъ не на одинъ день не забывалъ своей Магды. Ея образъ ни на часъ не покидалъ его. И вотъ, когда я четыре недѣли тому назадъ увидѣлъ тебя, Люся... Нѣтъ, не то, когда я понялъ, что ты не забывала меня, когда я нашелъ вещественное доказательство этому...

— Какое доказательство, Этьенъ?

— Вотъ это... Вѣдь ты не будешь отрицать, что это твой подарокъ мнѣ, Люся, протяни руку, вотъ...

Я исполняю его желаніе и въ тотъ же мигъ что-то маленькое, сухое, съ тихимъ шелестомъ касается моихъ холодныхъ отъ волненія пальцевъ.

Быстрая догадка прорѣзываетъ мой мозгъ: «Сухой цвѣтокъ! Моя бѣлая роза, оставленная мною въ комнатѣ Этьена въ день его пріѣзда изъ за границы!»

— Моя роза! — выражаю я громко подвернувшуюся мнѣ въ голову мысль.

— Да, ты угадала, Люся! Это твоя бѣлая роза, твой цвѣтокъ, который ты подарила мнѣ... Ты, маленькая Люся, а никто другой, — подтвердилъ онъ съ какимъ-то новымъ, значительнымъ тономъ.

— Но какъ же ты могъ догадаться, что его подарила тебѣ именно я? Вѣдь ни миссъ Гаррисонъ ни Марія не сказали тебѣ объ этомъ, — смущенно пролепетала я.

— Мое сердце сказало мнѣ это, маленькая Люся. Когда я увидѣлъ твой милый цвѣтокъ, оно, мое вѣщее сердце, — тѣмъ же взволнованнымъ голосомъ произнесъ Этьенъ, — забилось такъ сильно, сильно и сказало мнѣ всѣмъ своимъ небывалымъ волненіемъ, что капитанъ всегда любилъ, любитъ и будетъ любить во всю жизнь маленькую Магду и сочтетъ за величайшее счастье, если она согласится сдѣлаться его женою. Отъ тебя одной зависитъ сдѣлать меня счастливымъ, ты видишь, Люся! Отвѣть же мнѣ, дорогая моя дѣточка, согласна ли ты протянуть мнѣ руку? Согласна ли пройти со мною вмѣстѣ весь нашъ жизненный путь?

Въ лабиринтѣ попрежнему было темно и пустынно и царила та же мертвая тишина, но

мнѣ почудилось вдругъ, что среди густого мрака зажглись яркія, сіяющія звѣзды, что, гдѣ-то звучитъ дивная музыка, не то арфа, не то свирѣль... Или это сверкали огни въ моей душѣ, въ моемъ сердцѣ, а радостная дивная музыка мелодично смѣялась во мнѣ самой? Не знаю, не помню...

Я позабыла все тяжелое, все непріятное въ эти минуты, съ самой опасностью, включительно, быть заживо погребенной въ этомъ далеко ненадежномъ лабиринтѣ. Ахъ, не все ли равно мнѣ было до всего того, что не касалось моего счастья, моего огромнаго, всю мою душу захлестнувшаго счастья съ Этьеномъ, котораго я такъ сильно любила всегда...

Безъ малѣйшаго колебанія протянула я впередъ руку... Мои холодные пальцы замѣтно дрожали, отыскивая въ темнотѣ руку Этьена. И крѣпко сжимая ее, я сказала ему:

— Да, да, на всю жизнь, рука объ руку вмѣстѣ, потому что и я точно также сильно и крѣпко люблю тебя, Этьенъ!..

По прошествіи долгаго времени замелькали желанные огоньки въ подземельѣ и со всѣхъ сторонъ потянулись къ намъ на выручку посланныя по просьбѣ тети Муси, матерью игуменьей монахини, и мы съ Этьеномъ выбрались, наконецъ, на свѣтъ Божій.

У выхода изъ лабиринта, въ подземной часовнѣ, насъ ждала тетя Муся съ остальной компаніей, которой посчастливилось выйти изъ подземелья значительно раньше насъ. Разспросамъ и тревогамъ не было конца. Блѣдная и раз-

строенная тетя уже успѣла схоронить насъ мысленно вмѣстѣ съ Этьеномъ. Ей представлялось уже, что мы потеряны безвозвратно, что насъ засыпало обваломъ или мы оба попали въ какой нибудь подземный колодецъ. И вотъ, мы снова вмѣстѣ съ нею. Веселые, радостные, счастливые, едва находившіе силу удержать это счастье въ себѣ, пожимали мы руки нашимъ друзьямъ.

— Мой отецъ завтра пріѣдетъ къ вашимъ просить для меня твоей руки, Люся. Сегодня же я разскажу ему все, — успѣлъ шепнуть мнѣ Этьенъ, подсаживая меня въ коляску. Мы уѣхали первыя съ тетей, оставивъ остальное общество въ монастырѣ.

Въ тотъ вечеръ долго еще не ложились спать въ нашемъ домѣ. Отецъ, Ганя, тетя Муся и я сидѣли чуть ли не до разсвѣта за потухшимъ самоваромъ. Я имъ чистосердечно разсказала все, происшедшее со мною нынче.

Ганя сильно обрадовалась моему счастью.

— Онъ очень хорошій и достойный юноша, Люся, и сумѣетъ дать тебѣ свѣтлую, счастливую жизнь, — сказала она съ такимъ убѣжденіемъ, что я какъ безумная кинулась ей на шею и стала покрывать бѣшеными поцѣлуями ея ротъ, лобъ, щеки и глаза.

Тетя Муся казалась тоже довольной. Этьенъ ей всегда былъ по душѣ.

— Только помни мой совѣтъ, Люся, будь подальше отъ Ани, чтобы она не научила тебя ничему дурному. Она — пустая, взбалмошная, нехорошая дѣвушка, — произнесла моя тетка съ внезапнымъ выраженіемъ озлобленія, исказившимъ ея миловидное лицо. Я вспомнила день,

проведенный у «медвѣжатника» и поняла эту ненависть моей тетки къ юной графинѣ.

Одинъ отецъ казался озабоченнымъ.

— Не слишкомъ ли рано, Люся? Тебѣ всего восемнадцать, Этьену двадцать лѣтъ. Вы оба такіе юные, такіе еще неопытные. Всегда успѣете вступить въ серьезную жизнь. Мой совѣтъ подождать немного. Года два, три... Подростете, возмужаете, пріобрѣтете кой-какой опытъ.. Что-же касается твоего выбора, то я имъ доволенъ. Доволенъ тѣмъ, что моей Люсѣ понравился не вертопрахъ какой-нибудь, а серьезный и достойный молодой человѣкъ, который выросъ у меня на глазахъ и котораго я знаю съ самой лучшей стороны.

— И будетъ наша Люська графинюшкой,— неожиданно обрѣтая снова веселость, засмѣялась тетя Муся.

— Ну, я думаю, она меньше всего объ этомъ думаетъ, — улыбнулась Ганя, — и не титулъ, ни знатный родъ, ни богатство жениха привязали нашу Люсю къ Этьену. Не такъ ли, моя дѣточка? — своимъ ласковымъ голосомъ обратилась уже непосредственно ко мнѣ Ганя.

— Я давно люблю его, и только сегодня поняла это, — просто и искренно отвѣтила я.

До позднихъ пѣтуховъ просидѣли мы въ эту ночь въ нашей маленькой столовой. На дворѣ замѣтно стало свѣтать. Заскрипѣли колеса телѣги. Захлопали дверьми въ сѣняхъ. Поднималась заря. Пробуждалось утро. Первое утро новой радостной жизни постучалось въ мою дверь.

IV.

ТЕРНІИ.

Рѣшительно не помню, какъ я уснула на зарѣ... Смутно мелькали потомъ послѣднія сознательныя впечатлѣнія... Моя комната... ощущеніе холодной настывшей кровати, поздняя октябрьская муха, надоѣдливо жужжавшая у моего лица. И потомъ все исчезло, провалилось куда-то: и комната, и моя узенькая почти дѣтская кровать, и надоѣдливая муха... Я спала. Спала и видѣла Этьена во снѣ. Мы плыли съ нимъ въ лодкѣ по какому-то синему-синему, прозрачному озеру. Вокругъ лодки показывались на длинныхъ стебляхъ, еще невиданные мною какъ будто сказочные цвѣты.

— Мы плывемъ съ тобою, къ острову дикихъ. Я хочу доказать тебѣ еще разъ, что капитанъ охотно пожертвуетъ жизнью для своей маленькой Магды, — говорилъ мнѣ Этьенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я и безъ этого вѣрю тебѣ!—хочу я ему отвѣтить, но слова, срывающіяся съ моихъ губъ, кажутся какимъ-то, едва уловимымъ шопотомъ. Во всякомъ случаѣ, они не достигаютъ до слуха Этьена. Мы плывемъ... А кругомъ на озерѣ внезапно поднимается буря... Сердитыя, шипящія и грозныя высоко встаютъ волны... Бѣлыхъ цвѣтовъ уже нѣтъ. Бѣлые цвѣ-

ты исчезли. И вода въ озерѣ вмѣсто прозрачной и чистой, какъ хрусталь, стала черной, жуткой и мутной...

Вдругъ лодку стало сильно качать изъ стороны въ сторону, такъ сильно, что я невольно схватилась рукой за Этьена. Мы тонемъ, мы тонемъ! — исполненная ужаса, закричала я, и... проснулась.

Ни озера, ни лодки, ни Этьена. Горничная Ольга стоитъ у моей постели и осторожно трясетъ меня за плечо.

— Проснитесь, барышня, проснитесь, — шепчетъ она значительно, — вотъ письмо изъ «Анина», садовникъ графскій принесъ.

— Письмо? Отъ Этьена? — вырвалось у меня, помимо воли.

— Ужъ не знаю, барышня, отъ графа ли Семена Олеговича, либо отъ молодой графини, а только англичанка передавала ихняя, миссъ Гаррисонъ и отвѣта приказывали дождаться, безпремѣнно.

— Хорошо, Ольга, скажите, я сейчасъ...— роняю я спросонья, принимая отъ горничной большой изящный конвертъ, подписанный твердымъ, характернымъ, хорошо знакомымъ мнѣ почеркомъ, и быстро вскрываю его:

«Пишу тебѣ, дѣвочка, — идутъ прямыя ровныя строки англійскаго текста, — по порученію самого графа Олега. Онъ хотѣлъ быть у васъ сегодня но припадокъ, случившійся съ нимъ ночью, не позволяетъ ему двинуться съ мѣста. И графъ поручилъ мнѣ передать тебѣ его просьбу: не навѣстишь ли ты его, больного старика, нынче же утромъ? Ему необходимо переговорить съ тобою. Ждемъ тебя.

Флора Гаррисонъ.

Какое странное, замкнутое письмо! Сколько можно сдѣлать по поводу его различныхъ предположеній! Я держу въ рукахъ твердый, шаршавый листъ дорогой англійской бумаги и стараюсь проникнуть въ темный смыслъ письма. Графъ боленъ... Не можетъ пріѣхать... Но почему же въ такомъ случаѣ онъ не посылаетъ Этьена вмѣсто себя и почему миссъ Гаррисонъ ни словомъ не обмолвилась о послѣднемъ въ этой запискѣ?.. Не случилось ли съ нимъ чего-либо? Здоровъ ли онъ?

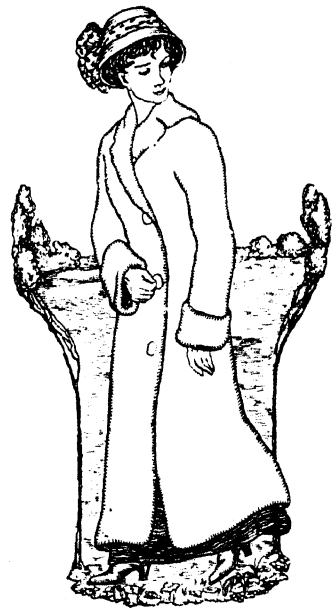
Страшная мысль о болѣзни Этьена какъ молотомъ ударяетъ мнѣ въ голову. Вся дрожа отъ волненія, я торопливо начинаю одѣваться. Холодная вода освѣжаетъ мою голову. Быстро моюсь, причесываюсь и, помолившись передъ иконой, той самой иконой, передъ которой съ самаго ранняго дѣтства привыкла произносить мои несложныя молитвы, накидываю пальто, пришпиливаю шляпу и совсѣмъ уже готовая зову Ольгу.

— Что наши встали?

— Папаша съ Гликеріей Николаевной давно на работу уѣхали въ шарабанѣ на Вѣтрѣ, а у барышни мать Аделаида съ Ѳешей сидятъ.

— Ага... Хорошо... Скажите посланному, что хорошо. Я приду за нимъ слѣдомъ, — говорю я Ольгѣ, и захожу мимоходомъ въ столовую, чтобы наскоро проглотить стаканъ молока. Ясное, веселое октябрьское утро встрѣчаетъ меня на крыльцѣ студенымъ осеннимъ воздухомъ и скупыми ласками солнца. Тронутая первыми заморозками рябина румяно-алѣетъ въ саду. Стая голодныхъ воробьевъ домовито хлопочетъ у крыльца. Я быстро шагаю по липо-

вой аллеѣ. Миную ее и, не убавляя шага, иду по дорогѣ. Скорая ходьба, свѣжій воздухъ, радостное, свѣтлое утро, все-то вмѣстѣ взятое, измѣняетъ мое неспокойное настроеніе. Чѣмъ-то бодрымъ вѣетъ теперь на меня. И самое письмо миссъ Гаррисонъ не кажется уже больше ни замкнутымъ ни страннымъ. Письмо какъ письмо дѣлового характера и безъ признака «сентиментовъ», какъ и подобаетъ быть дѣловому письму такой пунктуальной старой особы. «А ты ужъ рада придраться къ случаю и забить тревогу, проказница Люся!»—съ моимъ обычнымъ юморомъ подбодряю я самое себя.



Вотъ она, наконецъ, старинная стальная рѣшетка, вотъ ворота съ гербами, вотъ прямая аллея, ведущая къ крыльцу. Съ сильно боющимся сердцемъ иду по ней къ дому. Какъ непріятно шуршатъ подъ ногами опавшіе мертвые листья, желтые и красные, всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Грустный меланхолическій шумъ. Поднимаюсь на крыльцо... Ни души... Но дверь террасы открыта... какъ лѣтомъ... Безшумно скользя по полу мягкими подошвами, передо мною появляется лакей. — Ихъ сіятельство проситъ васъ пройти къ нимъ. Они очень извиняются, что не могутъ выйти сами къ вамъ барышня.

— Графъ очень боленъ, Сидоръ,—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваю я.

— Имъ было очень плохо этою ночью, барышни за докторомъ въ городъ посылали. Сейчасъ миссъ Гаррисонъ у нихъ дежуритъ, извольте пройти.

— А Семенъ Олеговичъ дома?

— Молодой графъ съ графиней за другимъ докторомъ поѣхали, боятся, чтобы не повторился снова ударъ.

Я невольно вздрагиваю при этихъ словахъ. Вѣдь старикъ д'Обернъ былъ уже близокъ моему сердцу, какъ отецъ Этьена. И несчастье съ нимъ было несчастьемъ Этьена, а слѣдовательно, и моимъ. Осторожно, на-цыпочкахъ подхожу я къ дверямъ кабинета графа, тихо, чуть слышно стучу у порога.

— Войдите, — звучитъ оттуда голосъ миссъ Гаррисонъ на англійскомъ языкѣ.

Я вхожу. Старый графъ полулежитъ на диванѣ. Высоко на подушкахъ покоится его совершенно бѣлая, какъ лунь, голова. Лицо темно-пергаментоваго цвѣта. Ничего надменнаго, величаваго не замѣчаю я въ немъ сейчасъ. Передо мной просто больной, сраженный недугомъ старикъ, слабый и жалкій.

Исхудавшія до неузнаваемости руки безсильно протянулись поверхъ пледа, покрывавшаго его исхудалое тѣло. А ослѣпительно бѣлая, сверкающая своей свѣжестью сорочка еще болѣе подчеркиваетъ неестественно — темный цвѣтъ его лица. При моемъ появленіи полуопущенныя вѣки графа поднимаются съ большимъ трудомъ, правая рука зашевелилась съ тщетнымъ усиліемъ протянуться ко мнѣ навстрѣчу.

Миссъ Гаррисонъ, сидѣвшая въ креслѣ подлѣ дивана, быстро поднялась со своего мѣста, готовая выйти изъ комнаты по первому знаку больного

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь....Вы ничуть не помѣшаете мнѣ въ моей бесѣдѣ съ m-elle... съ m-elle... Люсей, — ужасными хриплыми звуками срывается съ посинѣвшихъ губъ графа. Съ легкимъ кивкомъ головы по моему адресу миссъ Гарриссонъ снова опустилась на свое мѣсто. По разъ заведенной съ дѣтства привычкѣ я наклонилась къ ней и поцѣловала ея руку. Потомъ сѣла рядомъ на стоявшій тутъ же и, повидимому, заранѣе приготовленный для меня стулъ.

— Вы... вы... простите меня... m-elle,—началъ снова графъ, когда я сѣла, все тѣмъ же ужаснымъ хриплымъ голосомъ,—вы... вы... извините, я надѣюсь, больного старика...но, какъ... отецъ... отецъ своего сына... я... я... не могу. Тутъ онъ тяжело закашлялся, не докончивъ своей фразы.

Миссъ Гаррисонъ бросилась къ нему. Выше подняла его голову на подушкѣ... Потомъ схватила какой-то пузырекъ, стоявшій на столѣ около постели, и стала быстро отсчитывать по каплямъ содержимую въ немъ жидкость въ рюмку съ водою.

— Можетъ-быть, лучше подождать немного? Я посижу... мнѣ некуда торопиться... не волнуйтесь, ради Бога, — произнесла я, не будучи въ состояніи видѣть, какъ задыхается кашлемъ больной. Но онъ только покачалъ въ отвѣтъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ вамъ высказать все, и какъ можно скорѣе,—больше угадала, нежели услышала я по движенію ею посинѣвшихъ губъ.

Наконецъ кашель утихъ, и, немного успокоившись, старый графъ заговорилъ снова.

— Этьенъ мнѣ все разсказалъ вчера вечеромъ, жаль только, что слишкомъ поздно. Онъ долженъ былъ посовѣтоваться прежде со мною раньше, чѣмъ открывать свое сердце вамъ. Но что дѣлать. Свершившагося не вернуть... Его можно только исправить. Да исправить, — съ неожиданно появившейся у него энергіей, повторилъ старикъ. Не скрою, новость, сообщенная мнѣ сыномъ, подѣйствовала на меня угнетающе. Больше того, она сразила меня. Ночью, вслѣдствіе разговора съ Этьеномъ, узнавъ о его намѣреніяхъ, я заболѣлъ. Не примите однако, много огорченія превратно... За личное оскорбленіе себѣ!.. Упаси меня Господь, обижать васъ я не намѣренъ. Я скажу вамъ, что говорилъ и миссъ Гарриссонъ нынче утромъ:—еслибы я былъ здоровымъ, бодрымъ и сильнымъ, еслибы дѣла наши не пошатнулись въ матеріальномъ отношеніи за послѣднее время, видитъ Богъ, я-бы не искалъ для Этьена иной партіи. Вы прекрасная, добрая, честная дѣвушка, Люся, разрѣшите больному старику называть васъ такъ, — дочь достойнѣйшаго труженика человѣка, нн... но... не въ этомъ дѣло, дитя мое... Къ сожалѣнію, намъ приходится считаться съ обстоятельствами, которыхъ преодолѣть нельзя. Этьенъ молодъ, неопытенъ и то мѣсто, которое имѣетъ, ему ничего существеннаго въ матеріальномъ смыслѣ не даетъ. Пока онъ цѣликомъ зависитъ отъ меня. Вы же происходите изъ старинной дворянской семьи, но, къ сожалѣнію, семья эта не богата. Чтобы окупить содержаніе ея, отецъ вашъ трудится съ утра до ночи, при-

водя въ порядокъ дѣла имѣнія. Я—врагъ браковъ по разсудку, изъ-за денегъ, но... но будущее ваше съ Этьеномъ меня страшитъ. Жду смерти со дня на день и съ ужасомъ думаю о томъ, что будетъ съ моимъ мальчикомъ, если онъ съ такого ранняго возраста обзаведется семьей. Вѣдь за послѣдніе годы мы почти прожили все, что у насъ было и теперь доживаемъ послѣднее. А, кромѣ того, я не сказалъ еще самаго главнаго: дипломатическая карьера Этьена много зависитъ и отъ его брака. Женится онъ на милѣйшей дѣвушкѣ изъ скромной помѣщичьей семьи или на великосвѣтской барышнѣ и аристократическаго дома, пріученной съ юныхъ лѣтъ къ пріемамъ свѣтскаго общества, умѣющей поддержать знакомства и связи мужа—о, это большая разница для молодого дипломата, повѣрьте мнѣ, Люся! И, имѣя въ виду будущее Этьена, я хотѣлъ бы видѣть его женатымъ на дочери одного изъ лордовъ старой Англіи, въ обществѣ которыхъ онъ вращался теперь...

Не знаю, можетъ ли почувствовать человѣкъ, что онъ блѣднѣетъ? По крайней мѣрѣ, я почувствовала прекрасно, какъ отлила вся кровь отъ моего лица... и концы пальцевъ стали совсѣмъ ледяными... Большіе огненные круги заходили у меня передъ глазами. Голову сразу наполнилъ густой туманъ. Въ помутившемся сознаніи промелькнула неясная картина моего послѣдняго сновидѣнія... Утлая лодочка... грозное, бурное озеро... пѣнящіяся волны и... мы тонемъ, я и Этьенъ... Кажется на минуту я потеряла сознаніе или оцѣпенѣла, не знаю... Но вотъ хриплый голосъ больного снова привелъ меня въ себя:

— Я говорю вамъ все это, какъ несчастный больной старикъ, у котораго вся радость жизни, увы, теперь догорающая, сосредоточилась на одномъ Этьенѣ, на моемъ самомъ лучшемъ, самомъ достойномъ ребенкѣ, на котораго я возлагаю такія большія надежды. И если вы, дѣйствительно, любите его... если будущее счастье и благополучіе Этьена для васъ что-ниубдь да значитъ, вы сумѣете найти выходъ изъ этой сложной исторіи, Люся, въ которую такъ опромечтиво втянулъ себя и васъ мой мальчикъ...

Боже мой! Какія это струны рвутся во мнѣ одна за другою? Что это звенитъ такъ жалобно, какъ стонъ въ моей душѣ? Почему опять я чувствую, что тону въ моей утлой лодченкѣ среди бурливаго злого озера? И почему я должна на этотъ разъ гибнуть одна? Почему не съ Этьеномъ? Гдѣ же онъ? Гдѣ же онъ, наконецъ? Капли пота выступили у меня на лбу, когда, дѣлая неимовѣрное усиліе надъ собою, чтобы вторично не потерять сознаніе, я спросила глухимъ, мнѣ самой незнакомымъ голосомъ, стараго графа:

— А... а... Этьенъ? Онъ знаетъ о томъ, о чемъ вы говорили сейчасъ со мною?..

— Онъ ничего не знаетъ, Люся. Онъ не долженъ знать ничего... Я совершенно, повидимому, спокойно принялъ его сообщеніе о вашемъ предполагаемомъ бракѣ... Я и виду не показалъ ему, какъ мнѣ было больно узнать... обо всемъ этомъ... Потомъ со мною сдѣлался припадокъ... Но Этьенъ и не подозрѣвалъ даже о причинѣ его... Всякое открытое препятствіе съ моей стороны только помѣшаетъ дѣлу, только вооружитъ его противъ меня... Нужно, чтобы вы... вы сами, Люся, образумили Этьена. Сказали

бы, что раздумали выходить замужъ за него... что ошиблись, наконецъ, въ своей любви къ нему, принимая дѣтсткую привязанность за болѣе глубокое чувство...

— Что? Я должна ему все это сказать?—прошептала я почти съ ужасомъ.—Должна собственными руками закопать въ могилу мое счастье?!

— Если вы, дѣйствительно, искренно привязались къ Этьену и желаете ему добра, вы сдѣлаете это, Люся.

Глаза больного, вспыхнувъ рѣшительнымъ огнемъ, останавливаются на моемъ лицѣ. Они словно гипнотизируютъ меня, навязывая мнѣ волю ихъ владѣльца.

Жутко и невыразимо тяжело становится мнѣ подъ этимъ взглядомъ. И сама, не отдавая себѣ отчета, я шепчу:

— Хорошо... я сдѣлаю все, что вы хотите, ради... ради благополучія и счастья Этьена... Все что, хотите, да...

— Милое дитя, я и не ждала отъ тебя иного отвѣта,—это говоритъ уже миссъ Гаррисонъ и ея сухая старческая рука треплетъ меня по щекѣ.

Не помню словъ графа... Не помню, какъ вышла изъ полумрака его комнаты, какъ очутилась на верандѣ... потомъ въ саду... И опомнилась только тогда, когда лицомъ къ лицу столкнулась у воротъ усадьбы съ Этьеномъ.

— Люся! Маленькая Люся! Какъ хорошо, что ты пришла... Ты слышала, ты знаешь? отецъ заболѣлъ. Ему было очень плохо сегодня ночью. Ани сейчасъ привезетъ другого доктора. Ахъ, Люся, не скоро придется рара теперь ѣхать просить твоей руки...—говоритъ онъ встревоженнымъ, но тѣмъ же милымъ ласковымъ голосомъ,

какимъ, обыкновѣнно, говоритъ со мною, сжимая мою руку и заглядывая мнѣ въ глаза. Я опускаю свои въ землю и тщательно избѣгаю его взгляда.

— Это хорошо, Этьенъ, — говоритъ кто-то, помимо моей воли, моимъ голосомъ, ставшимъ вдругъ странно тусклымъ и глухимъ.—Это очень хорошо, что ему не удалось поѣхать.

— Что? Что ты говоришь? Опомнись, ради Бога, Люся!

Но невѣдомая волна уже подхватила меня и, запирая себѣ самую возможность оступленія, я говорю тѣмъ же жуткимъ, деревяннымъ голосомъ, не поднимая глазъ:

— Да, да, Этьенъ... Кое-что произошло за это время. Ты только не сердись, пожалуйста, не сердись на меня... Я ошиблась... Я приняла за серьезную глубокую любовь, любовь невѣсты, ту дѣтскую привязанность, которую питаю къ тебѣ съ младенческаго возраста. И я не могу быть твоей женой, да не могу, потому что не люблю тебя такъ сильно, пріятно, какъ слѣдуетъ любить жениха, мужа...

И, проговоривъ все это быстрой скороговоркой, я какъ сумасшедшая выдернула мою руку изъ руки Этьена и бросилась въ бѣгство. Да я бѣжала по большой дорогѣ, бѣжала какъ только могла скоро, едва переводя дыханіе на ходу, прижавъ руку къ сильно-бьющемуся сердцу, готовому вотъ-вотъ порваться на десятки кусковъ.

Господи, чего только я не переживала въ эти минуты. Боялась одного; боялась, что Этьенъ погонится за мною, настигнетъ меня и тогда я скажу ему все... все! И про тяжелое порученіе

его отца и про добровольно принятое мною на мои слабыя плечи, бремя...

За нѣсколько шаговъ до дома я только начинаю приходить въ себя. Перевожу дыханіе, замедляю шагъ. Вотъ онъ, наконецъ, нашъ скромный домикъ виднѣется тамъ, на дальнемъ концѣ липовой аллеи.

На крыльцѣ кто-то стоитъ, словно поджидая меня. Это Ганя. Я подхожу и вижу ея встревоженное лицо... Ея вопрошающіе глаза...

— Люся, что случилось, на тебѣ лица нѣтъ?— срывается съ ея губъ. Я молча протягиваю руки впередъ, какъ-бы ища поддержки... Мои пальцы конвульсивно хватаются за плечи и платье Гани... Стараюсь произнести хотя бы одно слово, но губы мои шевелятся беззвучно... Должно-быть, страшно-блѣдно мое лицо въ эти минуты, потому что, зорко взглянувъ мнѣ въ глаза, Ганя внезапно обвиваетъ маленькой сильной рукой мою талію и почти несетъ меня въ «дѣтскую», какъ до сихъ поръ называется моя спальня на языкѣ домашнихъ.

— Бѣдная моя дѣточка, что они сдѣлали съ тобой?—шепчетъ она тихо, чуть слышно, угадавъ несчастье своимъ чуткимъ, любящимъ сердцемъ—бѣдная, бѣдная моя, дорогая Люся! И ея горячія губы прижимаются къ моему лицу.

Что-то подступаетъ къ моему горлу, что-то незримыми молоточками стучитъ въ темя, въ виски. А сердце словно перестало биться... замерло, и молчитъ... и дыханья нѣту въ груди... Я точно вся застыла, закаменѣла... Огромная тяжесть раздавила меня . . . . . .

Не помню хорошенько, какъ прошли послѣдующіе сутки... Я точно жила и не жила на свѣтѣ

весь долгій день, всю долгую ночь... Страшная тяжесть горя попрежнему каменной глыбой давила меня. Я лежала въ постели, по настоянію Гани, не отходившей ни на шагъ отъ меня. Помню, мнѣ приносили ѣду, я отказывалась ѣсть. Я не могла проглотить ни кусочка. И Ганя тоже. Мое горе подавляло ее. Пріѣхалъ съ поля отецъ, вошелъ ко мнѣ на цыпочкахъ, такъ тихо и осторожно. Взглянулъ мнѣ въ лицо и понялъ все.

— Нужно быть мужественной Люся. Нельзя такъ поддаваться первой житейской бурѣ. Ты еще молода, у тебя вся жизнь впереди. Мнѣ грустно одно, что я не успѣлъ удержать тебя отъ свиданія съ этимъ надменнымъ старикомъ. Смотри проще на жизнь, дѣвочка, это первыя ея грозы. Богъ вѣдаетъ, сколько хорошаго можетъ еще ждетъ тебя тамъ, впереди.

Какъ ласковъ его голосъ, когда онъ говорилъ это, какъ добры и полны сочувствія глаза!

«Хорошее безъ Этьена не можетъ принести мнѣ радости», хотѣла я ему отвѣтить, но во время промолчала, чтобы не огорчать его и Ганю.

Мое тяжелое угнетенное состояніе продолжалось долго, очень долго. Мысль о вѣчной разлукѣ съ Этьеномъ не давала мнѣ покоя, терзала меня.

На другое утро послѣ мучительной безсонной ночи я принудила себя черезъ силу подняться, выйти въ садъ...

Накрапывалъ холодный октябрьскій дождикъ. Туманнымъ и скучнымъ смотрѣло осеннее небо... Послѣднія настурціи и астры, словно слинявшія, потерявшія свои краски, печально поникли головками на опустошенныхъ садовыхъ куртинахъ. Гдѣ-то наверху протяжно и жалоб-

но каркала голодная ворона. Вдругъ я вздрогнула. Со стороны большой дороги мягко катился къ крыльцу нашего дома графскій экипажъ. Мое сердце забилось сильно, сильно... Въ голову толкнулась робкая мысль:—«Что если это ѣдетъ старый графъ, мучимый раскаяніемъ за свой поступокъ? Что если онъ ѣдетъ извиниться передо мною, и взять свои слова обратно, сказать, что онъ, наконецъ, оцѣнилъ меня за мое послушаніе, и радъ благословить насъ съ Этье-

номъ. Еслибы это было такъ, я бы все, кажется, простила ему и забыла все ради Этеьена. Вѣдь не виноватъ же въ самомъ дѣлѣ старикъ, что такъ эгоистично любитъ сына и печется о болѣе подходящей на его взглядъ партіи для него?»

Экипажъ подъѣхалъ. Сквозь опавшіе кусты смородины и невысокія деревца акацій я увидѣла Этьена. Онъ былъ одѣтъ въ дорожный костюмъ, съ сумкой черезъ плечо. Припомнилось сразу, что сегодня день его отъѣзда. Значитъ, онъ пріѣхалъ проститься. Или, можетъ-быть, для того, чтобы спросить у меня объясненія по поводу моего вчерашняго поступка. Я почувствовала, что руки и ноги мои похолодѣли и точно налились свинцомъ. Я задрожала... Схватилась

за стволъ молоденькой ели, чтобы не упасть... Лицо Этьена показалось мнѣ блѣднымъ, растерянным и жалкимъ. Онъ осунулся, замѣтно похудѣлъ за одну эту ночь, но казался спокойнымъ или старался казаться таковымъ, по крайней мѣрѣ.

И опять неудержимое желаніе броситься къ нему и сказать моему другу, что все вчерашнее съ моей стороны было совершено подъ диктовку чужой воли, что я лгала ему по необходимости, когда говорила, что не люблю его, что...

Моя голова кружилась, ноги подкашивались. Я едва держалась на ногахъ. Я видѣла какъ экипажъ остановился, какъ Этьенъ, согнувшійся по-стариковски, (этой манеры ходить я не знала раньше за нимъ), вышелъ изъ коляски и поднялся на крыльцо. Ольга открыла ему дверь, потомъ скрылась и вернулась на порогъ снова, черезъ минуту, смущенно говоря что-то по адресу пріѣхавшаго.

Я не могла слышать, что говорила она, но это было что-то непріятное, очевидно, для Этьена, потому что онъ весь вспыхнулъ, согнулся еще больше и, круто повернувшись на каблукахъ, быстро направился къ ожидавшей его колескѣ. Я поняла тогда же, что Этьена не приняли, что оскорбленный за меня поступкомъ стараго графа, мой отецъ, отказалъ отъ дома его сыну. И съ новымъ приступомъ отчаянія я опустилась, тихо рыдая, на желтую, мокрую отъ дождя осеннюю траву.

Въ тотъ же день я узнала отъ нашихъ, что молодой графъ Семенъ Олеговичъ уѣхалъ изъ «Анина», а недѣлю назадъ слѣдомъ за нимъ уѣхала оттуда и вся его семья. Старый графъ почувство-

валъ значительное ухудшеніе въ своемъ здоровьѣ и его спѣшно увезли въ теплые края. Съ нимъ уѣхала Ани, madame Клео, Лили и на этотъ разъ и миссъ Гаррисонъ, стосковавшаяся на старости лѣтъ по своей родинѣ и рѣшившая отправиться провести остатокъ дней своихъ среди сѣрыхъ лондонскихъ тумановъ.

Въ «Аниномъ» все хозяйство осталось теперь на рукахъ семьи Клейнъ, преимущественно Маріи. Она твердо забрала бразды правленія въ свои сильныя рабочія руки, чтобы обезпечить спокойствіе престарѣлому отцу.

Объ Этьенѣ въ нашемъ домѣ не произносилось ни слова. Но въ памяти моей, несмотря на это, онъ стоялъ, какъ живой. И душа бѣдной Люси, пережившей свое первое разочарованіе, теперь томилась въ гнетущей, горькой печали.

V.

„МЕДВѢЖАТНИКЪ“ И ЕГО ДОЛЯ.

— Перестань кукситься, Люська, сидитъ словно въ воду опущенная. Пойдемъ хоть въ лѣсъ, тряхнемъ стариною. Вѣдь легче отъ того не будетъ, если дуться все время, какъ мышь на крупу.

Тетя Муся старается быть веселой и оживленной. Но веселье положительно не выходитъ у нея, а оживленье кажется какимъ-то вымученнымъ. Занятая все это время своимъ горемъ, я не замѣчала перемѣны, происшедшей съ моей теткой во всѣ послѣдніе дни; сейчасъ мнѣ рѣзко бросается въ глаза ея осунувшееся лицо и пожелтѣвшая кожа, лихорадочный блескъ глазъ, ставшихъ неестественно большими, вслѣдствіе общей худобы лица. Тетя Муся носитъ въ себѣ, повидимому, какое-то большое горе, которое тщательно таитъ отъ постороннихъ глазъ. Опять въ послѣднее время стали чаще навѣдываться къ намъ въ домъ монахини, матерь Евѳимія и Аделаида и послушница, бѣличка Ѳеша. Опять подолгу совѣщались всѣ трое въ комнатѣ тети, радушно принимавшей ихъ у себя. Или же моя тетка просила у отца лошадь и отправлялась въ гости къ игуменьѣ, матери Ольгѣ, въ монастырь. И все чаще и чаще воз-

вращается теперь снова въ своихъ разговорахъ тетя къ темѣ о тишинѣ и сладкой радости обительскаго житія. Снова овладѣла ею ея давнишняя мечта поступить въ монахини, постричься. Отецъ и Ганя всячески отговаривали ее отъ этого шага.

— Не привыкла ты къ такой суровой жизни, тяжело тебѣ будетъ тамъ, избалована ты очень, Муся,—говорилъ мой отецъ, на всѣ просьбы и доводы своей сестры отпустить ее въ обитель.

— Полно, Сергѣй, чѣмъ я лучше матери Аделаиды, или игуменьи Ольги, а тѣ тоже, когда въ міру жили, и избалованы были, и богаты, и всѣми благами жизни пользовались. А теперь взгляни на нихъ: покорныя, тихія, довольныя своей судьбою.

— Не такой у тебя характеръ, чтобы смиряться, Муся,—энергично протестуетъ отецъ.

— То-есть, ты хочешь сказать, что я строптива?—слабо протестуетъ тетя,—ну, да ничего, жизнь пообломала достаточно—смирилась я теперь. Пусти меня лучше, Сергѣй. Не пустишь, сама уйду. Хуже будетъ.

— Муся, голубушка, пойми: я матери покойной далъ слово о тебѣ печься и заботиться, какъ родной отецъ. Ты вѣдь словно старшая моя дочка, Люся—младшая. Какой же отвѣтъ я покойницѣ за тебя давать стану на смертномъ одрѣ. Вѣдь ты ея любимица была!

Отецъ убѣждаетъ тетю вначалѣ терпѣливо и кротко. Тетя сердится. Голоса повышаются помимо воли. Папа горячится, доказываетъ. Тетя Муся начинаетъ волноваться не менѣе его.

— Добромъ не пустишь, убѣгу тайкомъ,— уже кричитъ она въ запальчивости, уходя къ себѣ

послѣ такихъ крупныхъ разговоровъ, съ силой хлопаетъ дверью...

А мы долго сидимъ потомъ молча, втайнѣ отъ всей души сожалѣя бѣдную дѣвушку, судьба которой сложилась такъ буднично и сѣро.

— У тебя, Люся, хоть молодость и свѣтлая жизнь впереди, а у нея ничего нѣтъ, у бѣдняжки,—говорила въ такихъ случаяхъ Ганя, которой до слезъ было жаль золовку. И вотъ теперь, послѣ такихъ горячихъ, острыхъ и нежеланныхъ споровъ, послѣ зловѣщихъ угрозъ тети Люси убѣжать изъ дома въ монастырь, она снова оживляется въ это прекрасное ноябрьское утро.

— Пойдемъ въ лѣсъ, Люська, нечего кукситься дома какъ старыя бабы на печкѣ сидѣть, сложа руки. Пойдемъ поищемъ послѣднихъ грибовъ. Авось къ ужину и соберемъ корзину.

— Какіе грибы! Гдѣ ужъ,—отзываюсь я неохотно,—вотъ Ольга говоритъ, что ночью первый снѣгъ выпалъ.

— Такъ что жъ, что выпалъ? Выпалъ и растаялъ сразу. Эка невидаль—снѣгъ! Сахарныя мы съ тобою что ли, снѣга испугались. Ну надѣвай пальто драповое, галоши и маршъ! Кстати зайдемъ «медвѣжатника» провѣдать. Долго онъ что-то не бывалъ у насъ.

Тетя права. Ранцевъ давно не былъ у насъ. Прошло около мѣсяца со дня отъѣзда д'Обернъ, а онъ съ тѣхъ поръ только мелькомъ заѣзжалъ къ намъ узнать о здоровьѣ. Но гитары, противъ своего обыкновенія, не привезъ и лишилъ насъ, такимъ образомъ, возможности послушать его дивное пѣніе. Отношенія его къ тетѣ Мусѣ стали совсѣмъ иными нежели раньше. Прежде онъ,

буквально, смотрѣлъ ей въ глаза, стараясь предупредить каждое ея желаніе. Теперь же не то. Онъ попрежнему былъ предупредителенъ и любезенъ съ нею, какъ и со всѣми нами, но къ его любезности примѣшивалась огромная доля почтенія, съ какимъ обращаются къ пожилымъ или очень почтеннымъ людямъ. Очевидно, и до него дошли слухи, что старшая барышня Ордынцева хочетъ постричься въ монахини и это, не то удаляло, не то умиляло Ранцева, высоко поднимая въ его глазахъ нравственный престижъ тети Муси. Въ свой послѣдній пріѣздъ къ намъ, онъ упоминалъ, между прочимъ, о большой новости, свѣжей новости нашего уѣзда: въ лѣсу появился огромный медвѣдь, зарѣзавшій у лѣсника корову и угрожавшій не только лошадямъ, но и самимъ людямъ, проѣзжавшимъ по лѣсной дорогѣ. Медвѣди дѣлаются особенно злыми передъ началомъ зимней спячки, во время которой они остаются въ берлогѣ и сосутъ лапу всѣ зимніе мѣсяцы вплоть до весны. Далеко не хищные въ обычное время, менѣе всего лѣтомъ, когда у нихъ есть достаточно корма и помимо живности, въ видѣ лѣсной малины, ягодъ и даже муравьевъ, которыми они не брезгуютъ лакомиться, натыкаясь на муравьиныя кучи, передъ и послѣ зимней спячки, Мишки не уступаютъ, пожалуй, въ кровожадности и самымъ хищнымъ звѣрямъ. Голодъ не позволяетъ имъ слишкомъ разбираться въ родѣ добычи: коровы, овцы, лошади, а подчасъ и человѣкъ, подвернувшійся не кстати и раздражившій чѣмъ-либо медвѣдя, все это погибаетъ подъ страшными по своей силѣ лапами звѣря. Впрочемъ, человѣческое мясо Мишка не употребляетъ въ пищу. Но домашними

животными, особенно кровью ихъ, медвѣди лакомятся весьма охотно. Все это разсказалъ намъ Александръ Павловичъ, прибавивъ, что давно онъ мечтаетъ встрѣтиться одинъ на одинъ и помѣриться силами съ медвѣдемъ:—облавы никакой дѣлать не буду, а, знаете, съ дубиной, да съ ружьемъ выйти на Бураго не прочь, какъ въ старое время наши предки хаживали,—со своей добродушной улыбкой говорилъ онъ.

— Не совѣтую, опасно это,—предостерегалъ, его отецъ.

— Э, пустое! Кто изъ насъ двоихъ сильнѣе—это еще вопросъ,—смѣялся Ранцевъ, вытягивая и сжимая въ кулакъ свою огромную волосатую руку.

Мы не могли не улыбаться при видѣ этой, поистинѣ, богатырской руки. Александръ Павловичъ уѣхалъ и о предстоящей ему медвѣжьей охотѣ намъ больше никто не говорилъ.

— А снѣгъ, дѣйствительно, былъ ночью, Люся смотри: здѣсь онъ не успѣлъ растаять. Зато воздухъ какой! Не воздухъ, а блаженный нектаръ, бальзамъ!

Я положительно не узнавала сегодня тети Муси. Такъ она нынче оживлена. Глаза блестятъ, сама улыбается. Яркій румянецъ играетъ у нея на щекахъ. Черный платокъ, повязанный поверхъ теплаго драповаго пальто, дѣлаетъ тетю совсѣмъ похожей на монашку. Мы идемъ по мокрой отъ стаявшаго снѣга травѣ, по опавшимъ листьямъ и сѣрому облѣзлому мху. Скрипятъ высокія деревья, словно жалуются на что-то. Каркаютъ голодныя вороны протяжно и

заунывно... Осенняя картина разрушенія вызываетъ въ душѣ невольную грусть. И въ самомъ молчаніи лѣса таится таже грусть, безпричинная, необъяснимая, навѣянная умираніемъ природы.

Тетя Муся и я понемногу прибавляемъ шагу. Вотъ минуемъ сторожку лѣсника. Дверь избы плотно закрыта. Иванъ на обходѣ, должно-быть, его старуха мать домовничаетъ внутри. Мелкій дымокъ вьется изъ трубы домика.

Я мелькомъ бросаю взглядъ на знакомое крылечко, по которому мы съ Ани, исполненные трепета и страха поднимались больше десяти лѣтъ тому назадъ. Домикъ вѣдьмы и Зеленаго— какъ давно все это было! Теперь Ани далеко. Нѣтъ и Этьена. Юное счастье разбилось вдребезги. Какая тоска, — глубокая тоска! Я стараюсь не думать о томъ, что было, и бодро шлепаю по сырому мху и тронутымъ первымъ снѣгомъ листьямъ туда, гдѣ въ самой чащѣ притаилась усадьба «медвѣжатника». Теперь думаю только объ одномъ: въ уютной горницѣ, сплошь забросанной звѣриными шкурами, топится каминъ. У камина сидитъ хозяинъ... Брянчитъ гитара... Мягкій бархатный голосъ разливается по соловьиному... Тепло, хорошо, уютно... Этьенъ и вся тоска, сопряженная у меня съ этимъ именемъ, отходитъ куда-то далеко въ эти минуты... Душа потянулась къ пѣснямъ, къ тихому звону гитары... къ привѣтливому огоньку камина. И тетя Муся думаетъ, очевидно, о томъ же. Чѣмъ ближе приближаемся мы къ Борку, тѣмъ быстрѣе и энергичнѣе шагаетъ она по мокрой дорогѣ.

Вотъ зажелтѣли между обнаженными по осеннему деревьями строенія усадьбы.

Собаки почуяли наше приближеніе и залились отчаяннымъ лаемъ. Навстрѣчу намъ вышелъ поваръ, сѣдой старикъ, проживавшій въ домѣ Ранцева чуть ли не добрую половину своей жизни и знавшій еще покойнаго отца Александра Павловича и его мать.

— Добро пожаловать, барышни, давненько у насъ не бывали, запѣлъ онъ своимъ старческимъ теноркомъ, — привѣтливо улыбаясь намъ во всю ширину лица,—а мы-то съ бариномъ поджидали васъ все послѣднее время.. Нынче какъ разъ, еще утромъ о васъ говорили. Нынче-то баринъ съ Гаврилой да Иваномъ лѣсникомъ на дальнюю охоту уѣхавши, облаву, слышь, на медвѣдя затѣяли. Двухъ волкодавовъ Пинча и Ларика съ собой прихватили. До зари еще укатили, обратно жду съ часу на часъ. Крестьянинъ тутъ заходилъ, сказывалъ, отъ загонщиковъ узналъ: на слѣдъ берлоги уже напали. Теперь, надо думать, травятъ давно. Вы ужъ дождитесь барышни... Не то, осерчаетъ на меня Александръ Павловичъ, что отпустилъ васъ до его пріѣзда. Отдохните, притомились чай, а я вамъ кофейку, либо чайку приготовлю, а то и горяченькое что-нибудь духомъ спроворю. Въ одинъ мигъ готово будетъ все. Старикъ волновался и суетился, какъ мальчикъ, не зная куда усадить насъ поудобнѣе, чѣмъ угостить повкуснѣе.

— Да не скоро, можетъ быть, Александръ Павловичъ вернется, — заикнулась было я, бросая бѣглый взглядъ на тетю Мусю. Сейчасъ она казалась очень встревоженной и блѣдной. Та же тревога смотрѣла изъ ея глазъ, когда она, отведя меня въ сторону по уходѣ слуги убѣжавшаго

хлопотать съ закуской, произнесла, крѣпко сжимая мою руку:

— Отчего онъ не сказалъ, не извѣстилъ насъ о томъ, что облава на медвѣдя назначена на сегодня? Вѣдь это очень опасный родъ охоты, Люся, и...

Она не договорила. Но глаза ея досказали то, чего не рѣшились произнести губы. Тетя Муся боялась за «медвѣжатника». Она еще любила его...

Я опустилась подлѣ нея на тахту и всячески старалась отвлечь ея мысли отъ того, что происходило сейчасъ за нѣсколько верстъ отсюда,

въ самой глубинѣ лѣса. Но мы невольно возвращались все время къ разговору объ охотѣ. Между тѣмъ короткій осенній день сталъ клониться къ вечеру. Раннія ноябрьскія сумерки окутали лѣсъ.

Поваръ Дементій принесъ въ кабинетъ большой подносъ съ чаемъ и холодными закусками и сталъ угощать насъ самымъ радушнымъ образомъ. Что касается меня, то я съ удовольствіемъ выпила чашку крѣпкаго ароматнаго чая и съѣла нѣсколько тартинокъ съ говядиной. Тетя Муся не прикоснулась ни къ чему. Она волновалась, повидимому, все сильнѣе и сильнѣе съ каждой минутой и то шагала большими шагами по комнатѣ, то останавливалась у окна и зорко вглядывалась въ постепенно сгущающуюся темноту осенняго вечера, вся обратившись въ ожиданіе и слухъ.

А сумерки спускались все ниже, и настойчивѣе. Становилось почти темно. Дементій зажегъ лампы. Домикъ освѣтился и въ немъ сдѣлалось какъ-то сразу уютнѣе и веселѣе.

— Пора домой, тетя Муся, — наши, навѣрное, уже безпокоятся, что мы пропали. Ждутъ. Надо итти...—заикнулась я, было, робко, трогая за плечо задумавшуюся у окна дѣвушку.

Неожиданно порывисто она обернулась ко мнѣ. Что-то дрогнуло въ ея лицѣ... — Люся! Люся! Ты слышишь? Они возвращаются... Они ѣдутъ... зашептала она, до боли стискивая холодными пальцами мою руку.

Я прислушалась, но не услышала ничего.

— Я не вижу причины безпокоиться, произнесла я насколько могла спокойно, — и чего ты волнуешься, право! Александръ Павловичъ дѣлаетъ не въ первый разъ облаву въ своей жизни.

Ему и раньше часто приходилось имѣть дѣло съ «мишками», (тутъ я постаралась вызвать на своемъ лицѣ подобіе улыбки, что мнѣ врядъ ли удалось, такъ какъ я волновалась не меньше тети)—онъ опытный хорошій охотникъ и на рожонъ, какъ говорится, зря не полѣзетъ ни за что... Успокойся же ради Бога, тетя Муся, сейчасъ онъ вернется съ охоты здоровый и невредимый и...

Я не договорила. До уха моего на этотъ разъ вполнѣ явственно и отчетливо донесся шумъ приближающагося экипажа, фырканье лошадей, людскіе голоса.

— Они!—радостнымъ, не поддающимся описанію голосомъ вырвалось изъ груди тети Муси и она, какъ была, въ одномъ платьѣ, съ непокрытой головой выскочила на крыльцо. Я за нею. Среди сгустившагося мрака двумя яркими точками рѣзко выдѣлялись фонари приближавшагося по дорогѣ экипажа. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза то, что на мѣстѣ кучера Гаврилы сидѣлъ какой-то крестьянинъ въ зипунѣ, очевидно, изъ нанятыхъ для облавы загонщиковъ. Гаврила же находился въ экипажѣ рядомъ съ лѣсникомъ Иваномъ, и они бережно поддерживали что-то большое, накрытое не то попоной, не то кафтаномъ, что лежало распростертое у нихъ на рукахъ. Медленно, шагомъ подвигался экипажъ по направленію лѣсного домика. Коляска приближалась. Людскіе голоса доносились теперь совсѣмъ уже отчетливо до нашихъ ушей. Вотъ лошади остановились... Свѣтъ фонарей ударилъ намъ въ глаза... Тетя Муся первая сбѣжала съ крыльца, кинулась къ экипажу, приподняла уголъ темной ткани, накрывавшей

то безформенное и большое, что находилось на рукахъ охотниковъ и дикій вопль, вопль ужаса, отчаянія и безысходнаго, безпросвѣтнаго горя вырвался у нея изъ груди и, повторенный стоголоснымъ лѣснымъ эхо, замеръ гдѣ-то въ дали, въ глубинѣ лѣса . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Много лѣтъ пройдетъ съ того дня, пока утихнетъ и сгладится ужасное впечатлѣніе, которое произвела на насъ гибель несчастнаго «медвѣжатника»...

Чувствую, что никогда въ моей жизни я не забуду этой картины. Все предыдущее казалось такимъ блѣднымъ въ сравненіи съ нею. Объясненіе со старымъ графомъ, нанесенная мнѣ судьбой обида, разлука съ Этьеномъ, даже самая смерть бабушки—огромное горе моего дѣтства, все это не сравнится по силѣ произведеннаго на меня впечатлѣнія съ тѣмъ, что я увидѣла и пережила въ тотъ вечеръ.

Александра Павловича Ранцева или то, что осталось отъ него послѣ дикаго нападенія на него медвѣдя, доставили домой уже бездыханнымъ, истерзаннымъ трупомъ. О докторѣ и спасеніи жизни не могло быть и рѣчи... Все было кончено съ этой стороны, и въ лѣсной домикъ доставили только жалкіе остатки, клочья человѣческаго тѣла, изодраннаго лѣснымъ звѣремъ.

Съ большимъ трудомъ внесли безформенную массу Ранцева въ его жилище, подъ вой собакъ, почуявшихъ присутствіе покойника и плачъ стараго вѣрнаго Дементія. Тетя Муся шла блѣдная какъ полотно слѣдомъ за несшими тѣло людьми.

Она не плакала, не стонала. Въ томъ единственномъ воплѣ, вырвавшемся такъ непроизвольно изъ ея груди, сказалось все охватившее ее безпросвѣтное жгучее отчаяніе, и теперь она какъ бы замерла, какъ бы задохнулась подъ напоромъ придавившаго ее неожиданнаго горя. И все же она была до странности спокойна, когда обратилась къ лѣснику Ивану съ просьбой разсказать ей все подробно, не щадя ея нервовъ, разсказать намъ, какъ произошла эта ужасная катастрофа.

— Да ужъ, поистинѣ, горе великое и нежданное, барышни,—началъ мой старый знакомый, выходя къ намъ въ гостиную изъ кабинета, куда уже успѣли отнести истерзанные останки Ранцева, покрытые теперь простынею, и положить ихъ на тахтѣ, гдѣ онъ такъ любилъ отдыхать при жизни,— по истинѣ, страшное несчастье приключилось, барышни... Вначалѣ-то все, какъ будто, удачливо шло. Обложили мы, значитъ, со здѣшними мужичками пригородными «его» берлогу... Оцѣпили цѣпью загонщики, какъ и полагается, значитъ... Собакъ спустили... Александръ Павловичъ, такой веселый да рѣзвый, какъ нарочно нынче были... Весь день шутили, да балагурили съ нами.— Шубы медвѣжьей говоритъ у меня нѣтъ,—безпремѣнно добыть себѣ шубу надо.—Долго мы, это значитъ, изъ берлоги его выманивали. Никакъ вытащить не могли. А тутъ Ларикъ сунулся было не въ пору... Любимецъ Александра Павловича Ларикъ-то... Выскочилъ изъ норы своей тотъ бурый дьяволъ да сразу-то на мѣстѣ Ларика-то и положилъ. Однимъ взмахомъ лапы Ларику переломилъ пополамъ спину. Мы-то съ

Александромъ Павловичемъ ближе всѣхъ къ берлогѣ стояли... Все видѣли и слышали... И какъ взвизгнулъ Ларикъ предсмертнымъ визгомъ и какъ грохнулся оземь замертво. Взглянулъ я на Александра Павловича, вижу тотъ свѣта не взвидѣлъ—самъ не свой. Самъ-то весь бѣлый, — а глаза отъ злобы изъ орбитъ вылѣзаютъ... Губы трясутся...—Не пощажу,—шепчетъ,—за Ларика бѣднаго жестоко отплачу... Да какъ кинется впередъ-то съ ножомъ прямо тому дьяволу навстрѣчу, безъ единаго выстрѣла, безъ подмоги, одинъ на одинъ... Что тутъ было—не могу передать точно... Видѣлъ только какъ ножомъ Александръ Павловичъ взмахнулъ... Кровь брызнула изъ горла, либо изъ лапы медвѣдя — не разглядѣлъ точно... Кинулся я на выручку, а они уже оба по землѣ катаются, въ одинъ комокъ сплелись со звѣремъ. Выстрѣлить хочу—да нѣшто можно стрѣлять то—ненарокомъ въ барина попадешь. А тутъ свои, загонщики сбѣжались... Да куды ужъ!.. Когда удалось, наконецъ, зарядъ медвѣдю въ ухо всадить, поздно ужъ было... Отъ Александра Павловича однѣ лохмотья остались, одинъ мѣшокъ мяса да костей. И крикнуть не успѣлъ, сердешный...

Иванъ замолкъ и утеръ рукавомъ кафтана катившуюся по лицу слезу. Тетя Муся стояла, безпомощно прислонясь къ косяку двери. Глаза ея глядѣли куда-то вдаль, черезъ голову лѣсника, туда, гдѣ она видѣла всю ту же рисующуюся въ ея воображеніи страшную картину. Нѣжно, насколько можно,тихо и осторожно напомнила я ей о необходимости возвратиться домой. Противъ моего ожиданія на этотъ разъ она не протестовала. Въ глубокомъ, неимовѣрно-тяжеломъ

молчаніи одѣлись мы, вышли на крыльцо и сѣли въ коляску, предупредительно по распоряженію Дементія ожидавшую насъ у крыльца лѣсной усадьбы. Отъѣзжая отъ Борки я невольно оглянулась назадъ. Всѣ окна лѣсного домика были ярко освѣщены. Въ нихъ мелькали суетливо снующія тѣни. Люди хлопотали о послѣднихъ необходимыхъ приготовленіяхъ, сопряженныхъ съ присутствіемъ покойника въ домѣ.

— Прощай, милый, веселый, добрый «медвѣжатникъ», мысленно послала я ему,—не придется намъ больше увидѣть твоего простодушнаго, славнаго лица, ни слышать твоего бархатнаго голоса, ни твоихъ дивныхъ чарующихъ пѣсенъ, которыя такъ настойчиво западали намъ въ души и сладкими радостными впечатлѣніями волновали наши сердца...

Слезы невольно навернулись мнѣ на глаза. Я незамѣтно смахнула ихъ съ рѣсницъ и обернулась къ моей спутницѣ. Глаза тети Муси въ этотъ мигъ встрѣтились съ моими... И я увидѣла въ нихъ такую отчаянную, такую безпросвѣтную тоску безнадежности, что невольно, движимая состраданіемъ, раскрыла объятія и прижала къ себѣ несчастную одинокую дѣвушку...

VI.

ПОЗДНО!

Весь уѣздъ только и говорилъ теперь что о безвременной гибели Ранцева. Не нашлось ни единого человѣка, котораго бы не взволновала эта ненужная, дикая, безпощадная смерть всѣми любимаго и уважаемаго Александра Павловича. Мы, наша семья, отецъ, Ганя и я ѣздили ежедневно въ лѣсной домикъ на панихиды. Одна тетя Муся отказывалась сопровождать насъ туда.

— Нѣтъ, нѣтъ, не принуждайте меня, — отнѣкивалась она въ отвѣтъ на всѣ уговоры брата и невѣстки ѣхать отдать послѣдній долгъ умершему,—я хочу помнить его живымъ, здоровымъ, и веселымъ съ его дивными пѣснями, съ его остроумными разсказами объ охотѣ. И пусть онъ останется такимъ въ моей памяти на всю жизнь. Такъ мнѣ будетъ легче...

Никто не рѣшался протествовать и настаивать. Щадили, какъ умѣли, душевныя переживанія бѣдной дѣвушки. Несчастнаго «медвѣжатника» схоронили, и снова потекла вошедшая въ свою обычную колею наша скромная и тихая деревенская жизнь.

Ночь... Холодная, бурная, ноябрьская непогода шумитъ и свиститъ за окнами своими обычными шумами, свистами и завываніями вѣтра. Съ утра снѣжило. Къ ночи снѣговая пыль

разрослась въ настоящій буранъ. Голоса вѣтра въ трубахъ отчаянно завывали на самые разнообразные мотивы. Въ нихъ слышатся и зловѣщія угрозы демоновъ и дикій торжествующій хохотъ и стонъ, и жалобный печальный плачъ покинутаго ребенка, или вопли больного, разрывающіе грудь...

Я лежу въ своей мягкой, узкой постели и думаю, мучительно думаю одну и ту же печальную думу — думу объ Этьенѣ, не дающую мнѣ покоя съ тѣхъ поръ, какъ мы разлучены по волѣ его отца. Гдѣ онъ теперь, что дѣлаетъ, помнитъ ли свою маленькую Люсю-Магду?.. Снова гнетущая, безысходная тоска давитъ, душитъ и сводитъ меня съ ума. А голоса бури за окномъ звучатъ все громче, все слышнѣе... Поетъ метелица на разные голоса... Какъ жутко, какъ нестерпимо тяжело прислушиваться къ этимъ звукамъ! Но вотъ, къ нимъ присоединяются ещё и другіе... Какой-то шелестъ, какой-то шопотъ... Не то плачъ, не то заглушенные рыданіе или стонъ. А потомъ шаги... Тихіе, чуть слышные, едва уловимые для слуха среди всей этой какофоніи звуковъ и голосовъ бури за окномъ... Также тихо,—едва слышно скрипитъ дверь, за нею, другая... Я настораживаюсь невольно.. Я вся обращаюсь въ слухъ... Опять шаги, робкіе, крадущіеся, чуть внятные... Чудится мнѣ это или нѣтъ?.. Медленно открывается дверь моей комнаты и черезъ порогъ проскальзываетъ тонкая, темная фигура.

— Тетя Муся! Ты?—шепчу я и протягиваю ей навстрѣчу руки.

— Я... Люся... я... милая, ты не спишь? Ея лицо блѣдно, а руки, обвивающія мои плечи

холодны какъ ледъ и дрожатъ.—Дѣтка милая, я не разбудила тебя?—спрашиваетъ она озобоченно и тревожно.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетечка. Я не спала... И тебѣ не спится?.. да?

Вмѣсто отвѣта она только смотритъ на меня своими большими страдальческими глазами. Господи какое безпросвѣтное отчаяніе кроется въ нихъ! Безмолвно опускается она на колѣни у моей кровати и тихо плачетъ, прижавшись къ моей груди... Ни слова не говоритъ она, но я чувствую, я сознаю и безъ словъ, какое непосильное страданіе носитъ она въ своемъ сердцѣ. Я утѣшаю и ласкаю ее, какъ умѣю, убѣждаю прилечь рядомъ со мной, крѣпко обнимаю ее и шепчу ей на ухо слова сочувствія и ласки.

Не помню, какъ намъ удается, наконецъ, забыться... И не знаю, забылась ли я одна или тетя Муся отдыхала тоже вмѣстѣ со мной въ моей уютной «дѣтской», но знаю только, что пробужденіе мое было ужасно на другое утро. Меня разбудили крики и суета въ домѣ. Хлопали дверьми, бѣгала прислуга. Звучали тревожные голоса Гани, отца...

Когда, наконецъ, мнѣ удалось одѣться и выйти въ столовую, взволнованная до послѣдней степени Ганя протянула мнѣ какую-то бумажку и, заливаясь слезами, шепнула:

— Прочти, Люся, прочти!

Въ бумажкѣ стояло нѣсколько строкъ, торопливо набросанныхъ неровнымъ и быстрымъ подчеркомъ тети Муси:

«Дорогіе мои Сергѣй, Люся и Ганя!—писала она,—не огорчайтесь тѣмъ, что я покидаю васъ. Но я не могу поступить иначе. Когда вы прочтете

это письмо, вашей бѣдной Муси уже не будетъ на свѣтѣ, а вмѣсто нея появится скромная, никому неизвѣстная монахиня N-ской женской обители. Моя жизнь стала пустой и безцѣльной, а особенно послѣ того, когда счастье, улыбнувшись мнѣ однажды, скрылось навѣки отъ меня. Я тоже мечтала о своемъ собственномъ гнѣздышкѣ, о домашнемъ очагѣ, о семьѣ и дѣтяхъ, но судьба не захотѣла подарить мнѣ этого скромнаго счастья. Въ этомъ я усматриваю перстъ Божій, высшее назначеніе для того, кто отмѣченъ небеснымъ промысломъ для иной цѣли. Давно уже чувствую я призваніе къ обительской тихой жизни и теперь могу, никому ненужная и лишняя въ мірѣ, осуществить мою давнишнюю мечту...

Простите же, родные, и не судите за это слишкомъ строго вашу бѣдную Мусю!

Едва лишь успѣла я докончить послѣднюю строку записки, какъ въ комнату вошелъ отецъ. Со времени смерти бабушки я еще не видѣла у него такого взволнованнаго, убитаго горемъ лица, такихъ встревоженныхъ и печальныхъ глазъ въ одно и то же время.

— Ѣдемъ за нею... Я велѣлъ подавать...

Можетъ-быть, успѣемъ еще отговорить, урезонить сестру отъ ея безумнаго шага...— говорилъ онъ отрывисто, перебѣгая взглядомъ съ моего лица на Ганино и обратно. Только, нельзя медлить не минуты... Одѣвайтесь скорѣе и въ путь... поѣдемъ за нею всѣ трое... И всѣ трое должны стараться отговорить ее...

— Да, да, отговорить... Отговорить непремѣнно—роняла лихорадочно и Ганя, въ то время

какъ я дрожащими руками застегивала пуговицы пальто. Потомъ мы быстро вышли на крыльцо. Кучеръ-Василій уже ждалъ насъ на козлахъ большихъ семейныхъ саней, запряженныхъ парою новыхъ купленныхъ лишь недавно отцомъ лошадей. По быстротѣ бѣга они едва ли уступали бывшей Ранцевской тройкѣ. И Василій способствавалъ всячески скорой ѣздѣ. Пара вихремъ понеслась, несмотря на отчаянную непогоду и пургу по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Меньше чѣмъ черезъ полчаса достигли мы воротъ знакомой намъ обители. Обѣдня въ монастырской церкви уже отошла, прихожане медленно расходились въ ту минуту, когда наши взмыленныя лошади остановились передъ крыльцомъ главнаго обительскаго флигеля. Первое лицо, попавшееся намъ навстрѣчу, была Ѳеша. Она низко поклонилась намъ въ поясъ и, не поднимая глаза, запѣла своимъ тягучимъ монастырскимъ говоромъ:

— А вамъ, къ сестрицѣ желаете пройти? Пожалуйте, пожалуйте, гости дорогіе! — И, не давъ намъ опомниться, повела насъ куда-то длинными переходами, полуосвѣщенными керосиновыми лампами, въ глубину монастырскаго помѣщенія.

Ни у отца, ни у Гани, ни тѣмъ болѣе у меня не хватало духа въ тѣ мунуты спросить ее о тетѣ Мусѣ. Разъ она ведетъ насъ къ ней, естественно, тетя Муся здѣсь и, стало-быть, все еще поправимо, мелькнула у меня первая логичная мысль.

— У матери игуменьи онѣ сейчасъ были, кажись, еще и теперь тамъ,—бросила намъ мимоходомъ наша спутница и открыла передъ нами какую-то дверь.

Легкій крикъ срывается съ моихъ губъ, лишь только я переступаю порокъ игуменской кельи. Двѣ монахини стоятъ въ ожиданіи насъ посреди маленькой горницы съ лицами, обращенными къ двери. Въ одной изъ нихъ я узнаю суро-

выя строгія черты настоятельницы матери Ольги, въ другой...

— Тетя Муся,—кричу я несдержанно громко и бросаюсь къ этой другой,—мы пріѣхали за тобою, вернись къ намъ, вернись домой, родная, любимая тетя Муся!

Мои поцѣлуи сыпятся безъ счета на черную рясу, на блѣдное, подъ черной же монашеской шапочкой, лицо, на дрожащія руки тети Муси, быстро перебирающія четки, и въ то же время я слышу, какъ во снѣ, сдержанный и безстрастный голосъ матери Ольги, съ особенной значительностью произносившій страшныя, неожиданныя для насъ и полныя рокового значенія слова:

— Не волнуйтесь дитя и не требуйте невозможнаго. Нынче поутру ваша тетя дала, по милости Господа, великій обѣтъ постриженія... Маріи Ордынцевой больше нѣтъ. Есть скромная монахиня, мать Магдалина, возносящая за васъ всѣхъ свои грѣшныя молитвы къ Престолу Бога Всевышняго...

VII.

НОВЫЯ ЦѢЛИ.

Снова зима. Бѣлые снѣга покрыли далеко убѣгающія поля вокругъ нашей усадьбы. Бѣлымъ пушистымъ инеемъ мастерски напудрилъ проказникъ дѣдушка Морозъ деревья. Холодное скупое зимнее солнце только изрѣдка, временами лишь баловало лаской замерзшую природу. Но не давало весенней бодрящей душу радости это скупое солнце! Напротивъ, все какъ-то захолаживало оно.

Тускло и блѣдно протекала теперь наша жизнь въ «Миломъ». Тетя принявъ постриженіе, поселилась въ монастырѣ. Еще уменьшилась наша и безъ того маленькая семья. Отецъ, опечаленный поступкомъ сестры, сталъ больше хмуриться и задумываться. Онъ замѣтно грустилъ. Рѣже видѣли мы теперь улыбку на его угрюмомъ лицѣ. Притихла и Ганя, попрежнему хлопотавшая для всѣхъ и за всѣхъ съ утра до ночи, и съ ночи до утра.

Что же касается меня, то я совсѣмъ расхандрилась. Этьенъ попрежнему не выходилъ изъ моей головы. Воспоминанія о немъ и о моемъ счастливомъ дѣтствѣ и юности и рядомъ съ милымъ товарищемъ дѣтства не покидали меня. Попрежнему жило все до малѣйшихъ подробностей въ моей памяти, всѣ впечатлѣнія,

оставшіяся отъ рокового дня того объясненія со старымъ графомъ и это, положительно, не давало мнѣ покоя. Я страдала. Не могла взяться за дѣло; никакая работа не шла мнѣ на умъ. Цѣлыми днями слонялась я изъ угла въ уголъ, не умѣя забрать себя въ руки, еще больше усугубляя гнетущее настроеніе, царящее въ домѣ, своей тоской. Дни тянулись съ убійственной медленностью, пустые, блѣдные, похожіе какъ близнецы одинъ на другой. Цѣлыми днями просиживала на диванѣ съ книгой въ рукахъ, которую и не думала читать. Мысли кружились все вокругъ одного, одного и того-же... Ужасы послѣдняго мѣсяца: Этьенъ... Разлука съ нимъ... Трагическая смерть «медвѣжатника» и постриженіе тети Муси... Казалось, радость навсегда угасла для меня. Казалось, надъ головой моей повисли черныя тучи... тяжелыя тучи, которымъ не суждено уже разсѣяться никогда, никогда...

— Если ты будешь продолжать кукситься и хандрить такимъ образомъ—тебя не надолго хватитъ, моя Люся... Ты ничего не дѣлаешь, нигдѣ не бываешь... Не говорю уже о себѣ, ты даже и друзей своихъ забываешь, — говорила мнѣ не разъ Ганя, возмущенная моей безконечной апатіей.

— Друзей? Развѣ у меня есть друзья кромѣ тебя и папы?—раскрывала я изумленные глаза.

— Глупенькая дѣвочка, а тетя Муся? а Марія?... Положимъ, у тети ты была недѣлю тому назадъ, ну а Марія? Про нее ты и совсѣмъ забыла, а между тѣмъ эта дѣвушка трогательна въ своей привязанности къ тебѣ.

— Да, я знаю,—отвѣчаю я лѣниво, глядя апатичными безсмысленными глазами передъ собой.

Дѣйствительно Ганя права: я знаю заботы обо мнѣ Маріи. Она часто присылаетъ мнѣ записочки, прося меня зайти къ ней. Сама она не можетъ отлучиться, занятая по горло дѣлами по хозяйству. Присылаетъ она также образцы домашняго печенія, варенья и сладостей собственноручнаго изготовленія съ припиской въ запискѣ, адресованной Ганѣ и пополненной всевозможными хозяйственными вопросами: «А сладенькое передайте Люсѣ. Я знаю, какая она сластена». Наконецъ однимъ яснымъ декабрьскимъ утромъ я рѣшаюсь пойти навѣстить Марію. Пускаюсь въ путь по ровной, бѣлой какъ скатерть снѣжной дорогѣ. Боже мой, сколько разъ я ходила и ѣздила по ней съ Ганей, и тетей Мусей на уроки въ «Анино»!.. И тамъ встрѣчала постоянно того, кого уже нѣтъ больше со мною и съ кѣмъ мы не встрѣтимся больше никогда. Вотъ она чугунная рѣшетка съ воротами, увѣнчанными гербомъ д'Обернъ. Сколько милыхъ воспоминаній на каждомъ шагу!.. Иду по широкой главной аллеѣ. Поднимаюсь на крыльцо. Звоню у дверей. Никого нѣтъ. Пустота и молчаніе. Хочу уже повернуть обратно, но вотъ хлопаетъ форточка въ ближайшемъ окнѣ и въ нее просовывается бѣлокурая голова Маріи.

— Люся! Ты? Обойди кругомъ, съ задняго, крыльца. Здѣсь заколочено на зиму,—кричитъ она своимъ дѣловитымъ озабоченнымъ голосомъ.

Обхожу по ея указанію домъ и попадаю въ заднія сѣни. Старикъ Антонъ впускаетъ меня.

— Марья Карловна въ классную просятъ. Они сейчасъ освободятся. Давненько не видѣли

васъ, барышня, похудали вы,—своимъ беззубымъ ртомъ шамкаетъ старикъ и привѣтливо блестятъ его глаза мнѣ навстрѣчу.

Вотъ и залъ, гдѣ мы играли, рѣзвились дѣтьми. Вотъ и классная. Еще движенье, и я буду за ея порогомъ и снова воскреснутъ призраки недавняго прошлаго передо мной. Совмѣстныя занятія... радости... уроки... невзгоды. Я останавливаюсь на минуту, чтобы перевести дыханіе. Волненіе мое слишкомъ велико. Потомъ глубоко вдыхаю въ себя воздухъ и открываю дверь. Что это?

Марія сидитъ за столомъ, на главномъ, «учительскомъ» мѣстѣ, гдѣ прежде обыкновенно сидѣла миссъ Гаррисонъ, а вокругъ нее размѣстилось около десятка дѣтей мальчиковъ и дѣвочекъ одного приблизительно возраста. Это все бѣдноодѣтыя дѣти въ тщательно заплатанныхъ костюмахъ и стоптанныхъ башмакахъ. Они что-то пишутъ, кажется то, что имъ диктуетъ Марія.

При моемъ появленіи всѣ головы обращаются въ мою сторону. Марія встаетъ мнѣ навстрѣчу, дѣти вскакиваютъ и кланяются мнѣ.

— Прошу тебя обождать немного, Люся. Я такъ рада видѣть тебя, но необходимо заняться вотъ съ этою мелюзгой... Посиди, почитай газету; мы сейчасъ кончимъ урокъ,—говоритъ своимъ дѣловитымъ тономъ Марія, наскоро пожимая мнѣ руку.

— Хорошо, я подожду, не стѣсняйся, пожалуйста,—отвѣчаю я.

— Мнѣ въ сущности все равно гдѣ сидѣть и томиться: дома или здѣсь.

Отъ нечего дѣлать приглядываюсь и прислушиваюсь ко всему тому, что меня окружаетъ сейчасъ.

Дѣти пишутъ подъ диктовку, потомъ читаютъ немного и рѣшаютъ самыя несложныя ариѳметическія задачи. Затѣмъ дѣвочкамъ Марія показываетъ какое-то рукодѣліе, которое они берутъ съ собой. Наконецъ, дѣти уходятъ, и мы остаемся одни съ моей подругой дѣтства.

— Ты, удивлена, заставъ меня за такой работой, — говоритъ Марія, усаживая меня послѣ себя;—а между тѣмъ эту мою школу я устроила уже давно: попросту учу городскую бѣдноту, которая не можетъ платить въ училище и не въ состояніи отлучиться надолго изъ дома, гдѣ эти дѣти помогаютъ своимъ отцамъ и матерямъ. Я же отнимаю у нихъ всего часъ-другой для занятій и въ эти два часа стараюсь дать имъ первыя понятія о грамотѣ и счетѣ, а также учу дѣвочекъ немного и рукодѣлію. Жаль только времени нѣтъ у меня. Мои старички совсѣмъ одряхлѣли, и все дѣло управленія дѣлами по имѣнію графа отецъ сложилъ на меня, такъ что для моихъ ребятокъ совсѣмъ мало времени остается. Вотъ, еслибы кто-нибудь помогъ мнѣ... Ну, а ты Люся, какъ поживаешь?—неожиданно обращается она ко мнѣ голосомъ, полнымъ такого добраго и нѣжнаго участія, что слезы невольно навертываются у меня на глазахъ.

Я въ тотъ же мигъ бросаюсь къ ней на шею и начинаю рыдать, рыдать неутѣшно.

— Все кончено для меня, Марія... все кончено,—всхлипываю я.—И жизнь и радость... Впереди однѣ муки воспоминанія и тоска. Я не могу ничего дѣлать, всѣ валится у меня изъ рукъ... Мое горе придавило меня... Я только и думаю о томъ, что насъ разлучили съ Этье-

номъ, что моя жизнь отнынѣ потеряла всякій смыслъ для меня.

Боже мой, что стало въ эту минуту съ Маріей! Краска бросились ей въ лицо... Она вскочила со стула и вперила въ меня вспыхнувшіе негодованіемъ глаза, проговорила, задыхаясь отъ волненія:

— Какъ ты можешь, какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія глупости, Люся! Ты подумай только, что за чушь ты несешь! Я знаю всю твою исторію, всю исторію неудавшагося сватства Этьена и все-таки скажу одно: ты меня поражаешь своимъ эгоизмомъ Люся.

— Эгоизмомъ? — переспросила я, потрясенная и удивленная до глубины души ея словами.

— Ну да, эгоизмомъ! Нечего дѣлать большіе глаза и открывать ротъ отъ недоумѣнія. Ужели Господь Богъ далъ тебѣ жизнь, а твои близкіе воспитывали, лелѣяли и берегли тебя для того только, чтобы ты выросла такимъ безполезнымъ, пустымъ, ни о комъ, и ни о чемъ не заботящимся существомъ, какимъ я вижу тебя въ настоящее время? Ну, не эгоизмъ ли это, скажи мнѣ ради Бога, замкнуться въ своемъ горѣ и личныхъ переживаніяхъ и ничего не желать знать о томъ, что происходитъ вокругъ и около тебя. Люся, Люся, стыдись! Одумайся, пойми: задача каждаго человѣка заключается въ его стремленіи быть полезнымъ другимъ. А ты? Не только не приносишь ты пользу окружающимъ, но и причиняешь имъ огромный вредъ, не желая примириться съ неизбѣжнымъ, не желая подчиняться обстоятельствамъ и кромѣ

своихъ собственныхъ невзгодъ не хочешь знать никого и ничего въ мірѣ...

— Но пойми, Марія, я люблю Этьена, а люди разлучили насъ! — срывается съ моихъ губъ полными горечи и жалобы звуками.

— Вздоръ!—энергично отвѣчаетъ она. Вздоръ, Люся! Нѣтъ такого чувства, которое нельзя было бы побѣдить. Наконецъ, ты сама должна найти способъ забыть свою невзгоду, свое горе, уйти съ головой въ другія заботы, въ трудъ, наконецъ... Ты уже не дѣвочка, Люся, и понимаешь отлично, что наравнѣ съ розами счастья встрѣчаются и колючіе терніи на жизненномъ пути. Надо умѣть уничтожать эти терніи, надо бороться съ ними. Послушай, дорогая, хочешь я помогу тебѣ найти самое себѣ? Хочешь дамъ тебѣ трудъ, занятіе, работу, которые захватятъ тебя, дадутъ возможность приносить пользу другимъ и въ этомъ ты найдешь себѣ облегченіе?

— О, я была бы, такъ благодарна тебѣ за это Марія... — срывается самымъ искреннимъ образомъ съ моихъ губъ.

— Прекрасно, Люся; иного отвѣта я, признаться, и не ожидала отъ тебя. Такъ руку? И дружно вмѣстѣ впередъ, работать, трудиться и этимъ доставлять несказанное удовольствіе окружающимъ.

— Да, да, помоги мнѣ, Марія! Ты—такая сильная, мудрая, а я такъ несчастна,—шепчу я, глядя съ надеждой въ ея умное, энергичное лицо.

Она улыбается своей милой улыбкой, бросающей сіяніе на все ея некрасивое личико,

и оно становится такимъ одухотвореннымъ и свѣтлымъ при этой улыбкѣ, что я невольно бросаюсь на шею моей подругѣ дѣтства и крѣпко обнимаю ее.

А нѣсколькими днями позднѣе я сижу на «учительскомъ» мѣстѣ Маріи посреди классной и всячески стараюсь объяснить грозовыя явленія атмосферы моимъ маленькимъ ученицамъ и ученикамъ.

Два десятка глазъ впиваются въ мое лицо съ выраженіемъ самого жаднаго вниманія. Дѣтскіе глазенки смотрятъ на меня съ любопытствомъ и по этимъ яснымъ глазенкамъ я вижу, что слова мои понятны и интересны для дѣтей. «Школа» Маріи перешла теперь цѣликомъ въ мои руки. У молодой дѣвушки и безъ того много хлопотъ. Впрочемъ, я помогаю ей и въ сложномъ графскомъ хозяйствѣ. Помогаю теперь и дома отцу и Ганѣ...

И странное дѣло, въ работѣ, въ дѣлѣ все блѣднѣе и блѣднѣе становятся недавно пережитыя мною тяжелыя впечатлѣнія. Отходятъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше отъ меня и тоска по Этьенѣ и боль пережитаго перваго разочарованія.

Образъ моего товарища дѣтства хотя попрежнему живетъ въ моемъ воображеніи, но нѣтъ у меня уже прежней тоски, ни горечи при мысли о немъ.

Занятія съ бѣдными ребятишками, заботы о нихъ, шитье для нихъ платьевъ, бѣлья и костюмчиковъ совмѣстно съ Маріей и хлопоты дома по хозяйству занимаютъ теперь все мое время. Поневолѣ прихожу къ увѣренности, что принося пользу и помощь другимъ, я получила

пріятное и радостное удовлетвореніе отъ сознанія права на жизнь. И это сознаніе дѣлаетъ меня прежней Люсей, веселой и жизнерадостной, какъ прежде, готовой теперь во всеоружіи, энергично и смѣло встрѣтить, какіе бы то ни было удары со стороны причудницы судьбы, дающей людямъ то большія радости, то большія печали...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто предисловія 3

Часть первая. Дѣтство.

I. Шоколадная утка 5
II. Ф[illegible] 19
III. Царевна Мигуэль 36
IV. Зеленый 67
V. Гувернантка 94

Часть вторая. Ея отрочество.

I. Пе[illegible]й день 112
II. Портретная галлерея 137
III. «Монашка» 151
IV. Горе 167
V. Подвигъ 181
VI. Звонилка 205
VII. Экзаменъ 233

Часть третія. Юность.

I. [illegible]одно осеннее утро 248
II. [illegible]лѣсномъ гнѣздѣ 270
III. [illegible]елая роза 289
IV. [illegible]ерніи 308
V. «Медвѣжатникъ» и его доля 325
VI. Поздно 341
VII. Новыя цѣли 348